

РОБЕРТ АРАКЕЛОВ

КАРАБАХСКАЯ ТЕТРАДЬ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку—1995

ББК С (Аз)2
А 79

Спец. редактор *Эльмира Ахундова*
Редактор *Элина Гусейнова*
Художник *Хосров Гасымов*

Аракелов Р. К.

А 79 Карабахская тетрадь. - Б.: Азернешр, 1995. – 136 с.

«Карабахская тетрадь» — вторая книга бакинца армянской национальности — продолжает рассказ о подлинных целях и экспансионистских устремлениях идеологов и творцов карабахских событий.

Аналитические статьи и живые бытовые зарисовки о жителях области позволяют зримо представить всю неестественность и абсурдность карабахской авантюры.

А 4702060204—46 без объявл.
М—651(07)—94

ББК С (Аз)2

ISBN 5-552-01537-1

© Азернешр, 1995

ОГЛАВЛЕНИЕ

Летописец «Карабах»	4
От автора	6
Карабахские этюды	7
На поминках	7
На Пирово, 3	8
Две гитары за стеной	11
На мосту	12
Переперченный шашлык	13
Издранная книга	15
Прерванная игра	16
Костюм английского сукна	17
Кровь людская	19
Рассказ шофера	22
На хаше	24
Провалившаяся кампания	28
Тезка	30
Не слава, а презрение	31
Торговые шалости	33
Карабах: штрихи к портрету	35
“Карабах” и стихийный рынок: сиамские близнецы	35
“Карабах” сквозь призму веры	41
Технология националистического совращения	47
Больное воображение, или кастовый менталитет	50
Слухи как феномен “Карабаха”	52
Мания грандиоза	55
По поводу и существу...	60
А он, мятежный...	60
Дела “Особо важные”...	62
Веселый эфир “Радио Армении”	63
Что стряпается на “Карабахской кухне”	65
На каком языке изъясняются провакаторы	67
Логика агрессии, или чем завершаются территориальные претензии	68

ЛЕТОПИСЕЦ «КАРАБАХА»

В истории межэтнических коллизий, когда-либо имевших место в Закавказье, да и вообще во всем Кавказском регионе, нынешняя карабахская драма, начавшаяся холодным февралем 1988 года, не знает себе равных. Она беспрецедентна и по длительности, и по масштабности, и по резонансу, вызванному ею едва ли не во всех уголках земного шара. И что самое прискорбное, она беспрецедентна и по своей кровавости. И это понятно, ведь именно в карабахских событиях впервые на Кавказе был задействован почти весь арсенал современной боевой техники. А это не кавалерийские шашки и пехотные берданки времен армяно-азербайджанских противостояний 1905 и 1918 годов. Ну, и как результат - выжженные поля и пастбища, испепеленные города и села, тысячи и тысячи убитых и искалеченных, многие сотни тысяч обездоленных беженцев.

Собственно, опаленных «Карабахом» уже и не счесть - так их много. И автор этой книги - один из них. Всего только один, но кто сказал, что есть на свете хотя бы два человека с одинаковой судьбой. Нет, у каждого из нас она своя. Своей, непохожей на другие оказалась она и у Роберта Аракелова.

Эта непохожесть и в том, что он, наверное, единственный «челночный» беженец (сначала из Баку в Степанакерт, потом - из Степанакерта в Баку), единственный из армян, выразивший протест экспансионизму Армении в Закавказье, и, наконец, еще и в том что, кажется, само Провидение избрало его в летописцы и толкователи карабахской трагедии. Не для этого ли оно и забросило его в степанакертскую круговерть, в самую гущу событий? Что ж, если это действительно так, то Провидение, надо признать, на сей раз не ошиблось.

Эрудиция и основательные познания в целом ряде естественных и общественных наук, сочетание в его интеллекте двух начал одновременно, как некогда модно было говорить, - «и физика и лирика», а также факторы сугубо личностного характера (из которых отметим лишь три: жену - азербайджанку, нерасторжимую привязанность к городу Баку и русскоязычность), - все это содействовало тому, что, не согласившись с ролью статиста карабахских событий, он стал их своеобразным Нестором.

И лучшее свидетельство тому, что с избранничеством своим он справился, - эта вот его «Карабахская тетрадь».

Книга состоит из трех частей. В одной из них - «Карабах: штрихи к портрету» собраны материалы по различным общественно-политическим аспектам «Карабаха» в авторском их видении. В заключительную ее часть «По поводу и существу...» вошли статьи, увидевшие свет на страницах республиканских газет.

Причины трагедии, ее истинные творцы и задействованные в ней силы, технология и методы запланированной реализации целей карабахской авантюры, приемы националистического совращения жителей области, экономические, историко-теологические и морально-психологические составляющие драмы, - вот перечень вопросов, подвергнутых в книге всестороннему системному анализу. А без такого исследования, на кой взгляд, вообще невозможно комплексное понимание «Карабаха».

Другая часть книги - «Карабахские этюды» - это взгляд на «Карабах» с позиций «лирика», восприятие карабахских реалий не столько умом, сколько сердцем и чувствами. Фантасмагорическим назвал автор мир «Карабаха», и этюды, эти своеобразные рассказы о карабахских буднях, - тому свидетельство.

«Если бы в Степанакерте на третий год «Карабаха» вам вдруг встретился человек еще не разучившийся нормально мыслить, то знайте, что это мог быть только бакинец», - пишет автор в одном из своих рассказов. Вероятно, под этим бакинцем он имел в виду и себя, потому что именно так, глазами бакинца - старожилы, всматривался он в жизнь взбесившейся области, постигая образ мыслей и манеру поведения тамошнего люда в пору «Карабаха».

И возникает в его этюдах мир кривых зеркал, мир перевернутых образов и представлений. Сарказм и тонкая ирония, гнев и жалость, слезы и смех, - вот чувства, которые вызывает в нем этот мир и которые позволяют нам более зримо представить себе всю неестественность и абсурдность «Карабаха»...

...Все в этом мире преходяще, а потому рано или поздно канут в Лету и карабахские события, и их творцы, и мы, их современники. Но в анналах истории, особенно истории Кавказа, «Карабах» навечно останется как одна из самых кровопролитных и жестоких межнациональных распрей, все последствия которой для судеб региона сегодня невозможно предугадать.

Вот почему и завтра, и через много лет «Карабах» будет привлекать к себе внимание не одного поколения историков, этнографов, политологов, обществоведов и вообще всех тех специалистов, кто когда-либо избрет Кавказ в объекты своего изучения. И в поисках истины о «Карабахе» они не единожды еще обратятся к «Карабахской тетради» как к одному из наиболее честных документов о так мучающих нас сегодня событиях.

Эльмира Ахундова

ОТ АВТОРА

-Отдать швартовы, - разносится над судном усиленный динамиком зычный голос знакомого капитана, и наш буксировщик медленно отваливает от стенки пристани «ЗЫХ-2».

Я стою на корме, жадно вглядываюсь в уходящие от меня огни города, а предательские слезы застилают глаза.

Крепчает ветер, собравший над морем тяжелые черные тучи, и по-зимнему тугая волна все сильнее качает буксировщик. А вокруг - безлунная и беззвездная ночь, и такое впечатление, что утро уже никогда для меня не наступит.

-Право руля, - командует капитан, и мы ложимся курсом на туркменский берег Каспия. А на родном берегу тухнет и исчезает последняя лампада. И только далеко-далеко по левому траверзу тревожно мерцает пробившийся сквозь туман свет одинокого маяка.

-Все, прощай Баку, - шепчу я дрожащими губами, - увидимся ли мы вновь...

Так началась моя одиссея, в конце концов и приведшая меня в Степанакерт, еще недавно такой знакомый и уютный, а теперь неузнаваемый и беснующийся юрод. Словно какая-то страшная болезнь поразила его жителей, отчего их души лишились покоя, а умы - по-доброму мыслить и рассуждать.

Вот в таких-то условиях, чтобы и самому вконец не озлобиться и не одичать, я и завел свою «Карабахскую тетрадь». В ней я отводил душу, ей доверял свои мысли. И писал - когда прозою, когда стихами. Что-то писал сразу набело, что-то - вчерне, а что-то и одной-двумя фразами, помышляя уже потом их расписать.

Вот из части материалов «Карабахской тетради» и составилось почти все (за очень редким исключением) содержание этой - того же названия - книги, предлагаемой теперь читателю.

И если некоторые вещи в ней кому-то покажутся фантазмагорическими, то, во-первых, я был волен в выборе формы, а во-вторых - такова уж и сама карабахская реальность.

А между тем в этой реальности иные живут и год, и три, и пять. Сколько же еще?

И очень хочется надеяться, что, может, хоть эта книга, будь она прочитана, позволит некоторым из них, пусть всего и несколькими, понять, сколь ирреально, сколь фантазмагорично само их бытие. И сколь необходимо, во их же благо, отречение их от этого бытия.

А в заключение считаю своим долгом сказать, что эта книга увидела свет только благодаря старанию группы добрых людей, ведомых человеком особой души и высокого благородства Эльмирой-ханум Ахундовой. Ей и признательность моя и мой поклон.

КАРАБАХСКИЕ ЭТЮДЫ

Этюды, предлагаемые вашему вниманию, - это своеобразные зарисовки карабахской жизни во время моего пребывания в тех краях. Фабула их и завязка - всегда реальны, но эти рассказы - не стенографический отчет, не протокольная их запись, а мое собственное видение реалий «Карабаха». И если они вызывали у меня чувство смеха, то и этюды тоже получались веселыми, а если навевали грусть, - то печальными и грустными.

И я очень надеюсь, что и у читателя они вызовут те же чувства.

НА ПОМИНКАХ

Диву даешься тому, как и какими методами травят здесь душу обывателя ядом пещерного национализма, абсолютно не заботясь о пристойности.

...С похорон старушки - бабушки моего нового степанакертского знакомого - возвращаемся на поминки в навеки покинутый ею дом. И пока мужчины рассаживаются, бразды руководства этой печальной трапезой уверенно берет в свои руки некий упитанный и розовощекий господин лет этак шестидесяти.

По его команде пьем первую рюмку за упокой души усопшей и, не успев передохнуть, вторую - за здоровье ее детей и внуков. И только после этих двух по-гусарски залпом осушенных рюмок тамада предлагает гостям заняться едой.

Сам он ест основательно - молча и ничем не отвлекаясь. Минут двадцать. Наконец, утолив голод и чуть утомившись от усердия, тамада расстегивается на верхние пуговицы пиджака и вновь устремляет свой начальствующий взор на присутствующих.

...Крякнув от удовольствия, он встает на ноги и, приказав наполнить рюмки и стаканы, заводит речь. Речь долгую и назидательную. Он говорит о каких-то тысячелетней давности событиях, о кознях врагов, о мудрости лидеров карабахского движения, кого-то клянет, кого-то восхваляет.

И громко, словно бы на митинге, завершает свой спич тостом: выпьем за успех нашего дела.

Я слегка пригубляю рюмку и ставлю ее на стол. Но тамада, оказывается, за всеми следит и все видит.

- Эй, вы там, - кричит он мне, - этот тост надо пить до дна. - И ждет, пристально глядя на меня. От этого холодного взгляда тамады мне становится неуютно, и я, виновато улыбаясь, допиваю рюмку до дна.

- Вот так, - удовлетворенно кивает он в мой адрес и вновь принимается за еду. Но тамада уже, видимо, не столь голоден, и его новый «перерыв на обед» длится не более пяти минут. Теперь ему больше хочется говорить, чем есть. И он командует: наполнить рюмки!

Рюмки наполнены, и тамада, уже не вставая со стула и, словно бы продолжая прерванную речь, рассказывает собравшимся на поминках людям, какой это смелый народ фидаины и как мужественно и храбро они сражаются за дело миацума.

- Победа будет за нами, - кричит захмелевший тамада, и вдруг... начинает петь. Да-да, петь. Петь самую популярную здесь по нынешним временам песню «Карабахцы», сочиненную одним из далеко от этих мест живущих композиторов.

И звучит высоким фальцетом, таким неестественным для его тяжеловесной, объевшейся фигуры и физиономии, голос тамады, тревожа тень хозяйки, душа которой, как утверждают, еще сорок дней будет возвращаться в этот дом.

Но, похоже, многие за столом уже и не помнят, что привело их сюда в этот час, и они, наскоро закусив огурчиком, торопятся поддержать тамаду своим пением. И через минуту-другую то в одном, то в другом углу комнаты складываются нестройные мужские хоры, в басовых регистрах которых безнадежно тонет фальцет тамады.

Слов этой песни я не знаю, да и не они меня тревожат, а музыка. Эта музыка, напевы этого полумарша-полугимна странным образом бодрят уже и меня, и я, закрыв глаза, вдруг каким-то внутренним оком вижу родные мне лица, и тоже начинаю верить. Верить, что когда-нибудь весь этот кошмар кончится, и я еще успею посидеть за вот так же богато убранным столом, но столом уже не поминальным, а праздничным, и тоже буду петь. Другие песни и о другом. О чистом и вечном.

А пока... а пока звучит в устах этих оболваненных мужчин бодрящая песня «Карабахцы», словно и не три часа назад отпевали в этой комнате покойницу.

Боже, как все на этой земле исказилось и исковеркалось.

НА ПИРОВО, 3

Мой дед по отцу родился и безвыездно прожил свои годы в карабахском селе Дашбулаг, что в двадцати пяти километрах от Степанакерта (в пору жизни деда еще именуемого Ханкенди). Кто и когда назвал это село Дашбулагом, что в переводе с азербайджанского означает «Каменный родник», его жители уже и не помнят, но откуда оно пошло - догадаться не трудно: и по сию пору бьет у въезда в село прозрачную студеною водою родник, одетый в каменные глыбы.

До известных событий жили в Дашбулаге и армяне и азербайджанцы, деля на всех колхозные и беды и радости, и хоть хватало сельчанам и того и другого, радостей было все же поболее, поскольку колхоз был крепок, и крепок настолько, что даже мог содержать рейсовый автобус «Дашбулаг - Баку», чего соседние села позволить себе не могли.

Да, так было, но сразу же после февраля 1988 года для сельчан-азербайджанцев наступили трудные, страшные дни, и они стали покидать село. А последний азербайджанец оставил Дашбулаг после взрыва, прогремевшего у порога его дома в ночь на 11 августа 1989 года.

И стало с тех пор это село абсолютно, как любила выражаться газета «Советский Карабах», «армяноязычным»...

Когда-то, в далеком детстве, возила меня мама в те края: едва ли не каждое лето. С той поры так и осталось в памяти, как возвращаюсь я с полей в село, лежа на запряженной волами поскрипывающей арбе, устланной соломой, и гляжу в летнее небо, такое же безоблачное и бесконечное, какую мне представлялась тогда и моя жизнь.

Но детство ушло, не стало потом и мамы, и хоть в Карабах частенько наезжал я и позже, но ограничивался все больше областными городами, а вот съездить в дедово село мне было все недосуг. Так бы оно, наверное, и продолжалось, не разразись кровавый «Карабах» и не забрось он меня в те края на долгие месяцы. А уж оказавшись там, я вдруг отчетливо вспомнил те свои давние поездки в село, и до того защемило в сердце, что решил я непременно побывать в Дашбулаге.

И вот как-то в кругу людей, среди которых была и одна чопорная дама из руководства степанакертской мэрии, свое желание съездить в Дашбулаг я высказал вслух. Но не успел закончить и фразы, как эта самая дама, строго взглянув на меня, буркнула сквозь зубы:

- Такого села больше нет!

В голове моей промелькнули картины страшного мора, массивной бомбардировки, испепеляющего пожара, и я дрожащим голосом спросил ее:

- Как нет, куда же оно делось?

- Такого села больше нет, - теперь уже отчеканила она, - есть село Арцахашен.

- При чем тут Арцахашен? Я хочу в Дашбулаг, - вскричал я в ответ.

Тут она взглянула на меня так, словно перед нею умалишенный, и демонстративно повернулась ко мне спиной. Теряясь в догадках, я не знал что и подумать, но меня выручил стоявший рядом мужчина:

- Да переименовали твой Дашбулаг, и переименовали в Арцахашен. Вот и весь секрет...

Ах, вот оно в чем дело, - наконец-то дошло до меня - село, которое изначально называлось Дашбулагом, эти алхимики от топонимики одним росчерком пера переименовали на армянский лад в Арцахашен. Ловко, ничего не окажешь, чувствуется шулерская рука.

Но, признаюсь, долго рассуждать над подобной ловкостью я не стал, решив, однако, что в село я все же поеду, как бы оно теперь ни называлось.

Сказано - сделано, и в ближайшее же воскресенье направил я свои стопы на местный автовокзал. И между прочим, придя туда, долго искал нужный мне автобус, да все никак не мог найти, пока не вспомнил о переименовании села. А уж вспомнив, сразу же среди десятка автомашин разглядел автобус, на ветровом стекле которого была закреплена дощечка с лаконичной надписью «Арцах». В автобусе сидело человек двенадцать - не более, но водителя в нем не было, и я в машину не поднялся, докуривая сигарету на остановке.

Вдруг подбегает к автобусу женщина, нагруженная сетками да корзинами, и спрашивает у пассажира, по-барски развалившегося на переднем сиденье у открытой двери автобуса, дескать, не этот ли поедет в Дашбулаг.

-Нет! - заорал ей в ответ мужчина и отвернулся.

От его ора женщина вздрогнула, но, не поняв причину его гнева, лишь пожала плечами и вместе со своей поклажей побежала искать нужный автобус.

- Пойдите, пойдите, - остановил я ее, - этот едет, этот, но не в Дашбулаг, а в Арцахашен.

- Ах ты, черт, - чертыхнулась женщина и бросилась в обратную сторону. А поднявшись в автобус и проходя мимо мужчины, заставившего ее понапрасну бегать с тяжелым грузом, она что-то ему сказала, и, по всему, очень злое, поскольку, будто ужаленный, тот тут же вскочил на ноги и, размахивая руками, заорал на нее, словно базарная баба. Но и женщина не оставалась в долгу, отчего мужчина все более распалялся, и через пару минут пассажиры автобуса уже не на шутку схватились друг с другом, разделившись на две примерно равные части.

Я смотрел на этот базар и вдруг подумал: а ведь та горисполкомовская дама права, и Дашбулага уже нет. Он остался в моем детстве, в былом, а на его месте, на тех же холмах, теперь стоит совсем другое село, село Арцахашен, которого я никогда не видел и не знал. Да и не хочу знать. Но тогда, куда я еду? Да и зачем? На душе стало горько и тоскливо, и, постояв еще минуту, я плелся обратно в город.

Прошагав с четверть часа, я набрел на кафе и, будучи голоден, вошел в него. Посматривая по сторонам, куда бы мне сесть, я разглядел в углу залы своего давнего здешнего знакомого Андрея, одиноко сидевшего за столом. И направился к нему.

- Привет, Андрей.

- Привет, только я не Андрей.

Черт, подумал я, неужели и память мне стала уже изменять. И тотчас же извинился перед ним:

-Вы уж простите меня, но такое сходство...

И только решил было отойти и сесть за пустующий соседний стол, как вдруг услышал:

- Куда ты, я это, я. Не спугал ты. Просто я теперь не Андрей, а Андраник.

- Как, и тебя тоже переименовали? - спросил я его в изумлении.

- Что ты имеешь в виду? - теперь уже он спросил меня.

- Да вот, - ответил я, - село Дашбулаг переименовали в Арцахашен.

- Знаю, слышал. Садись, садись - пригласил он меня. Я сел за стол, и мы выпили по стакану вина за нашу встречу.

Андрей - Андраник рассказал мне, что у него на этот час была назначена деловая встреча, да вот только напарник его что-то запаздывает.

Мой сотрапезник был явно не в духе, не лучше чувствовал себя и я, оттого, наверное, наш разговор не клеился. И тут я вспомнил, что лет так пятнадцать назад у него, человека тогда уже обремененного семьей, приключился роман с одной молоденькой студенткой здешнего техникума, некой Анной, по юности лет годящейся ему в дочки. Шумная развязка того романа пришлась по срокам как раз на дни моей очередной командировки, отчего я и оказался очевидцем этих событий. И вот теперь, решив, что воспоминания о давних его похождениях хоть чуть-чуть да развлекут нас, я спросил у него, как там Анна, и продолжает ли он с нею видаться.

- Нет, - ответил он мне, - разве что случайно на улице. Да ты теперь ее не узнаешь - раздобрела очень. Кстати, она теперь не Анна, а Анаит.

Поверите ли, услышал я это, и такая меня злость охватила.

- Так, так, значит, и ее теперь переименовали?

- Значит, и ее, - очень уж равнодушно отвечает он мне.

- Понятно. Ты только ответь мне, с чего это вы все переименовываться стали? Вот ты, к примеру, столько лет был Андреем, а теперь превратился в Андраника. Зачем?

- Да как тебе сказать. Говорят, к истокам своим возвращаемся.

-К истокам, говоришь. Ну, так и назвался бы сразу Адамом. А может, ты человек неверующий? Бывает. А коли так, то назвался бы сразу гориллой. Если вспоминать об истоках, то дальше, как говорится, некуда.

И я, не доев и не допив, ухожу из кафе, даже не попрощавшись с ним.

Выйдя на улицу и подумывая о том, чем бы занять себя в этот воскресный день, я вдруг вспомнил о письме, данном мне еще в Ашхабаде одним бывшим бакинцем, попросившим передать его своему родственнику - жителю Степанакерта.

Нехорошо получается, подумал я, столько дней я уже здесь, а отнести письмо ленюсь. Вынув его из кармана пиджака, я прочел на конверте такую вот надпись: улица Кирова, 3. Саркисову Мартину (лично).

Лично так лично, подумал я, и стал гадать, как мне на эту самую улицу Кирова выйти. А тут вижу, что стою рядом с одним из почтовых отделений города. И полагая, что уж его-то работники враз мне это объяснят, захожу в здание почты. А на почте в этот воскресный день - ни посетителей, ни работниц. И только у одного из окошечек сидит молоденькая сотрудница да со скуки листает какой-то иллюстрированный журнальчик.

Подхожу к окошечку, здороваюсь и говорю ей: извините, мол, не подскажете ли, как найти мне улицу Кирова, дом 3 и далеко ли это отсюда.

- Да нет, - говорит, - тут рядом. Пойдете вверх по улице до первого угла, завернете направо и прошагаете еще метров двадцать. Так и выйдете до вашей улицы, к самому ее началу. Словом, ходить вам минут десять-пятнадцать, не более того. Только знайте, что улицу эту мы теперь не Кировой зовем, а Пировой, и адрес ваш, следовательно, будет улица Пирова, дом три.

- Так, все понятно. Значит, и улицу Кирова переименовали?

- Значит, переименовали. Впрочем, продолжает она, - отменить старое название отменили, а нового городские власти еще не придумали. Вот мы, почтовые работники, и решили ее именовать Пировой.

- И чем же это, - спрашиваю я, - Киров вам не понравился?

- А тем, - отвечает она, - что наш Карабах азербайджанцам отдал.

- Ничего и никому он не отдавал, - разъясняю я ей, - а Карабах и до того был азербайджанским. Так что Киров тут ни при чем.

- Вы, видимо, с Луны свалились, - парирует она, - послушали бы наших лекторов-историков, тогда бы так не говорили.

Спорить с ней было бесполезно, и я только уточняю у нее:

-А почему вы эту улицу Пировой назвали? Он-то кто таков?

- А никто ни таков, - с серьезным тоном поясняет она. - Это почтальоны так решили. Только услышат про улицу Пирова, так сразу же знают, что это бывшая Кирова. И удобно и со смыслом.

- Удобно - это точно, - подтверждаю я ей, - а вот насчет смысла я что-то не уяснил. Не объясните ли?

- А тут все просто, - отвечает она. - Дело в том, что на улице этой наш Дом торжеств расположен. Свадьбы там устраивают, героев чествуют, дни рождения проводят. Словом, пируют. Вот и получается эта улица Пировой. Понятно?

- Понятно, как не понять, - говорю, а самому до того весело стало, что чуть было не расхохотался. Но сдержался и спрашиваю:

- И много вы подобным макаром переименовали?

-Хватает, - отвечает. - К примеру, была у нас тут улица Бакинская, так горисполком отменил это название. И пока там думают, чем заменить, мы, почтовые работники, по предложению нашего же сотрудника, активиста комитета «Карабах», дали ей название «Жакинская». Тоже ведь удобно, была Бакинская, стала Жакинская.

-Удобно, это точно. Ну, а смысл-то в этом названии каков? - допытываюсь я.

- А это мы так в честь одного знаменитого иностранца ее назвали, - щебечет она. - Звали его Жаком, а по прозвищу Русский, по-ихнему, значит, Руссо.

И говорит она мне все это на полном, что называется, серьезе - и глазом не моргнув.

А я опять спрашиваю:

- И какое же он к вашему городу отношение имеет?

- Как какое, - восклицает эта девица, - так ведь, говорят, большой демократ он был. А мы все тоже за демократию.

- Так, так, - перевариваю я услышанное, не зная, что ей и ответить.

Но отвечать и не понадобилось, поскольку именно в эту минуту на почту зашли какие-то молодые люди, и девушка побежала к другому окну, чтобы обслужить их. А я покидаю почту, и, раздумывая о премудростях демократии, направляюсь по нужному мне адресу.

И улицу Пирова и дом номер три я нашел быстро. У ворот этого дома сидела молодая женщина и держала на руках младенца.

- Здравствуйте, - говорю ей, - не здесь ли живет Саркисов Мартин.

- Вообще-то здесь, - отвечает она, - но, во-первых, он уже не Мартин, а Мартирос, а во-вторых, сейчас его дома нет, поскольку он уже с самого утра ушел на вокзал, чтобы поехать к брату в село Арцахашен.

А не то ли это хам, что заставил женщину бегать с авоськами по вокзалу? - мелькнуло у меня в уме. - Ведь в автобусе всего только один мужчина и был. Так, значит, этому-то бурбону я и вез письмо. Знал бы - не взял. Ну да ладно, раз довез, то уж отдам.

И обращаюсь к женщине:

- Передайте, пожалуйста, это письмо Мартиросу, когда он вернется из Арцахашена.

- Хорошо, передам, - отвечает женщина. - А как о вас сказать, кем вы ему будете.

Я чуть-чуть подумал и ответил: - Земляк я ему, гражданочка, земляк. Черт бы меня побрал.

И пошел куда глаза глядят.

ДВЕ ГИТАРЫ ЗА СТЕНОЙ...

Если бы в Степанакерте на третий год «Карабаха» вам вдруг встретился человек, еще не разучившийся нормально мыслить, то знайте, что это мог быть только бакинец.

Ну, если не бакинец, то бакинка, и N - одна из них. Вообще-то N родилась в Степанакерте, но двадцать пять лет назад девятнадцатилетней девушкой вышла замуж за бакинского парня и переехала жить в Баку. Как полагала, навсегда. Но жизнь распорядилась по-своему, и год назад вместе со всею семьею она вернулась к матери в Степанакерт.

N - словоохотлива, и вот однажды, встретившись со мною на степанакертской улице, она предалась воспоминаниям.

- Сижу я как-то дома, ну, там, в Баку, и смотрю телепередачу о карабахских событиях. И вдруг в беснующейся степанакертской толпе различаю свою собственную мать, выкрикивающую чудовищные лозунги. На весь экран! Ты представляешь мое состояние? Ведь все мои соседи ее хорошо знают, по несколько раз в год она приезжала к нам погостить.

Потрясенная увиденным, бросаюсь к телефону, дозваниваюсь до нее и спрашиваю: - Мама, что же это вы там делаете, подумайте же о нас, обо мне, о ваших внуках. Нам же от всех этих ваших фокусов и стыдно и страшно.

- И знаешь, что она мне ответила, - продолжает N. - А вас, - говорит, - никто не заставляет жить в Баку. И чтобы не было вам ни стыдно и ни страшно, приезжайте сюда. Места вам всем найдется. - Вот я и приехала...

Дальше некуда...

И N. жалко улыбнувшись, умолкает, должно быть, памятью уйдя в свое прошлое, в свой бакинский дом. Молчу и я. А потом спрашиваю:

- Кто твоя мама, чем она занимается?

- Ничем. Второй год как на пенсии. А до того тридцать лет работала в школе.

-Представляю, чему она учила детей, - бросаю я реплику.

Но тут подходит ее автобус, и она уезжает.

А недели через две я снова встречаю ее, возвращающуюся с рынка домой с авоськами в руках. Здравуемся, и я предлагаю ей: - Давай помогу тебе, а заодно и на твою маму-патриотку погляжу.

- Идет, - соглашается она, но, наслышавшись о моей дурной славе, предупреждает, - ты только не очень выступай, а то она того, женщина без церемоний вмиг тебя выставит.

- Ладно, буду молчать, - обещаю я ей, а мы направляемся к ее дому.

Идти было недолго, минут двадцать, и вот мы входим во дворик небольшого одноэтажного дома, в котором, как рассказала мне по дороге N. помимо ее матери обитают еще две семьи - самой N и ее брата.

Оглядываясь, и в дальнем от нас углу дворика вижу полноватую пожилую женщину и рядом с нею подростка, сидящих на тахте под навесом. У подростка в руках книга, и пока проходим через дворик, N успевает скороговоркой прошептать: - Это мой племянник и мамин любимый внук. Он - семиклассник и постоянный паж своей бабушки на всех митингах и демонстрациях.

Подходим к женщине и N представляет ей меня как своего давнего знакомого. А потом усаживает на тахту за стол и идет готовить чай. Перебрасываюсь с женщиной парой общих фраз и скоро умолкаю, не обнаружив у нее желаний к долгим разговорам. В эту минуту ее, по-видимому, ничто так не интересует, как содержание той книги, что держит в своих руках ее внук. И она призывает:

- Ну, где ты там остановился, давай уже, продолжай, да читай погромче.

И мальчик, раскрыв книгу, заложенную пальцем на какой-то странице, продолжает чтение, прерванное моим и N приходом:

- Султан Абдул-Гамид Второй взшел на турецкий престол 31 августа 1876 года. Это был жестокий и коварный правитель, организовавший...

Внук-подросток читает теряющей зрение бабушке книгу. И казалось бы, такая мирная, такая, если угодно, идиллическая картина, но почему, почему и у бабушки и у ее внука такие злые, такие злобно-сосредоточенные лица, почему голос мальчика не звонок и чист, а так тверд и сух, почему в нем столько металла.

Я смотрю на этого подростка, слушаю его нудное чтение и негаданно уношусь памятью в свое собственное отрочество.

...Почти сорок лет назад, как и этот мальчик, я был семиклассником и, не имея ни велосипеда, ни фотоаппарата, ни баяна, тем только и занимал свое свободное от школьных дел время, что читал. И более всего книг исторических. А вот, поди ж ты, про этого самого Абдул-Гамида так ничего и не прочел. Наверное оттого, что не был он ни мушкетером, ни морским волком, ни карбонарием, ни народовольцем. Да, впрочем, и в библиотеках-то никто мне не предлагал о нем книг.

Н сказала, что этот мальчик бегаёт со своею бабкой на все митинги. Куда бегал я в его годы? Да и бегал ли вообще? А, вспомнил: бегал. Бегал в один не близкий от дома бакинский парк, чтобы в пятый раз увидеть трофейный фильм «Сестра его дворецкого» и в пятый же раз услышать, как Дина Дурбин, эта фея моего отрочества, дивно коверкая слова, поет строки старинного русского романа:

Две гитары за стеной
Жалобно заньли...

Ах, как она пела! И столько уж лет прошло, а те две гитары все стонут и стонут в моей душе...

Вот, наконец, готов и чай, и успевшая переодеться N разливает его по стаканам.

А я возвращаюсь из своего отроческого далека и... снова слышу: - Султан Абдул-Гамид Второй.

И такая тоска наваливается на сердце, что все вокруг становится нетерпимым и противным. Все: и эта женщина, и ее внук, и Абдул-Гамид и даже несчастная и ничем не виноватая N.

Она-то при чем, думаю я но уже и, не управляя собою почти кричу:

- Мне не надо чаю, мне надо уходить.

N удивленно смотрит на меня и вроде бы выпрашивает:

- А может, все же выпьешь стакан чаю?

- Нет, нет, - отвечаю я ей, - мне действительно надо уходить. Пока.

И я быстрым шагом ухожу из этого дома, чтобы там, на улице и в одиночестве, дослушать пение уже наверное и не существующей в мире Дины Дурбин:

Отчего да почему на глазах слезинки,
Это просто ничего, по любви поминки.

НА МОСТУ

Над рекою, там, где она пересекает ближний пригород Степанакерта, проложен мост. Мост этот - часть трассы, соединяющей Шушу с Агдамом, и боевики, блокируя Шушу, систематически его взрывают. В очередной раз он был взорван три дня назад, и вот сейчас солдаты саперной части здешнего гарнизона заканчивают его восстановление. Им еще кое-что осталось доделать, но движение по мосту уже открыто.

Стоя на высоком берегу реки, в двух метрах от моста, я вижу, как медленно въезжает на него шушинский рейсовый автобус, сопровождаемый бронетранспортерами - по одному впереди и сзади автобуса.

Без них автобусу никак нельзя, ибо вот уже который год, как любой шушинский транспорт, тем более пассажирский, для определенной части оболваненного населения армянской общины представляет болезненно злобный интерес. Вот и в этот час, на том же высоком берегу, где стою и я, собралась толпа взвинченных людей числом до двадцати. И все - мужчины.

А кругом буйствует лето, стоит жара, и оттого, наверное, все стекла окон автобуса опущены до упора. В этот обеденный час солнце уже перевалило через зенит, и хоть автобусу, по черепашьи ползущему по мосту, до нас никак не меньше метров шести-семи, салон его столь ярко освещен косыми лучами солнца, что лица многих пассажиров отчетливо различимы. Но более всего нам зрима девушка, что сидит во втором ряду у окна на обращенной к берегу стороне автобуса. Девушка молода - ей не более двадцати лет, и сидит она облокотившись правою рукою на подоконник, а под локтем у нее шаль, должно, чтобы не резало руку. Этою же рукою она поддерживает свою головку, слегка высунув ее из окна. Лицо ее обращено к солнцу, и от ярких его лучей она

зажмурила глазки. Ее чистое и безмятежное лицо озаряет улыбка, и я уже ясно различаю, как сквозь дрему она что-то шепчет сама себе. Девушка словно бы ушла, отрешилась от окружающего ее мира, и грезит о чем-то своем.

В эту минуту она так мила, что мне хочется не отрываясь смотреть на нее. И я смотрю, а потом, уже и сам позабыв, где нахожусь, чуть слышно и как бы в унисон с нею тоже начинаю нашептывать вдруг припомнившиеся мне строки бодлеровской «Малабарки».

Счастливого дитя, зачем же край прекрасный
Оставить хочешь ты для Франции несчастной
И с тамагиндами родными распрощась...

Легкий ветерок, так кстати повеявший откуда-то с гор в сторону реки, должно быть, донес до нее мое нашептывание, и она, лениво приоткрыв глазки, взглянула на меня.

Взглянула и... не отвела глаз. Благодарный, я улыбнулся ей в ответ и быстро-быстро закивал ей головою. Здравствуй, мол, юная чаровница.

Ах, как хорошо, как чудесно было все в ту минуту. Журчала вода в реке, дурманил запах полевых цветов и травы, и солнце, такое яркое солнце играло бликами на ее милом лице.

Умиротворение, разлившееся вокруг, воскрешало в душе даль прошлого и рождало надежду: мол, держись, старина, может быть, не все еще и стинуло. И мы, два незнакомых друг другу человека, один - давно уже переживший свою молодость, и она - юность во всем своем очаровании, улыбались друг другу, и нам было хорошо.

Улыбались и... проморгали. Проморгали и не заметили, как кто-то из сгрудившихся на берегу мужчин, выскочив из толпы, вмиг подбежал к самой воде, к краю берега, куда уже вползал автобус, и, подпрыгнув до уровня окна девушки, во все горло послал в ее адрес самую гнусную, самую отвратительную брань.

Сделал это он на азербайджанском языке да так громко, что слышно было всей толпе. А эти выражения здесь поймут и на латыни, и концовка его похабщины потонула в хохоте толпы. Толпа ржала, а мне показалось, что кто-то опустил меня в зловонную яму, да так опустил, что нечем стало и дышать. От ужаса я сжался, съезился, но более всего мне стало страшно за девушку. Мелькнула мысль: в мои ли голы привыкать к мерзостям жизни, а каково ей.

А девушка... Нет, девушка не отвела от меня своих глаз, но смотрела уже не так, смотрела по-иному и словно бы вопрошала: ну зачем он так, зачем, ведь все было так хорошо.

Что мог я ей ответить? Я смотрел на нее и шептал ей: прости меня; прости, что я слышал всю эту грязь и не испарился, не растворился, не провалился сквозь землю. Но ведь он не спросил меня, понимаешь, не спросил. Вот точно так же, не спросив ни меня, ни тебя, какие-то изверги обрушили на эту землю океан ненависти, и уже никто не знает, как на ней жить.

А автобус, между тем, оставив позади мост, уже ехал по большаку, набирая скорость. Еще чуть-чуть, и он должен будет исчезнуть за первым же холмом, закрывавшим от меня дорогу.

- Прощай, - шепчу я девушке, уже почти не видя ее, - прощай и прости.

Но свершается чудо, и в то последнее мгновение, которое еще оставалось до исчезновения автобуса, я снова вижу ее. Это было так удивительно: она вся высунулась из окна и смотрела на меня улыбаясь. А солнце, все то же яркое солнце, играло бликами на ее милом лице.

Боясь не успеть, я лихорадочно машу ей руками и шепчу: спасибо тебе, чудное создание, спасибо; будь же счастлива, милая девушка, пожалуйста, будь счастлива, и прощай.

ПЕРЕПЕРЧЕННЫЙ ШАШЛЫК

С бывшим бакинцем С. я познакомился в игротке Степанакерта. Он почти мой одноклассник, до к тому же, как и я, ходил здесь в соломенных вдовцах, поскольку вся его семья находилась в ту пору в Москве. Собственно, еще месяц назад он и сам пребывал в белокаменной, дожидаясь разрешения на выезд в США: нужные на сей счет анкеты им давно были заполнены и сданы в американское посольство. Что же до причин его приезда в Степанакерт, то С. объяснял мне их так:

-Понимаешь, мелькала у меня порою мысль, а может, не стоит так далеко уезжать - это ведь уже навсегда, может, надо лишь переждать это смутное время где-нибудь вблизи от дома, а там, глядишь, все и обойдется. Вот и приехал сюда, благо есть у меня тут родственники, чтобы изнутри поглядеть на все это и проверить, верна ли та моя мысль. А как поглядел, так сразу же понял, что закручено здесь основательно и надолго. А я долго не выдержу - чокнусь, ибо и не город это уже, а сумасшедший дом. И как тут люди живут? Словом, уеду я скоро отсюда, да и разрешению из США пора уже подоспеть. В общем, брат, уезжаю...

И вот, недели через две после того разговора снова встречаю С. в игротке и узнаю, что послезавтра он уже навсегда оставляет этот город, поскольку, как телеграммой сообщила ему жена, разрешение уже пришло.

От скорой разлуки обоим нам, понятное дело, взгрустнулось, а посему решили мы на прощание завтра вечером вместе отужинать.

И вот на следующий день часам к семи отправились мы с ним в «Бадару», пожалуй, лучшую из здешних шашлычных. Расположенная за городской чертой и на берегу говорливой речки, в тени ветвистых деревьев и высокого кустарника. «Бадара» привлекала к себе многочисленный люд еще и мастерством своих кулинаров. К тому же у С. был здесь знакомый официант, который мог нас быстро и прилично обслужить.

Словом, приехали мы в «Бадару» и первым делом отыскивали того официанта, который, к нашему удовольствию, оказался на месте. Но пришли мы, видать, поздновато, и все кабины «на двоих» были уже заняты. И официанту не оставалось ничего другого, как разместить нас в небольшом павильоне на три столика, два из которых пока что пустовали. Пообещав вкусно накормить, официант посоветовал заказать шашлык из говядины, добавив, что замолвит на кухне от себя словечко, дабы приготовили его нам из мяса скотины, заколотой только сегодня утром. Мы последовали совету официанта и, поблагодарив его, попросили не забывать закусок и вина. Минут через тридцать пат заказ был выполнен, и мы принялись за еду. Мясо и впрямь было свежее, но вот шашлык показался С. горьким сверх всякой меры.

- Пустяки, - успокоил я его, - бастырму здесь вообще принято обильно перчить, вот и получается шашлык горьковатым.

Слова мои успокоили С. и мы не без удовольствия продолжили нашу трапезу. Увы, удовольствие это оказалось недолгим.

Не прошло и пятнадцати минут с начала нашей трапезы, как в павильон под дикий хохот и браваурное пение ввалилась тройка молодых крепких парней, усевшаяся за один из двух пустующих столов.

- Его только мне не хватало, - бросил С., едва взглянув на парней.

- Кого? - спросил я.

- Да вон того, что в коричневой куртке.

На одном из этих ребят действительно была коричневая куртка.

- А кто он? - полюбопытствовал я.

- Сын моей двоюродной сестры, и, значит, вроде бы мой двоюродный племянник. Отпетый бандит, каналья, каких поискать.

Между тем вслед за этой тройкой в павильон вошел и официант, знакомый С.

- Панаша, - обратились они к нему разом, - три водки и десять порций шашлыка. Да будь повнимательней, чтоб мясо было из нашей скотины.

И дружный хохот парней словно бы потряс тонкие фанерные стены павильона.

А в следующую минуту родственник С. увидел нас...

- О, дядюшка, - вскричал он, - давненько ж мы не виделись. Рад приветствовать тебя.

И он направился к нам. А когда парень почти оказался у нашего столика, официант, принявший заказ, уже выходил из павильона. Но уйти ему парень не дал.

-Эй, - позвал он официанта, - ну-ка иди сюда. Ты скажи мне, каким шашлыком потчует моему дядю, из какого мяса?

- Не беспокойся, - ответил официант, - твой дядя мне друг, и я рад ему услужить. А что до мяса, то свежее быть не может - из вашей скотины.

- Добро, - отозвался парень, и шашлычник вышел из павильона. А молодой человек, наклонившись к С., спросил его:

- Может, что надо, дядя?

- Спасибо, всего хватает, - поблагодарил С., - ты только скажи мне, почему ту скотину, что закололи сегодня утром и из мяса которой приготовлен наш шашлык, официант назвал вашей?

- Почему? - переспросил парень и, наклонившись к С., прошептал ему на ухо:

-Вчера я с этими моими двумя приятелями угнал из стада соседнего азербайджанского села Малыбейли трех упитанных коровушек и продал их хозяину этой шашлычной. По божеской цене отдали, словно государственному заготовителю, - заржал парень и продолжил: - Вот и весь секрет, дядя. Ну, бывайте здоровы.

Парень направился к своим приятелям, а над нашим столом нависла тоскливая тишина.

А потом я услышал голос С.:

- Мне рассказывал один старик, что ежели скотину, перед тем как забить, несколько часов кряду держать в испуге, мясо ее начинает горчить. Должно быть от желчи, испускаемой печенью по всему ее телу. Потому, видимо, и шашлык наш таков...

И он отодвинул свою тарелку на противоположный край стола. Не лез кусок в горло и мне. И, уже не сказав друг другу ни слова, мы молча допивали вино, закусывая его сыром и зеленью.

ИЗОДРАННАЯ КНИГА

Услышал по бакинскому радио передачу, посвященную великому Низами, и память вновь перенесла меня в Степанакерт 1990 года.

...У входа на городской рынок и рядом с газетным киоском, сидя на стульчике, старушка продает семечки. Сам я их не жалую, но мой спутник, как оказалось, любит грызть семечки.

- Подожди, - останавливает он меня, протягивая старухе деньги.

Та, приняв их, привычным, уже натренированным манером вырывает из лежащей на ее коленях книги лист, скручивает из него кулечек, стаканчиком зачерпывает из мешочка семечки и сыплет их в этот кулечек.

И пока старуха выделяет эти свои нехитрые операции, мое внимание привлекает та самая книга, из которой она только что вырвала лист.

Я нагибаюсь, вглядываюсь и на твердой обложке книги прочитываю надпись, сделанную на азербайджанском языке: Низами Гянджеви.

Да, это была книга творений великого Низами с на треть уже вырванными страницами.

- Откуда у тебя эта книга, старая? - спрашиваю я у женщины.

Поначалу она и не понимает, чего это мне от нее надо. А уразумев, объясняет:

- Так это сосед у меня был азербайджанцем. Вот только исчез он куда-то. С мая прошлого года. А в комнату его вселились другие мои соседи. На расширение, значит, пошли. Они-то и по-выкидывали книги прежнего хозяина. А я их взяла себе. На кулечки...

Но едва старуха успевает договорить, как к ней подходит новый покупатель.

«Чзых» - привычно вырывает старуха новый лист, и звук этот словно молотком отдается в моем мозгу.

В эту минуту старуха напоминает мне живодера, и чтобы не видеть ее, я отворачиваюсь от нее к газетному киоску. Отворачиваюсь, но неожиданно и как-то вдруг встречаюсь глазами с каким-то пожилым мужчиной, с которым чуть было не сталкиваемся лбами. И чтобы не столкнуться, отскакиваю назад.

Чужое лицо в десяти сантиметрах от моего появилось словно из небытия, ибо еще мгновение назад - я это точно знал - рядом со мною никого не было. Откуда же оно взялось? Наваждение какое-то. Верно, наваждение, но оно очень скоро проходит, и я начинаю понимать, что те смотревшие на меня с такой близости глаза принадлежат вовсе и не живому человеку, а всего лишь статическому изображению некоего старика на цветной фотографии, что была приложена изнутри к боковому стеклу киоска.

Окончательно разобравшись что к чему, внимательно вглядываюсь в фотографию. Ах, вот, оказывается, кто минуту назад нечаянно так встревожил меня: католикос всех верующих армян Вазген Первый.

Да, на фотографии изображен был именно он - первоиерарх армянской церкви.

Он снят сидящим на массивном, стилизованном под трон кресле, в черном балахоне с черным же капюшоном на голове. На самой макушке капюшона - белоснежного цвета маленький крестик, шитый шелковыми нитками. А крест другой, большой и в дорогих камнях, свисает с шеи католикоса на его грудь, держась на золоченой цепи.

Приблизив лицо к стеклу, различаю на большом кресте, в его перекрестии, изображение младенца Христа в золотом нимбе. Смотрю на Спасителя, смотрю и снова слышу «чзых» - это старуха выдрала еще один лист.

Побуженный этим звуком, разгибаюсь и смотрю теперь уже в глаза католикоса: что скажешь, первосвященник, как объяснишь все то, что творится в твоей новой епархии.

Но первосвященник молчит, глядя на меня из-под капюшона прищуренными глазами. И о чем-то думает.

А мне хочется крикнуть и ему, католикосу, и епископу здешней епархии, и всем-всем, кто столь бесцеремонно нарушил покой этих гор, хочется крикнуть им: раньше надо было думать, раньше, может, и не пришлось бы тогда всем нам ходить по колену в грязи и в крови...

Увлекаемый за руку моим попутчиком, иду я своей дорогой дальше, а вослед мне несется все то же «чзых» и «чзых». Прости нас, Низами.

ПРЕРВАННАЯ ИГРА

В субботний день в послеобеденный час шел я неспешным шагом по степанакертской улице, направляясь в городской парк, где за игрою в нарды только и можно убить какое угодно время. Но куда я шел, откуда-то с гор подул холодный ветер, и погода изрядно попортилась. И люди стали расходиться по домам, боясь возможного дождя. Ну, а меня, не имевшего ни кола ни двора, пригласил к себе домой на нарды один из завсегдаев парковкой игротеки и частый мой визави за доской Варос К.

Моих примерно лет, Варос жил в доме вдвоем с женою, поскольку обе его дочери давно уже были замужем, а единственный сын обретался далеко от этих мест - в Молдавии.

И вот сидим мы у него дома, стучим в нарды и помаленьку пьем отменное вино, закусываем чем бог послал.

В комнате у Вароса тепло, уютно, и ублажает наш слух негромкая восточная музыка, льющаяся из радиоприемника. Словом, еще немного, и можно было бы забыть, где я нахожусь и в кои веки. Но... не получилось. А не получилось потому, что где-то через полтора часа после нашего прихода в дверь к Варосу вдруг кто-то постучал.

- Кого это нелегкая принесла, - удивился Варос, и пошел открывать дверь.

Неожиданным гостем - черт бы его побрал - оказался работник местного домоуправления, которого хозяева, в отличие от меня, знали в лицо.

Его пригласили к столу, и, как водится, все выпили за здоровье гостя. Вином он остался доволен, и, выпив еще штрафного, гость обратился к хозяевам с речью.

- Сообщаю вам, - сказал он, - что в области проходят выборы в парламент Армении, о чем вы, наверное, знаете и сами. Так вот, вы, как и прочие жильцы вашего дома, являетесь избирателями округа, от которого баллотируются работник горисполкома Петросян и деятель культуры Саркисян. Сейчас вы получите от меня по бюллетеню, в которые внесены обе эти фамилии. Одну из них вам надлежит зачеркнуть, другую - оставить.

Он извлек из папки, что была у него в руках, пачку бюллетеней, положил эту пачку на стол перед собой, и два верхних бюллетеня передал хозяевам.

- Что ж, это мы быстро, - сказал Варос, но как бы между прочим спросил: - Скажи, а не тот ли это Петросян, которого и зовут Петросом. У него еще, кажись, и «Жигули» имеются.

- Тот, тот, - ответил гость.

Между тем я заметил, что во время этого краткого диалога между хозяином и гостем хозяйка наша почему-то нахмурила брови и помрачнела.

А Варос, зачеркнув одну из фамилий, возвратил бюллетень гостю. Однако хозяйка не торопилась сделать то же самое и, застыв, словно каменная, становилась все более и более пунцовой.

Наконец, минуты через три, она спросила у гостя:

- Скажи, за кого мой муж голосовал?

Жэковский работник взглянул в бюллетень и сказал:

- Так, раз зачеркнута фамилия Саркисяна, значит, свой голос он отдает Петросяну.

От этих слов жена хозяина взорвалась, будто ошпаренная кипятком.

- Это почему же ты голосуешь за Петросяна, а? - язвительно и скороговоркой выговорила она мужу. - Ты же столько раз мне говорил, что он конченный дурак и негодяй, и что ты его терпеть не можешь. Уж не потому ли, что о жене его печешься? Хочешь, чтобы она еще лучше жила, а то, бедняжка, как я, десятый год в одном и том же пальто ходит.

И перейдя уже на крик, она продолжала свою речь, заливаясь слезами:

- Все знаю. Знаю, какими глазами ты смотришь на нее, знаю, что в молодости ты ухаживал за нею, что и сейчас, встретившись на улице, часами с ней болтаешь. Что ж, можешь идти к ней, да только зачем ты ей нужен, - не такая она дура, чтобы за такого голоштанца идти.

Она все говорила и говорила, но Варос был невозмутим и молчал. Наполнив стаканы вином, он одними глазами предложил нам выпить заодно с ним. Однако именно тогда, когда Варос еще допивал свой стакан, она, вытерев слезы, выдала такое, от чего он чуть было не поперхнулся:

- Ничего, ничего, я вот встречу этого самого Петроса и все порасскажу ему. Заодно на машине его покатаюсь. Глядишь, и подарок какой он мне преподнесет. А что, денег у него много, а я...

Но Варос не дал ей договорить и что есть силы вlepил ей развесистую оплеуху. От неожиданности жена хозяина на какое-то мгновение онемела, а потом, прижав ладонь к щеке и причитая, залилась слезами.

А гость, видя, как обернулось дело, втихомолку налил и выпил подряд два стакана вина, закусывая сыром, и уже потом, крикнув от удовольствия, небрежно бросил хозяйке:

- Послушай, нет у меня ни времени, не желания смотреть на ваши скандалы. Так что зачеркни одну фамилию и возвращай бюллетень. Да побыстрее.

Но не тут-то было, и хозяйка, еще более взвинтившись, набросилась теперь уже на жэковца:

- Заткнись, козел безбородый. Это ты во всем виноват. Чего приплелся, кто тебя звал. Выборы устроили, курам на смех. Вот тебе, твои выборы, - и она вырвала у него из рук мужнин бюллетень. Разорвав его на куски, она бросила эти кусочки бумаги мужу в лицо.

- Ах, так, - вскипел Варос, и, схватив лежащую перед жэковцем пачку бюллетеней, начал с каким-то диким остервенением зачеркивать во всех них фамилию Саркисяна. И при этом ехидно приговаривать:

- Вот тебе, вот тебе. Теперь уж точно изберут Петросяна, теперь уж точно потекут его жене денежки.

Жена Вароса еще пуще залилась слезами, а он, закончив с бюллетенями, коих в пачке было штук тридцать, весело посмеиваясь, спросил у гостя:

- У тебя есть еще? А то я ведь могу и их.

- Нет, нет, - ответил жэковец и, схватив пачку, бросился к двери.

Но добежать он не успел, потому что уже в следующее мгновение жена хозяина вцепилась в него, стараясь всю эту пачку бюллетеней вырвать у него из рук.

- Отдай, козел несчастный, - кричала она, - отдай, а не то глаза выколю.

Но гость оказался и сильнее и проворнее женщины, и, оттолкнув ее, он галопом бросился к двери. Но пока он добежал до нее, хозяйка схватила со стола тарелку с сыром и запустила ею в жэковца, да так ловко, что попала ему точно в затылок. Жэковец завопил от боли, но останавливаться не стал и, вобрав голову в плечи да потирая затылок рукою, выскочил из комнаты. И было слышно, как он убегает, вопя и перепрыгивая через три ступени...

А когда шагов жэковца не стало слышно, хозяйка села на диван, продолжая потихоньку всхлипывать. Сам хозяин молча сидел, опершись головою на руку.

По всему, мне надо было уходить, так и не доиграв очередную партию. И я ушел, по-английски не попрощавшись с хозяевами.

Я шел по городу, над которым сгущались сумерки, и думал о том, что вот точно так же, как этот жэковский работник, какие-то злые люди пришли однажды сюда, на благословенную землю Карабаха, чтобы нарушить покой и в душах и в домах его обитателей. И никак не могут уняться, разыгрывая фарс за фарсом. Взять хотя бы эти выборы, - кому они нужны? Уж кого хотели, того бы и назначали в парламентарии, не впутывая в свои аферы весь здешний люд. Нет, им хочется обмарать всех, и всех же сделать соучастниками своих преступных деяний. А эта претензия на альтернативность... Умри, Мюнхаузен, лучше не придумай.

А в итоге и этот мой вечер, как и все прочие здесь вечера, оказался безрадостным.

КОСТЮМ АНГЛИЙСКОГО СУКНА

Старый мастер, оставшись в ателье один, дошивал брюки, обещанные им заказчику к завтрашнему утру. Работа шла к концу, когда в ателье вошла одна семейная пара - немолодые уже муж и жена.

И хоть мастер, что называется, валился с ног, отказать им в приеме не смог, поскольку хорошо знал женщину, до замужества жившую с ним по соседству. Как оказалось, эти двое, зайдя час назад в комиссионный магазин, заметили там один мужской костюм, весьма приглянувшийся им при его более близком рассмотрении.

Шит он был, как пояснила мастеру женщина, из сукна редкой добротности, по всему, мало ношен и по нынешним временам недорого стоил. Да и смотрелся он на муже преотлично: в плечах, в талии - точь-в-точь его размер. Но, к сожалению, в длину костюм был чуть великоват. Вот и зашли они к знакомому мастеру, дабы подкоротил он его настолько, насколько найдет это нужным.

Такая работа мастеру вообще-то была не по вкусу, да делать было нечего, и он предложил мужчине пройти за ширму и переодеться. Тот так и поступил, и когда вышел из-за ширмы, мастер внимательно присмотрелся к костюму. Да, он и впрямь был хорош, превосходно смотрелся на мужчине, и только вот рукава несколько более положенного накрывали кисти рук. Кроме того, сантиметра на два-три следовало бы укоротить и брюки. Кажется, и фалда висела чуть ниже, чем надо бы, но это ладно, небось, не жених перед ним, а стареющий дядя.

Осмотрев костюм со всех сторон, мастер взял в руки «метр», и, подойдя к мужчине, стал снимать с него нужные мерки.

Но что это? Стоило только мастеру приложить «метр» к рукаву костюма, как странное чувство некоего дискомфорта охватило его. Поначалу мастер и сам не мог понять, откуда оно пришло, это чувство, но оно пришло и с каждым прикосновением к костюму все более и более охватывало его. На секунду мастер закрыл глаза, и ему почудилось, что он слышит хоть и давние, но все же знакомые и еще не забытые запахи. Он медленно провел рукой по сукну и ему показалось, что и это чувство осязаемой поверхности тоже знакомо ему. И тогда мастер взял мужчину за локоть, подвел его к своему рабочему столу и включил настольную лампу.

Внезапно вспыхнувший сноп света был так ярок, что мастеру не стоило теперь особого труда разглядеть на нем каждую складку, каждый шов.

И мастер узнал свою работу! Да, это был его труд, и хоть мастер не помнил, для кого и когда это было сделано, он уже нисколько не сомневался, что сшит был костюм именно его рукой.

Сняв все мерки и пообещав, что костюм будет готов через день к вечеру, мастер, распрощавшись с заказчиками, заперся в ателье и стал вспоминать. Впрочем, что зря думать, если каждый год он заводил особую тетрадь заказов, используя для этого канцелярские книги, хранившиеся здесь же в ателье в железном шкафу. И мастер, доставая эти тетради одну за другой, стал их внимательно листать. И очень скоро нашел то, что искал: нашел в тетради, которую вел четыре года назад. То была запись, обычно делаемая им при приеме заказов. И мастер прочел начало этой записи: 17 января 1985 года, Гусейнов С., Анг. с., п. п. 21. рз. 52, рс. 3.

В его сокращениях Анг. с. означало английское сукно, п. п. - первая примерка, рз - размер, и рс - рост.

А далее следовал набор чисел: объем груди, ширина плеч, пояс и прочие мерки.

И мастер вспомнил. Вспомнил, конечно, не черты лица - он ведь не живописец, а фигуру. Чуть сутулую фигуру пожилого мужчины, которого привел тогда в ателье двоюродный брат мастера, работавший, кажется, вместе с заказчиком в одной организации. Вспомнил мастер и то, что на все свои три примерки этот Гусейнов приходил вместе с маленькой внучкой и не уставал бахваляться сыном, отцом девочки, который, будучи недавно в каких-то далеких краях, не забыл о родителе и купил ему отрез, такого превосходного сукна.

И еще одно вспомнил старый мастер: костюм тогда очень понравился заказчику и он обещал так его холить, чтобы и на свадьбе внучки успеть погулять в нем. Да вот не, сдержал слова...

Воспоминания теперь уже лавиной нахлынули на мастера и он вспомнил, что иногда, захаживая по воскресным дням в городскую игротеку, ему случалось встречать там своего заказчика и даже сыграть с ним несколько партий в нарды.

Но ни разу мастеру не приходилось видеть его в шитом им костюме - должно быть, тот дед и впрямь берег его до нескорой еще свадьбы внучки. Так что могло разлучить хозяина со своим столь берегаемым костюмом? Продал? Не похоже. А может, забыл его в шкафу, покидая вместе с другими азербайджанцами Степанакерт?

Что ж, такое предположить можно, ведь уходили на скорую руку, под дикий ор толпы.

Впрочем, лучшей одежды у него вряд ли и было, а во что-то же он был одет?

К усталости старого мастера, прошедшего в тот день на своем рабочем месте почти двенадцать часов, примешалась еще и тупая головная боль, и он, взяв с собой костюм, заторопился домой.

Утром следующего дня, выйдя из дома, мастер напрямик направился в комиссионку, директора которого давно и хорошо знал, будучи постоянным покупателем выставляемых у того отрезов.

Придя в магазин, он показал директору костюм и попросил его назвать имя и адрес человека, сдавшего его сюда. Якобы для выяснения того, где тот человек купил такого редкого качества сукно. Директор комиссионки удовлетворил любопытство, и мастер отправился по полученному адресу.

Однако, каково же было его удивление, когда минут через двадцать он оказался у дверей квартиры одной старухи, хорошо известной всей округе тем, что у нее в любое время дня и ночи можно было купить кустарного производства тутовую водку, поставляемую, как говаривали знающие люди, из соседних сел.

Мастер, что греха таить, иногда и сам прибегал к ее услугам, посылая к ней то сына, то внука, и случалось это тогда, когда к нему домой негаданно и в поздний час заявлялись иные из друзей канувшей молодости.

Мастер знал и то, что живет старуха не одна, а вместе с дочерью - вдовой и внучкой, держа их на доходы от своего ремесла, и что с милицией она как-то ладит, а большего и не надо.

Когда мастер вошел в квартиру и спросил у старухи, каким образом оказался у нее тот не-делю назад сданный ею в комиссионку костюм, то дочь ее, стоявшая тут же рядом, не дав старухе и рта раскрыть, вдруг набросилась на нее с упреком:

- Я же говорила тебе, не бери, - вещь может быть ворованной. Уж очень рожи у них были бандитские.

- У кого? - спросил мастер, и тогда старуха рассказала ему, что дней десять назад поздно вечером, даже ночью, к ней в дом пришли двое мужчин и предложили обменять этот костюм на пять бутылок водки. Поторговавшись, она обменяла его на три.

- Они были хмельны, - добавила старуха, - и без водки все равно не ушли бы, а она (старуха указала на дочь) не понимает этого. Я-то знаю.

- А кто были эти двое, - поинтересовался мастер, но старуха ответила, что впервые в жизни их видела.

- Если впервые, то откуда они знали, что ты торгуешь водкой?

- Я тоже впервые их видела, - вмешалась в разговор ее дочь, - но внизу их кто-то ждал; вот он, по-видимому, и знал это. А то, что их было трое, я увидела из окна, когда они уходили.

- А ты того третьего, что стоял внизу, не разглядела?

- Нет, темно было очень.

Большого от них старый мастер узнать не смог и вернулся к себе в ателье. Но костюм переделывать он не стал, передав эту работу своему молодому коллеге.

А вечером того же дня мастер занемог, и с тех пор уже никто не видел у него в руке иглу. Старый мастер больше не шьет - не носите ему заказов.

КРОВЬ ЛЮДСКАЯ

Нас было четверо, отправившихся по делам из Степанакерта в городок районного значения Н. Ехали мы на «Москвиче», управляемом самим же владельцем машины неким Хореном, недавним жителем Н., хорошо знавшим эти места. День был жаркий, время - обеденное, и чтобы утолить наш голод, мы завернули в шашлычную, притулившуюся в стороне от дороги у въезда в городок.

А когда, оставив на стоянке машину, мы шли к шашлычной, Хорен вдруг сказал:

- Если хочешь услышать азербайджанскую речь, походи и поговори вон с тем человеком.

И он указал мне рукою на седовласого мужчину, стоящего в тени деревьев метрах в десяти от шашлычной.

- Он что, тоже бакинец? - спросил я.

- Нет, чистокровный азербайджанец, - ответил Хорен.

Азербайджанец, и притом, если верить Хорену, «чистокровный», да вот в этом «армянонаселенном» городке? - Нет, это было что-то уж слишком невероятное, и не могло меня, естественно, не заинтересовать. И я направился к нему.

-Ассаламу алейкум, - поздоровался я, подойдя к мужчине.

- Алейкум салам, - ответил он.

- Скажите, вы и вправду стопроцентный азербайджанец? - безо всяких околичностей задал я ему вопрос.

- Если вас интересует мое происхождение, то - да, стопроцентный, - ответил он мне.

- Но как же... как же вы оказались здесь? - спросил я его недоуменно.

- Это длинная и давняя история, - сказал он в ответ.

- Расскажите, пожалуйста, - попросил я его, - мне это очень важно знать.

И вот какую историю, равно и удивительную и печальную, довелось мне услышать в тот день.

...Салим, а именно так звали моего героя, родился в одном из неподалеку расположенных азербайджанских сел, и оба его родителя тоже были азербайджанцами. Но когда Салиму исполнился год, умерла его мама. В Н., тогда еще и не город, а всего лишь большое село, отцу Салима, водителю грузовика, случалось ездить часто. Здесь-то он, после смерти жены, и познакомился с одной молодой армянкой, которая хоть и была хороша собой, но о браке не мечтала, поскольку не могла иметь детей. На ней-то и женился водитель грузовика, и, оставив село, переехал в Н. на квартиру к новой жене. Молодая женщина и двухлетний мальчик быстро привязались друг к другу, и уже очень скоро он звал ее мамою. Но, видимо, злой рок витал над родителями Салима, и еще через два года в автомобильной катастрофе погиб его отец.

И остался Салим вдвоем с мачехой, принимаемой им за родную мать. И оба они носили фамилию его покойного отца.

Однако через три года, когда приближалась пора идти Салиму в школу, его мачеха вторично вышла замуж - и тоже за вдовца, но уже с двумя малышами на руках. А чтобы Салим не чувствовал себя пасынком, отчим по настоянию жены усыновил его и дал ему свою фамилию. Вот так и стал с тех пор азербайджанец Салим носить армянскую фамилию Симонян.

...Шли годы, а с ними менялась и жизнь Салима. А когда пришел срок, Салим женился, и как часто это бывает, женился на соседской девушке и тоже армянке. И родились у него двое детей: дочь и сын. Потом умер отчим, ушла из жизни мама, и Салим, выстроив себе дом, жил уже отдельно своею семьею, благословляемый за заботливость и женой и детьми.

Салим мужал, дети выросли, и когда его дочке едва исполнилось двадцать лет, она вдруг заявила, что выходит замуж. В мужья себе она избрала служившего в местном гарнизоне молоденького офицера, который хоть и оказался армянином, но родом был из других краев. Три года дочь с мужем и родившимся у них сыном жили у Салима, а потом офицера перевели в другую часть, и с тех пор его семья, как и семьи тысяч других офицеров, моталась по дальним гарнизонам, все больше российским. И вот уже который год Салим так по-настоящему и не свиделся с дочерью, все больше довольствуясь письмами. Но, справедливости ради, тосковать Салиму долго не пришлось, поскольку почти сразу же с отъездом дочери женился его сын, вместе с невесткой подаривший ему двух мальчиков - внуков, ставших для него истинной радостью. И все бы хорошо, но... И тут я должен рассказать об одной детали из жизни Салима, поскольку, как оказалось, именно она сыграла в его жизни роковую роль. А все дело в том, что при рождении сына Салим возьми да и назови его Рашидом, то есть так, как звали и его настоящего отца. Вот и стал его сын Симоняном Рашидом Салимовичем. Однако и это еще не все, ибо и в жены себе Рашид взял азербайджанку. Но, скажите, кто здесь еще недавно придавал таким фактам хоть какое-то значение. Разве что друзья Рашида в шутку называли его Салим оглы.

Но, увы, настал час, и все изменилось. Да-да, читатель, ты точно догадался, о чем речь, - о «Карабахе», об этом несчастье, неожиданно навалившемся на тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей.

Впрочем, что до Салима, то он поначалу полагал, что уж его-то разыгравшиеся события обойдут стороной. Ведь вместе со своею фамилией усыновивший его отчим дал ему и свою национальность. А уж он ее - своим детям. Но, как говорится, мы предполагаем, а небеса располагают. И беда все же вошла в его дом. Она вошла в один поздний вечерний час в лице трех незнакомцев: господина средних лет и двух парней с автоматами через плечо, всю эту троицу сопровождали два его давних приятеля, с коими он водил дружбу аж с детских лет. Салим пригласил их к столу, но присели только его друзья, а те трое остались стоять у дверей. Поначалу все молчали, но не прошло и минуты, как незнакомец рявкнул на его друзей:

- Ну, что вы молчите? А не то говорить начну я.

И тогда, вздохнув, заговорил один из друзей Салима:

- Салим, этот господин и его люди хотят выселить из города и тебя и твою семью. Но мы рассказали им всю твою жизнь, все как было, и нам удалось кое-что сделать для тебя. Теперь и ты и твоя жена можете оставаться в своем доме и доживать свою жизнь в этом городе. Но господин Мосес требует, чтобы завтра же из города выехал твой сын и его семья. Мы долго его упрашивали, Салим, но у нас ничего не вышло...

- Это почему же, - воскликнул Салим, едва тот кончил свою речь, - ведь у моего сына и фамилия и национальность армянские.

И тут раздался ор господина Мосеса:

- Только на бумаге, понимаешь, на бумаге. А по крови он азербайджанец.

Но Салим не хотел сдаваться. И ответил:

- В этом доме если и есть кто с азербайджанской кровью, так это я. А у моего сына мать армянка, и значит кровь у него армянская тоже...

Однако господин Мосес не дал ему договорить:

- Что ж, лучше будет, если отсюда уберешься и ты.

Сделай одолжение. А что касается твоего сына, то кровь у него только наполовину армянская. Понял, наполовину, а этого недостаточно. Недостаточно наполовину...

Но пока этот господин визжал, Салима осенила одна мысль. Мысль, показавшаяся Салиму спасительной:

- Да, наполовину. Но это ничего, потому что другую половину его крови я перелью. Перелью чистой армянской кровью...

Эта дикая идея с переливанием крови Салиму представилась настолько возможной, что лицо его даже просветлело. И он, вскочив со стула, обратился теперь уже к своим друзьям:

- А вы чего молчите. Вы же знаете, раз я сказал, то сделаю. Я найду ее, самую чистую армянскую кровь и перелью ее сыну. Так скажите же парону Мосесу, что в этом городишке я все могу сделать...

Его убежденность, казалось, передалась и его друзьям, и они оба разом заговорили:

- Да, да, парон Мосес, он всегда держал слово, и если уж сказал, то непременно найдет эту кровь и перельет ее сыну. Здесь все его друзья, парон Мосес, и врачи тоже.

А парон Мосес и оба молодых парня с автоматами, не ожидая подобного оборота дела, стояли разинув рты.

- И ты принесешь нам справку от врачей, - наконец проговорил пораженный услышанным господин Мосес.

- Конечно, конечно, - ответил улыбающийся Салим, - справку с круглой печатью. Аж от самого главного врача.

- И перельешь половину? - допытывался этот господин. - Обязательно, парон Мосес, ровно половину; ни больше, ни меньше, - торжествовал Салим.

- Так, так, - соображал о чем-то господин Мосес, - и сколько тебе на это надо дней? Неделя хватит?

- Неделю мне мало, - вскричал Салим, прикидывая в уме, у кого из знакомых врачей он будет доставать такую справку, - неделю очень мало, ведь кровь, господин Мосес, это не вино, чтобы вливать его в себя литрами. Тут стаканами не пойдет, тут надо по каплям.

- И сколько же тебе надо времени? - спросил господин Мосес, по всему, продолжавший о чем-то в уме соображать.

- Не меньше трех месяцев, - ответил Салим, решив про себя, что за три месяца еще успеет что-нибудь придумать.

Но тут парон Мосес, кажется, досоображал свою мысль, и с какой-то дикой радостью воскликнул:

- А-а, половину, говоришь. Не пройдет, любезный. Может, на твоего сына и хватит половины, но на твоих внуков - нет, У них ведь как? Мать - чистая азербайджанка, а отец - наполовину азербайджанец тоже. Самвел, - обратился он к одному из пришедших с ним молодых парней, - скажи мне, сколько же у внуков этого человека течет армянской крови.

Самвел, по-видимому, был силен в подобного рода расчетах. И ответил:

- Если, парон Мосес, считать, что обе бабушки и оба дедушки отдают своим внукам поровну крови, то получается, что внуки этого человека имеют одну четверть армянской крови, а три четверти - азербайджанской. И, значит, перелить им надо будет семьдесят пять процентов крови.

- А-а, вот видишь, любезный. Ты должен будешь принести мне справку, что внукам своим перелил не половину, а половину и еще половину от половины армянской крови. Иначе я не приму ее, иначе...

Но господин Мосес мог бы всего этого и не говорить. Одна только мысль о внуках и о каких-то экспериментах над ними, само их напоминание сразу же лишили его силы и подкосили ноги. Салим замолчал и, глядя на парона Мосеса широко раскрытыми, непонимающими глазами, опустил на стул.

- А, попался, - закричал господин Мосес, - или ты все же перельешь своим внукам семьдесят пять процентов крови?

- Нет, не смогу, - глухо, чуть слышно ответил ему Салим.

- Ну, а не сможешь, так чтобы завтра их ноги тут не было. Понял?

- Понял, господин Мосес, - все тем же отрешенным голосом отозвался Салим.

- Пошли, ребята, он все понял, - бросил парон Мосес сопровождавшим его автоматчикам, и они ушли.

...Вот такой грустный рассказ услышал я в один полуденный час в городке Н. Услышал от его уроженца и старожила седовласого Салима.

- А где теперь твой сын? - спросил я его, когда Салим кончил свою исповедь.

- У своей сестры в одном российском городке. Там стоит военная часть ее мужа, - ответил он.

А потом тревожным голосом спросил:

- Скажи, а может ли такое же начаться и в России?

Что мне было ему сказать? И я ответил:

- Будем надеяться, что не может. Хотя, знаешь, «Карабах» ведь такая зараза...

Еще минуты две посидел я с Салимом, докуривая сигарету, а потом пошел искать своих попутчиков, утолявших голод в местной шашлычной.

РАССКАЗ ШОФЕРА

Интеллигентствующий обыватель - явление и любопытное и забавное. А если он к тому же еще и провинциал, то такому господину нет цены. Во всяком случае, в одном можете быть уверены: обозрение его повадок в состоянии хоть чуть-чуть да скрасить и ваше самое тоскливое настроение.

В чем ему нельзя отказать, так это в определенном артистизме, что позволяет ему удачно скрашивать свою натуру, свое естественное мещанство путем облачения в тогу немного сноба, немного эстета, немного сибарита и даже немного бунтаря. Это и делает его в глазах людей его же пошиба, но абсолютно лишенных признаков артистизма, некоторой загадкой, однако его выдает присущее ему резонерство, отчего со временем, распознав эту свою ахиллесову пяту, он предпочитает все больше помалкивать и не вступать в разговоры, а только снисходительно улыбаться и неопределенно хмыкать.

Домочадцы относятся к нему с подчеркнутым почтением и со скрытым страхом, соседи обычно сторонятся, а сослуживцы никогда не пьют с ним на брудершафт.

Выйдя прогуляться, он в движениях всегда степенен, неизменно серьезен, а две глубокие складки на его лбу - признак неустанной работы ума, работы одной лишь цели ради - не опростоволоситься.

Кстати, не пытайтесь рассмешить его анекдотами - он их не приемлет. Как и любое легкомыслие вообще. Точно так же не внушайте ему мыслей о бренности всего сущего, ибо, во всяком случае, в свою собственную значимость он верит безо всяких сомнений.

Его постоянная забота, постоянная головная боль - это его честолюбие. Оно выпирает у него изо всех пор и доставляет ему массу неприятностей. В удовлетворении собственного честолюбия он не знает предела и готов идти на любые тяжкие, дабы достичь его.

Между прочим хитрецы, распознавшие эту его слабость, ловко ею пользуются, ибо, потрафив его честолюбию, от него и впрямь можно многого добиться.

Да, это так: в минуты удовлетворенного честолюбия он ну прямо-таки по-настоящему хорош: может и над анекдотом поохотаться, и сам вспомнить какой-нибудь забавный и курьезный случай из собственного прошлого, и даже раскошелиться и угостить вас шампанским.

Так что, ежели уж судьба свела вас с ним в одну компанию, то трафите его честолюбию, трафите, и не пожалееете.

Таков он, провинциальный интеллигентствующий мещанин, таков в главном, вне зависимости от того, где живет, чем занимается и каким богам поклоняется. Словом, в своих главных чертах он и экстерриториален, и вненационален, и бесконфессионален. Но только в главном, ибо в зависимости от конкретной и его окружающей среды ему, конечно, бывают свойственны и некоторые черты своеобразия, так сказать, уникальности.

В частности, ежели он родом из бывшей НКАО, то его отличительной чертой является стремление выглядеть таким человеком с Запада, а еще лучше - с Нового Света, словом, цивилизованным, в его представлении, человеком.

Кстати сказать, идеологи «Карабаха» не только четко усмотрели в нем эту его черту, но и ловко сыграли на ней. Они внушили интеллигентствующему мещанину из области, что, буде этот самый «Карабах» состоится, то носить его жене панталоны никак не меньше французского покроя, а ему перед обедом щекотать свой аппетит уже не самодельной тутовкой, разными там «Мартини» или виски со льдом.

Ну а если он к тому же хоть чуть-чуть с даром живописца или, допустим, певца, то первого убеждали, что картины его достойны выставляться разве что на Монмартре, а второго - что истинный его ценитель живет где-нибудь по соседству с Ла-Скалой или Гранд-Опера.

И он поверил, поскольку гипертрофированное честолюбие не дало ему трезво себя оценить. А уж поверив, стал ярым сторонником тех самых идеологов «Карабаха». Стал, хотя и понимал - на это у него ума хватило, - что вослед за своими искусителями ходить ему впредь по колени в крови, сквозь бесчисленные людские слезы и страдания. Но что ему чужая боль, ведь он - парвеню, а всякий честолюбивый выскочка по натуре своей - всегда жесток и бессердечен. В этом, кстати сказать, он одинаков с прочими его духовными братьями, какого бы роду-племени они ни были. Но чтобы быть до конца справедливым, скажу, что от этих своих собратьев из других мест пребывания он все же отличается. И отличается, пожалуй, не в худшую сторону. К примеру, есть в том же Закавказье земли, в которых доморожденные интеллигентствующие выскочки, хоть и будучи родственными карабахскому, тем, однако ж, особенно заметны и выделяются, что, как бы их ни снедало честолюбие, забота о собственном кармане, тем не менее, пересиливает у них все, и даже

ради потрафления этому честолюбию не растрачятся ну хоть на грош. Конечно, таковые девальвируются куда раньше, ибо, если воспользоваться не больно высоким, слегка вульгарным стилем, жадность фраера сгубит. А вот карабахский интеллигентствующий обыватель, воздадим ему должное, ради туману, глядишь, может и поистратиться. А свидетельство тому - эта история, слышанная мною от одного степанакертского шофера.

...В состав делегации деятелей культуры, прибывшей в область из Армении, входили и два иностранца, кажется, французы армянского происхождения. Ереванцев местная знать разобрала по домам, считая это для себя честью, а вот иностранцев не решились - не ровен час, и опростоволоситься можно. Их поместили в роскошный по здешним местам Дом гостей, построенный в прежние годы и для совсем иных постояльцев.

Французов предполагали использовать на всю катушку, а посеми и разделили: покуда один едет в совхоз, другого везут к студентам. И так во все дни их пребывания в области. Естественно, что при условии их разделения каждого француза должна была обслуживать отдельная автомашина. Водителем одной из них и был я, причём вместе с французом постоянно ездили в ней прикрепленный к нему телохранитель из местной службы безопасности и кто-нибудь из горисполкомовских работников.

Каждое утро я забирал своего иностранца из Дома гостей, привозил в горисполком, и после краткого стояния, покуда француз пребывал в каких-то кабинетах, увозил его и сопровождающих его лиц по выданному мне адресу.

И вот, - а дело было на третий день пребывания делегации в Степанакерте, - стою я по обыкновению у горисполкома и жду своего француза. Жду уже минут десять, а француза все нет. И тут-то и подходит ко мне какой-то незнакомец и спрашивает, не можем ли мы отойти чуть в сторону для очень конфиденциального разговора. Ну, мы отошли, и этот незнакомец вдруг задает мне совсем уж странный вопрос, дескать, не хочу ли я хорошенько подзаработать. Я, понятное дело, хотел, и спросил его, что от меня требуется.

Самую малость, ответил он, хотя бы на пять минут привести моего француза к нему домой в гости. И называет кругленькую сумму, которую он готов выложить, ежели я исполню его желание.

Я, конечно, первым делом спросил у него, зачем это ему надо и нет ли в том какого подвоха.

Ответ его, скажу я вам, меня до крайности удивил.

Нет, ответил он, никакого подвоха тут нет, и француз ему, оказывается, нужен лишь для того, чтобы прихвастнуть перед соседями да знакомыми. И добавил, что те, порешив о его панибратстве с французом, непременно лопнут от зависти.

Вот такая у человека оказалась блажь. Мне, конечно, она до лампочки, но уж очень хотелось заработать. Однако ж есть ведь еще и телохранитель, и я поделился с ним своею тревогой.

-Знаю, - ответил он мне, - а ты переговори с ним, обещай ему половину суммы. Может, и согласится.

Между прочим телохранитель этот, насколько я мог заметить, был не дурак выпить, и это позволяло мне надеяться, что уговорить его можно.

И, слегка подумав, я сказал:

- Что ж, попытаться можно, но половина обещанной вами суммы маловата для этого будет.

В ответ незнакомец, после некоторых колебаний, удвоил сумму, и я, наказав ему ждать меня, бросился к телохранителю. К моему удивлению, долго упрашивать его не пришлось, и мы, обсудив предложение, приняли его, решив, что какой-нибудь выход еще отыщется.

А через полчаса, узнав у незнакомца его адрес и наказав ему ждать нас к себе где-нибудь после обеда, я, телохранитель, француз и один из горисполкомовских работников отправились за город в колхоз на встречу с сельчанами.

После короткого митинга гостям был дан обед с обильными возлияниями, на котором я и телохранитель, перейдя к исполнению нашей задумки, стали усиленно спаивать горисполкомовского работника, а заодно, но в меньших дозах, и француза. Наша затея удалась, и когда горисполкомовец наконец-то заклевал носом, мы втроем направились назад в город.

Француз, находясь в блаженном состоянии, всю дорогу исходил истомою и напевал веселую песенку о какой-то Катрин. Словом, все складывалось как нельзя лучше, и когда мы въехали в город, я попросил его заехать на пять минут к себе домой, поскольку, мол, мои домочадцы жаждут его увидеть. Француз не возражал, и очень скоро мы оказались у дома уже ожидавшего нас утреннего незнакомца. Нас проводили на второй этаж в переполненную людьми квартиру, у входа в которую ее хозяйин, словно давнего приятеля, обнял француза и троекратно с ним облобызался. Француза усадили за стол и все тот же глава семейства выпил с ним па брудершафт подряд две

рюмки коньяку. После второй рюмки француз, покачиваясь, поднялся на ноги и произнес на французском какой-то тост, смысла которого никто не понял, но зато понял ни слова не кумекающий на французском шустрый телохранитель, переведя его как здравицу француз в честь милейшего хозяина дома. Все в комнате захлопали в ладоши, а предусмотрительно приглашенный фотограф запечатлевал одну за другой мизансцены этого фарса на пленку своего аппарата.

Но тут время наше вышло, о чем я незаметно дал знать хозяину дома, который столь же незаметно для чужих глаз расплатился с нами. И мы повели теперь уже основательно-покачивающегося француз в низ к машине, садясь в которую он опять что-то гаркнул, и его опять перевел наш телохранитель, сказавший провожавшей нас толпе, что француз всех любит и горячо целует. Ура! - заорала толпа, и мы уехали.

Мы отвезли своего француз в гостевой дом, где он отсыпался аж до самого вечера.

А через день вся делегация отбыла в Армению, а я и телохранитель облегченно вздохнули, ибо никто из официальных лиц так ничего и не узнал о нашей проделке. Нам же рассказывать им о ней, естественно, никакого резона не было.

Вот, собственно, и вся история.

...Шофер умолк, посмеиваясь в усы и вспоминая ту свою удачную и забавную проделку. Молчал и я, дивясь, причудливым порывам людского честолюбия.

- А видеть тебе того чванливого дядю больше не приводилось? - спросил я шофера.

- Да раза три приходилось, но вот только на мои поклоны он так ни разу и не ответил. Слово меня никогда в жизни и не встречал. Чудно, - ответил мне шофер.

Но ничего чудного в том, конечно, не было, и чванливый дядя оттого не узнавал шофера, что и сам поверил, будто француз для того только и приходил к нему домой, что уж очень желал его увидеть.

Таков он, этот провинциальный интеллигентствующий обыватель.

НА ХАШЕ

В то раннее субботнее утро я стоял у еще закрытого газетного киоска, когда напротив меня остановились «Жигули», и кто-то, открыв заднюю дверцу машины, громко меня позвал.

Я подошел к «Жигулям» и узнал в позвавшем меня человеке некоего Артура, мужчину примерно моих лет, с которым познакомился не далее как неделю назад на торжестве по поводу дня рождения одного нашего общего знакомого.

На торжестве том, прошедшем шумно и весело, я был усажен как раз рядышком с этим вот Артуром, и, помнится, весь вечер доказывал ему, что в отличие от летающих тарелок снежный человек - это не миф, а первое еще неизученное звено в цепи структурной эволюции человеческих популяций.

А потом, уже расходясь на улице, читал ему стихи. Вот он-то и окликнул меня в этот ранний час:

- Привет, ты кого караулишь?

- Жду газет, - отвечаю я.

- Э-э, нашел чем себя занять. Едем с нами.

- Это куда же?

- На хаш, - смеется Артур и, отодвигаясь в дальний угол сиденья, приглашает меня в машину.

В холодное раннее утро да на голодный желудок хаш, понятное дело, - удовольствие не из последних. Опять же, глядишь, и незаметно убью хотя бы половину этого бездарного, а иных здесь и не бывает, субботнего дня.

Словом, не мудрствуя лукаво соглашаюсь и влезая в «Жигули». Кроме моего знакомого, рядом с молодым парнем-водителем в машине сидел еще и какой-то важного вида господин лет этак шестидесяти, привлекший мое внимание изысканностью своей одежды и огромным золотым на пальце закинутой за спинку сиденья руки. Едва я сел в машину и она тронулась с места, Артур, не мешкая, представил меня этому господину:

- Рекомендую вам, парон Жирайр. Я его хорошо знаю и уверен, что для дела нашего он подойдет.

-Ну, коли рекомендуешь, я не возражаю, - отреагировал тот и, обращаясь уже к водителю, добавил:

- Прибавь ходу и давай уже теперь без остановок.

Ехали мы долго и уже далеко за городскими строениями, свернув на проселочную дорогу и изрядно проехав по ней тоже, наконец-то оказались у одного двухэтажного дома, окруженного со

всех сторон невысокой каменной оградой. Нас уже, видимо, ждали, поскольку обе створки железных ворот были предусмотрительно открыты, и мы, не останавливаясь, въехали во двор, оказавшийся, по сути, садом, в одном из углов которого и высился дом с прилегающими к нему хозяйственными постройками. Хозяева дома встретили нас приветливо, а парона Жирайра - с подчеркнутым почтением. Глава семейства, дородный мужчина примерно тех же лет, что и господин Жирайр, по всему виду, давно и хорошо его знал, и, троекратно с ним облобызавшись, пригласил нас в дом.

И пока мы проходили садом и поднимались на второй этаж, Артур объяснил мне мою задачу, из-за которой я, собственно, и был приглашен на хаш. А была эта задача в общем-то пустяковой, поскольку, как оказалось, мне надлежало всего лишь отредактировать пару страниц какого-то текста, составленного, как добавил Артур, человеком не шибко владеющим русским языком.

Отредактировать так отредактировать, подумал я, хаш стоит куда большего.

И вот нас вводят в просторную комнату, а по сельским масштабам - почитай целую залу, центр которой занимал массивный стол, уже убранный обильными яствами и бутылками разного рода крепительных и охлаждающих напитков. И едва мы расселись, а мы - это четверо нас - гостей, да еще хозяин дома с сыном, мужчиной лет тридцати пяти, - как две женщины внесли и поставили на противоположных концах стола по большой кастрюле еще дымящегося хаша.

Женщины тотчас же ушли, а парон Жирайр, обращаясь ко всем нам, прояснил ситуацию:

- Поскольку компания наша чисто мужская, то всяк заботится сам о себе. И давайте начнем - хаш хорош горячим.

Все потянулись к кастрюлям, наполняя свои блюда соблазнительными кусками говяжьих ножек.

- Хаш едят только с водочкой, верно, парон Жирайр? - подал голос хозяин дома, не дав нам проглотить и кусочка.

- Верно, Петрос, верно. Да и какой коньяк сравнится с тутовкой, - отозвался парон Жирайр.

Получив такое одобрение, хозяин сам, обойдя всех нас, наполнил наши рюмки тутовой водкой и первым взял слово:

- Друзья, я пью за очень уважаемого мною парона Жирайра, желаю ему удачи во всех его делах и одновременно выражаю свое большое сожаление, что уже завтра утром он покидает нас. Надеюсь, что парон Жирайр скоро опять приедет к нам и погостит хотя бы с неделю. Ваше здоровье, парон Жирайр.

- Спасибо, Петрос. Приеду, непременно приеду, - самодовольно улыбаясь, отозвался парон Жирайр, поднимая свою рюмку.

Выпив за здравие господина Жирайра, мы принялись за хаш. Приготовлен он был, скажу я вам, по самому высокому разряду, а чесночно-уксусная приправа да разного рода специи придавали нашей еде особую, чисто кавказскую остроту и пикантность.

Второй тост тоже был предложен хозяином дома - теперь уже за всю, как он выразился, домовую книгу парона Жирайра. Ну а третью рюмку по предложению самого господина Жирайра мы иссушили за гостеприимного хозяина.

И вот только теперь, после своего тоста, парон Жирайр и напомнил Артуру о нашем деле. Тот тут же вышел из комнаты, а вернувшись - протянул мне лист стандартного машинописного формата, на обеих сторонах которого мелким почерком был написан какой-то текст. Я разобрал его: то была листовка, приуроченная к наступающему празднику Рождества Христова и обращенная к солдатам и офицерам размещенных в области частей внутренних войск.

Словом, пробуждение интереса к религии какие-то люди вознамерились поставить на службу карабахскому сепаратизму и использовать в своей пропагандистской деятельности. Это скоро подтвердил и господин Жирайр, обратившийся ко мне со словами:

- Мы узнали, что среди военных есть и верующие. Ты сейчас отредактируешь текст этой листовки, а уж наши люди напечатают ее набело, размножат и распространят в частях. Ее содержание мы думаем передать завтра и по радиостанции «Свободный Арцах». Так что будь повнимательней.

- Хорошо, парон Жирайр. Сделаю.

И я стал уже внимательно читать листовку. Стилистических и грамматических погрешностей в ней хватало, но поражало не это, а ее содержательная беспомощность, что сразу же бросилось в глаза даже мне, человеку в общем-то далекому от теологии и христианской фактографии.

А каково это будет читать верующему, подумал я, но, благоразумно решив, что до содержания листовки мне никакого дела нет, занялся лишь техническим редактированием текста.

Впрочем, и тут я не особенно старался, ибо ошибок было столько, что даже при поверхностной корректуре листовка оказалась сплошь в моих исправлениях. И как я ни старался для солид-

ности тянуть время, а уже через полчаса вынужден был отдать ее Артуру, а уже он - парону Жирирайру.

Тот, по-видимому, моей работой остался доволен, поскольку, обзрев обе стороны листа, тут же мне мило улыбнулся. А затем позвал к себе Артура и что-то передал ему, кивнув головой в мою сторону.

Этим «что-то» оказалась пятидесятирублевка, которую Артур сунул мне в карман, вернувшись на свое место.

- Зачем вы так, нехорошо получается, - укоризненно сказал я господину Жирирайру.

- Держи, держи, - менторски отозвался он, - за прилежание и труд следует благодарить.

И добавил:

- Кстати, как тебе листовка, понравилась?

И хоть всего полчаса назад я, казалось бы, дал себе слово держать молчание относительно содержания листовки, но тут возьми да и ляпни:

- Чушь какая-то, чему ж там нравиться.

Парон Жирирайр чуть не поперхнулся куском хаша:

- Это почему же?

Купеческое самодовольство этого человека, сквозившее во всех его манерах, и его гонор, признаюсь, к тому времени уже настолько меня раздражили, что отказать себе в удовольствии попортить ему настроение я не мог. Да и тутовая водка тоже, что греха таить, подталкивала к этому.

И я сказал:

- Да потому, что автор этой листовки заврался как сивый мерин. Курам на смех она, вот что.

От этих моих слов парон Жирирайр весь побагровел и, вынув из кармана листовку, зло бросил:

- Нельзя ли конкретней, любезный?

- Можно, - ответил я. - Вот, к примеру, в ней написано, что Христос до глубокой старости призывал христиан к объединению. Это до какой же такой старости, ежели распят он был в тридцать три года...

Я замолк, ожидая реакции господина Жирирайра. Но он лишь тупо смотрел на меня, еще более багровея лицом. А потом сквозь зубы проговорил:

- А еще?

- А еще, - с издевкой в голосе ответил я, - знаете, что хоть Мария Магдалина и Мария, но никак не Богородица. Да к тому же...

Но парон Жирирайр не дал мне договорить. Он вскочил со стула и нервно зашагал по комнате.

- Ах, подлец, ах, негодяй, - орал он на весь дом, комкая в руках листовку, - и за эту-то галыматью я отвалил ему триста рублей. Ах, подлец...

- А кто он таков? - робко спросил его Артур.

- Не твое дело, - гаркнул парон Жирирайр, - не навечно же я уезжаю, даст Бог, вернусь и сполна ему воздам, ох, воздам...

В комнате установилась гробовая тишина. А парон Жирирайр еще минуты три мерил комнату, чертыхаясь и проклиная неведомого нам хитреца.

Потом, слегка успокоившись, он подошел к столу и залпом выпил наполненную хозяином дома рюмку водки. И задумался.

Мы смотрели на него, не отрывая глаз и гадая, что он напридумает в этой ситуации. Но парон Жирирайр думал недолго. Обойдя стол, он вплотную подошел ко мне и спросил:

- Послушай, а не возьмешься ли ты за это дело? Я бы неплохо заплатил. За оперативность тоже.

Но такая перспектива меня не соблазняла, поскольку в затеях их участвовать не хотел. И я ответил:

- Нет, парон Жирирайр. Тут нужен специалист-геолог. Я тоже могу накуролесить.

- Жаль, - сказал парон Жирирайр. И чуть помолчав, добавил:

- Ну, для листовки время еще есть - подготовим и пришлем. А вот ребята из радио на этот материал рассчитывали. Н-да. И что же им взамен предложить, а? Что же, что же?

Задаваясь этим вопросом, парон Жирирайр почему-то просмотрел на меня, словно от меня и ждал ответа.

А злой бес, подогреваемый тремя рюмками тутовки, все никак не успокаивался во мне. И я буркнул:

- Стихи, парон Жирайр, стихи!

У парона Жирайра отвисла челюсть. Взметнув вверх брови, он долго смотрел на меня немигающими глазами, и, наконец, спросил:

- Ты в своем уме? Какие такие стихи?

- А самые обыкновенные, парон Жирайр, - бодро ответил я, - стихи о женщинах. Солдаты, парон Жирайр, такие молодые, даже офицеры, а вы им о господних карах да о возмездии. Уверяю вас, стихи о женщинах им будут куда интереснее. Кстати, могу предложить и свои. И недорого возьму, парон Жирайр.

От изумления парон Жирайр, кажется, вконец потерял чувство времени и молча смотрел на меня минуты три или даже пять. А потом, словно бы очнувшись, взял со стола свою рюмку, поставил ее рядом с моею и наполнил их обе водкою. Мы выпили с ним на брудершафт и закусили соленьким перцем.

Перец оказался горьким и парон Жирайр запил его лимонадом. А затем, все так же неотрывно глядя на меня, спросил:

- Ну-ну. О женщинах, говоришь. И какие ж это, к примеру, стихи?

И я оказался в своей стихии. Но вот чего не могу понять и по сию пору, так это то, почему в ту минуту мне припомнились именно те шуточные стихи, которые я некогда, давно уже, писал одной знакомой библиотекарше, увлекавшейся поэзией вагантов. И я начал декламировать:

Мадам, шарман, мон шер ами,
Какая жалость, черт возьми,
В моем кармане ни шиша,
Зато я добрая душа,
Зато, мадам, я весь готов...

Но парон Жирайр не дал мне дочитать их:

- Э-э, постой, постой, слушай. Вы только посмотрите на него, а. Без шиша в кармане ему, видишь ли, к мадам захотелось. А почему бы сразу не к королеве какой. Бордель, любезный, это тебе не Красный Крест и Полумесяц, В Париже, по крайней мере, я таких мадамов не встречал. Да и потом, у солдат ведь тоже в кармане ни шиша, и нечего их травить. Словом, мне твой черный юмор не по душе. Давай уж что-нибудь веселенькое.

- Могу и веселенькое, - все еще бодрим голосом ответил я, хотя и был несколько озадачен профессиональным разнесом парона Жирайра. И уже не искушая свою память, решил срифмовать экспромтом. И пару минут пораскинув мозгами, даже не прочел, а скорее пропел:

Мы пойдем с тобою к речке,
Будет жарко, как на печке.
Будем бегать и купаться,
Будем крепко целоваться,
Будем...

Но парон Жирайр своим окриком вновь прервал меня.

- Будешь, будешь... Ничего ты не будешь, любезный. Тут, понимаешь ли, кругом стреляют, людей воруют, и носу боишься из дома высунуть, а ему, видите ли, к речке захотелось. Захотелось - так иди, а никакая такая дура в такое вот время с тобою туда не пойдет. Тем более за тот самый шиш из твоего кармана. Так что уж лучше бы валялся ты с ней на печке, а еще предпочтительней - в каком-нибудь подвале. Может, и пронесет. Короче, фантазируй да знай меру. И вот что. Ты скажи, нет ли у тебя чего-то этакого... боевого, партизанского...

- Но ведь мы же, парон Жирайр, договорились про женщин, - попытался было я возразить.

- Ну, и партизанского и про женщин, - уточнил он.

- Хорошо, парон Жирайр, я попытаюсь, - согласился я, предчувствуя, однако, что и на стихах мне не сделать бизнеса. Но на всякий случай принял позу, как если бы готовился к штыковой атаке. И опять экспромтом прорифмовал:

Иду я в горы воевать,
Когда вернусь - лишь Богу знать.
Но я иначе не могу,
А ты с другими - ни гу-гу,
Ты знай...

Но парон Жирайр прервал меня на сей раз еще более грозным окриком:

- Остановись, слушай, остановись. Вы на него посмотрите, а. Ишь чего захотел, а. Сам, видишь ли, в горы идет, чем там будет заниматься и когда вернется - одному Богу ведомо. А ей, понимаешь ли, ни гу-гу. Жди. Да у тебя, как погляжу, не женщины, а сплошь идиотки. И стихи, скажу тебе, тоже не для нормального уха. То, понимаешь ли, ни шиша в кармане, а он к мадам прет, то речка ему уже и не речка, а печка, а то и вообще чушь какая-то. Гу-гу, видишь ли.

- Не любили вы никогда, парон Жирайр, - обиженно прервал я его. Но уж лучше бы смолчал, ибо реплика эта моя вконец его раздосадовала.

- Ты это брось, приятель, - возмутился он, - я столько любил, что и на твоего правнука хватит. Но не таков я мужчина, чтобы без шиша в кармане любить. Уважать себя надо, понял?

- Понял, парон Жирайр, - еле произнес я.

- Ну, а коли понял, то и кончим на этом. И оставь свои стихи при себе. Может, еще прочтешь их какой дуре.

- А ты, - обратился он теперь уже к Артуру, - передай ребятам на радио, пусть уж они завтра каким-нибудь старым материалом воспользуются. Поскольку с новым у нас вышел шиш. Такой вот, как у него в кармане.

И наша трапеза продолжилась.

-Хаш остывает, парон Жирайр, - подал голос хозяин дома.

- И то верно, наливай уж, Петрос.

И наша трапеза продолжилась.

ПРОВАЛИВШАЯСЯ КАМПАНИЯ

Проведя в НКАО почти год и регулярно прочитывая местный официоз газету «Советский Карабах», смею утверждать: большего злодея по части разжигания националистических страстей вряд ли где еще на свете можно было бы сыскать. Между прочим, это свое злодейство газета особенно рьяно проявляла в регулярно проводимых ею разного рода пропагандистских кампаниях. Забавными, скажу, вам, были эти кампании. К примеру, то из номера в номер она печатала материалы на бодрящую местного обывателя тему «Встретим хлебом-солью соплеменников инопланетян», то обращалась к нему же с призывом «Займемся археологией», поучая, что, зарывшись поглубже в землю, он если и не докажет свое первородство на этой земле, то хоть выроет себе окоп или даже блиндаж на всю семью, - вещи по нынешним временам, мол, совсем не лишние, то завела рубрику «Освоим секреты рукопашного боя и штыковой атаки», то что-то еще все на тот же манер.

Но, пожалуй, масштабнее всего была затеяна ею кампания под лозунгом «Догоним и перегоним азербайджанцев по рождаемости». Вот уж где замешанная на национализме большая фантазия газеты, а точнее, тех, кто ее готовил, разыгралась во всю прыть.

Она страстно призывала население области, от пионеров до пенсионеров, не жалеть пороха во имя достижения этой цели, давала советы, как хранить этот порох сухим и как им рачительно пользоваться.

Обратившись к услугам доморощенных дон-жуанов, газета организовала при себе кооператив «Интим», освобожденный ввиду социальной важности его деятельности от всякого рода налогов, а публикуемые ею материалы свидетельствовали о том, что работающие в «Советском Карабахе» журналисты достаточно владеют секретами не только второй, но и первой из древнейших профессий.

Солидные матроны, едва умещавшиеся на двух стульях, давали газете интервью о пользе многодетства в свиноводстве и вообще в подсобном хозяйстве, а их мужья для ускоренного превращения в жизнь призыва газеты предлагали перейти на бригадный подряд с использованием опыта многостаночников. Словом, задействовано было все, и газета периодически напоминала обывателю, что перегнуть азербайджанцев по рождаемости необходимо еще и потому, что кое-чьи аппетиты одним Нагорным Карабахом не утолить, а посему солдаты и маркитантки еще долго будут в цене.

Надо сказать, что кампания сея весьма содействовала росту популярности газеты. И местные жители с нетерпением ждали каждого очередного ее номера, ища в них публикации о многодетных семьях. И если мужчины отыскивали в них описания рациона отцов-ударников, то более подверженные мистике женщины - влияние на плодovitость потусторонних, а еще более - потусторонних сил.

И вдруг всему этому пришел конец. Да такой мгновенный и абсолютный, словно кампания та и вовсе не начиналась.

Кооператив «Интим» был распущен, а на страницах «Советского Карабаха» ни одной даже малюсенькой заметки на столь полюбившуюся здешнему обывателю тему нельзя было уже и сыскать. Вроде бы и не она это еще вчера призывала его догнать и перегнать шушинцев да агдамцев по рождаемости.

А произошло вот что. Как-то до работников газеты дошел слух, что в одном из сел области некая мать-одиночка Лизетта Татевосян растит сразу семерых мальчиков. Весть эта очень разволновала главного редактора газеты, и в тот же день, как он услышал ее, в то село им был командирован фотокорреспондент с наказом, буде весть эта подтвердится, сфотографировать всех семерых мальчиков и их мать, да заодно разузнать кое-какие подробности об этой семье.

Корреспондент, бросившись на автовокзал, едва успел на отбывающий в село автобус, и через час, основательно отбив себе все нутро на отвратительной осенней дороге, был уже на месте. Еще от своих попутчиков он проведал, что слух о семи мальчиках - не выдумка, и это его обрадовало. Худо, однако, было то, что автобус, как заявил ему водитель, через полчаса по прибытию должен был отправляться в обратный путь в Степанакерт, а другого транспорта на сегодня ждать нечего. Поэтому, едва доехав, корреспондент бросился в указанный сельчанами дом, но многое ли успеешь за полчаса, тем более что хозяйки не оказалось дома. Хорошо еще, что ему удалось застать дома всех семерых братьев, и с большим трудом да с помощью старшего из них Петроса усадить рядышком, засиять и узнать их имена.

Полчаса иссякали, автобус вот-вот должен был отправиться в обратный путь, и посему ждать хозяйку он уже не мог. И, захватив с собой ее прошлогоднюю фотографию, переданную ему все тем же Петросом, корреспондент отбыл восвояси.

Уже на утро следующего дня газета и Советской Карабах» вышла с фотомонтажом, изображавшим семь мальчиков и одну довольно привлекательную женщину, снабдив его надписью: «Семь воинов Арцаха воспитывает мать-одиночка Лизетта Татевосян. Да будет щедрым наше вспомоществление ей».

Этот номер газеты обыватели рвали из рук друг друга, а призыв газеты нашел горячий отклик у многих общественных организаций области, и прежде всего у общества «Миацум». В село семье Татевосян потекли деньги и подарки, а благотворительное общество «Амарас» постановило выплачивать этой семье ежемесячное пособие.

Газета «Советский Карабах» писала в те дни: «Неоценим вклад Лизетты Татевосян в решение задачи догнать и перегнать азербайджанцев по рождаемости».

Была заведена и специальная рубрика «От газеты - для Лизетты», в которой печатались ей посвященные вирши.

Горисполком Степанакерта выступил с инициативой переименовать улицу «Дружбы народов» в бульвар Лизетты Татевосян, а каждый обыватель считал за честь назвать новорожденную дочь Лизеттой или на худой конец схожими с ней Жанеттой, Жоржеттой или Мюзеттой.

Однако ж читатели газеты требовали подробнее рассказать о житье-бытье семьи Татевосян, и главный редактор в один из субботних дней командировал в то село своего самого шустрого шелкопера, наказав ему, оставаясь там хоть неделю, подготовить о Лизетте Татевосян и ее семи сыновьях обстоятельную статью аж на целую страницу.

Корреспондент уехал, а главный редактор назначил на вечер того же дня у себя в кабинете сбор своих сотрудников с приглашением работников горисполкома для окончательного решения вопроса о том, что на какой-же все-таки манер переименовать улицу «Дружбы народов». Дело в том, что мнения общественности города разделились: одни предлагали называть ее впредь бульваром Лизетты Татевосян, другие - проспектом «Матушки Лизетты и семи богатырей», а третьи вслед местному эстету, председателю «Объединения поэтов Арцаха» Дымбяну, - именовать на французский лад «Рю де Лизетт». Поначалу страсти не на шутку разыгрались, но когда дело шло уже к концу, поскольку многие почти согласились с эстетом Дымбяном, что по-французски оно звучит романтичнее, двери кабинета вдруг с шумом распахнулись, и в комнату вбежал запыхавшийся корреспондент, командированный утром к мадам Лизетте. Так рано его не ждали, и одного взгляда на его жалкий, обескураженный вид было достаточно для понимания того, что случилось нечто чрезвычайное.

Все смолкли и выжидающе смотрели на корреспондента. А тот молча сел на стоящий у двери стул и, обхватив голову двумя руками, закачался словно на похоронах.

И когда молчание затянулось сверх всякой меры, терпение главного редактора лопнуло, и он гаркнул: «В чем дело, Ашот?»

Этот окрик словно бы разбудил корреспондента. Он встал со стула, мутным взглядом окинул сидящих, вздохнул и, наконец, сказал:

- Я, господа, не буду вам ничего рассказывать, я только прочту вам полные имена всех семи сыновей Лизетты Татевосян, а уж что делать дальше, решайте вы сами.

И корреспондент, вытащив из внутреннего кармана пиджака какую-то бумагу, зачитал:

- Татевосян Петрос Самвелович;

- Татевосян Никос Манвелович;

- Татевосян Татуш Мамедович;

- Татевосян Гавруш Самедович;

- Татевосян Рачик Шотаевич;

- Татевосян Вачик Иванович;

- Татевосян Рантик Габриэль-Мануэль-Фидель-Министрель-Карлос-Амигос дон Жуанович.

В комнате воцарилось гробовое молчание, и, глядя на поблекшие разом лица собравшихся, кабинет главного редактора «Советского Карабаха» можно было бы принять за областной филиал музея восковых фигур мадам Тюссо...

Не буду утомлять читателя подробностями того, как выбиралась газета из случившегося с ней конфуза.

Скажу только, что кампания «Догоним и перегоним азербайджанцев по рождаемости», так и не достигнув своего пика, была оперативно свернута, а в массы, чтобы сбить ее внимание с той кампании, был спешно брошен клич: «Арцаху - статус 51 штата Америки».

В конгресс США пошли телеграммы, на всякого рода собраниях Зория Балаяна стали выдвигать в губернаторы новопророчествуемого штата, а местное радио ввело заочные курсы английского языка. Мало-помалу о прежней кампании стали совсем уж забывать, и только улица «Дружбы народов» еще напоминала о ней: ее все же переименовали и, вняв настоянию Дымбояна, назвали «Рю де мадам Элен Боннэ».

И последнее. Говорят, все тот же неугомонный эстет Дымбоян, проведая, что фешенебельный ночной ресторан Парижа называется «У Максима», а Максимом зовут и главного редактора «Советского Карабаха», хлопчет нынче за то, чтобы расположенную на той самой Рю шашлычную «Арцах» переименовать - на парижский лад в кабаре - У Максима из Арцаха», обещая посетителям в качестве фирменного блюда уток, готовящихся на кухне «Советского Карабаха». Власти города вроде бы не возражают. Поживем, увидим. Хотя канкан, по слухам, уже репетируют.

ТЕЗКА

Когда у бывшего красного конника Саркиса родился сын, имя ему подбирал он сам, назвав мальчика Лентрошей. Недавний солдат революции полагал, что имена боготворимых им Ленина, Троцкого и Шаумяна, сведенные воедино, словно путеводные звезды будут озарять весь жизненный путь его сына. Но не успел Лентроша и сколько-нибудь подрасти, как с календарей исчезло имя объявленного врагом народа имя Троцкого. И когда мальчику пришла пора идти в школу, красный конник бросился в загс и настоял на смене имени сына с Лентроши на Вилена, полагая, что уж Ленин-то точно на века. С этой мыслью и почил Саркис.

..Казалось, что все жители небольшого карабахского городка собрались на митинг, чтобы послушать, что скажет им приехавший из областного центра лектор. И лектор говорил, говорил почти час, закончив свою речь словами:

- Теперь, я думаю, вам ясно, что во всем виноват Ленин, отдавший карабахскую землю азербайджанцам. А у вас в городском саду и до сих пор красуется его бюст. Долой Ленина со всех пьедесталов!

- Долой, - вопит ему вслед взвинченная толпа и, кем-то ведомая, направляется к саду.

Памятник огорожен невысоким металлическим частоколом, по периметру которого расхаживают два скучающих милиционера. Но на них никто не обращает внимания, и уже скоро толпа окружает памятник, остановившись в полушаге от частокола. Милиция куда-то исчезла, а крики толпы «Долой Ленина» становятся все неистовей. И вот уже летят в сторону памятника сначала один, потом два, а потом и десятки камней с комьями грязи.

Камни отскакивают сразу же, а грязь медленно сползает по лицу Ленина, и мне без очков кажется, что это и не грязь вовсе, а такие вот слезы. Грустная, чудовищная картина!

А буйству толпы нет предела, и уже никто не обращает внимания, что иные метатели с одной стороны ограды, промахиваясь, попадают камнем не в Ленина, а в людей с противоположной ее стороны. Не обращает, поскольку все их чувства захлестнула внушенная толпе искусными развратителями злоба к Ильичу.

И вдруг в двух шагах от себя я вижу коренастую фигуру Вилен, с булыжником в руке вступающего в толпу. Ладонь Вилен с две моих ладони и булыжник в его руке огромен и тяжел. Глаз у него остр, и я знаю, что Вилен не промахнется. И кричу ему:

- Вилен, Вилен.

Вилен вздрагивает, медленно поворачивается ко мне и хмуро смотрит на меня.

- Вилен, - уже хоть и громким, но спокойным голосом говорю я ему, - подойди, пожалуйста, ко мне. Очень тебя прошу, подойди.

Вилен тяжелым, неторопливым шагом подходит ко мне и спрашивает:

- Чего тебе?

Сохранивший и в свои шестьдесят лет телосложение молотобойца, Вилен, подойдя ко мне вплотную, закрывает собою и ограду памятника и толпу. И мне теперь, поверх головы Вилен, виден один лишь бюст Ленина со стекающей по его лицу грязью. Я смотрю на лицо Ленина, и тихо, почти шепотом говорю Вилену:

- Вилен, неужели и ты тоже. Как же ты можешь, а?

Ведь ты Вилен. В тезку-то своего, разве так можно...

- Не называй меня больше Виленом. Не хочу, - тоже почти шепотом отвечает мне он.

- Это почему же, Вилен? Не я подбирал тебе имя, а твой отец. Ведь он сейчас в гробу переворачивается от твоих СЛОВ, - говорю я этому сыну солдата революции.

- Он в гробу переворачивается, а я вот здесь и сейчас, — отвечает мне Вилен.

- Это почему же?

- Как почему? Или ты не видишь, что творится кругом? И тебе все нипочем, нипочем уже и сам себе? А я вот уже не могу. Мне даже и дома уже покоя не дают.

- Дома-то почему?

- Да все из-за внучки. Ей сейчас десять лет, а при ее рождении имя ей выбирал я. Помнится, я тогда еще подумал, а как бы отец мой назвал свою правнучку, будь он жив. И выбрал ей имя Октябрина. А теперь вот и жена и дочь все пилят меня. Мол, как назвал, так сам и меняй. А что делать? Придется пойти в загс или куда там еще и поменять.

- Не надо, Вилен, - говорю я ему, - никуда не иди и имя внучке не меняй.

- Это почему же?

- Да потому, Вилен, что хоть мне с тобою может и не доведется, но внучка твоя еще будет гордиться своим именем.

- Ты думаешь? - спрашивает Вилен.

- Я.уверен, Вилен, уверен.

Вилен бросает булыжник, и мы уходим с ним прочь от гудящей толпы.

НЕ СЛАВА, А ПРЕЗРЕНИЕ

Когда не стало мамы, бывая в других городах, как бы ни был занят, я хожу на кладбища. Здесь, в царстве усопших, отошедших в мир иной, человек соприкасается с верностью. Здесь многое воспринимается по-иному, ко многому подходишь с иной меркой. Здесь понимаешь, что почти все - суета сует, и есть всего лишь очень небольшое - небольшое такое, чему стоит служить, отдать и сердце свое и еще оставшиеся силы. Здесь, пусть и ненадолго, человек очищается, умиротворяется, становится лучше.

Здесь, среди могил, мне всегда было досадно, что не верую, что я - атеист. А так хотелось бы верить, что есть оно, чистилище, где каждому дана возможность избавиться от грехов, и после суда, пусть и строгого, страшного суда, обрести, наконец, душевный покой.

Ходишь, ходишь среди могил и думаешь, вот он - мир, где не место нашим копеечным страстям, а более всего - гордыне, тщеславию, честолюбию. Читаешь эпитафии, эти надгробные письма, и иные из них разрывают сердце, гнетут душу, подкашивают ноги. Трудно становится дышать, и тогда уже бежишь из этого царства мертвых, чтоб и самому не остаться здесь.

А иногда... иногда вдруг прочтешь такое, что всего тебя наполняет протест. И думаешь, кто он, этот глупый, пустой и чванливый человек, умудрившийся и сюда, в эту обитель скорбей человеческих, принести и запечатлеть на камне свои дешевые страстишки, свою непомерную любовь к позе, к рисовке, к собственной персоне.

«Пышные похороны не нужны мертвым, - они ублажают тщеславие живых», - сказал французский мудрец Лярошфуко, и был безусловно прав. Не нужны мертвым и славословия, ничего им земное уже не нужно.

А эпитафии... эпитафии - это крик твоей души, твое последнее «прости».

Так должно быть. Как-то (давно это было) я прочел на могильном камне простую надпись: «Спасибо, отец». Взрослый уже сын, прощаясь навеки, благодарил отца. За что? Мы не узнаем этого. Да и зачем нам знать, ведь это их тайна. Одну половину этой тайны отец унес с собой, другая осталась в душе у сына. И она дорога ему, она теплит его душу, коль и в этот час скорби он вспомнил о ней.

А однажды, и тоже на могильном камне, я прочел вот такую надпись: «Отцу, полковнику Советской Армии, от сына - доцента». Ну, что сказать? Ведь не аллея же почетного захоронения, и камень поставлен не от государства, не от официального органа, не от должностного лица: от сына - отцу. Эта надпись, словно та же реклама на залежалый товар, обращалась к прохожим: вот каков был мой отец - не чета вашему, но и я хорош, - доцент.

Удивительная это вещь - память. Когда начались, «Карабахские события», житель Еревана Зорин Балаян, оставив в стольном граде Армении семью, перебрался в Степанакерт. Городские власти областного центра выделили ему в горисполкоме кабинет. Для приема здешнего обывателя, а более всего - для изобретения разного рода сепаратистских пакостей да поношений в адрес народа Азербайджана (на что он, скажем прямо, большим был докой). И когда его «художества» основательно надоели, военной комендатуре города, к Зорию Балаяну явился офицер - представитель комендатуры. Между ними состоялся диалог, который сам Балаян изложил в газете «Советский Карабах».

Вот краткий пересказ этого диалога.

Офицер (Балаяну): - Если Вы не прекратите своей националистической и сепаратистской пропаганды, то по распоряжению властей Азербайджана будете выдворены из области.

Балаян: - Вы сами читали это распоряжение?

Офицер: - Да, читал сам.

Балаян: - Дайте мне это распоряжение.

Офицер: - С собой у меня его нет, я не взял его.

Балаян: - Но вы его видели, это распоряжение?

Офицер: - Да, и видел, и читал.

Балаян: - Никуда я не уеду. Дайте мне это распоряжение, тогда еще подумаю.

Зорию Балаяну, этому мастеру интриг и скандалов, документ тот был нужен для новых спекуляций на тему о «демократии». Однако, распоряжения не получив, переживать особо не стал, и направил Президенту СССР, в Прокуратуру, Верховный Суд, Министерство внутренних дел страны телеграммы: - караул, покушаются на мои гражданские права, гарантированные Законами страны. Текст телеграммы венчала строка поистине балаяновская: прошу эту телеграмму считать моим заявлением на предмет привлечения к ответственности руководство Азербайджана.

В день, когда он направил эту телеграмму во все властные органы страны, я увидел его выходящим из горисполкома в сопровождении своих борзых.

Сколько же самодовольства, сколько чисто провинциального упоения собой было написано на его лице. И вот тут-то в моем мозгу сработала ассоциативная память. И я вспомнил ту эпиграфию сына-доцента, и подумал, что, наверное, вот так же всегда довольным собой выглядит и тот доцент.

И, знаете, в сходстве Балаяна с тем доцентом я, а общем-то, не ошибся, ибо оказалось, что и он придумал для своего отца в чем-то очень схожую эпиграфию: «Мой отец резал хлеб стоя». Отца Зория Балаяна я никогда не знал, и вовсе не намерен тревожить его тень, ведь это не его вина, что на его могильном камне запечатлена такая запись. Меня другое удивляет: как мог Зорий Балаян вообще додуматься до нее. Ведь речь идет о жителе карабахского села, покоящемся тоже на карабахском погосте. И очевидно, как каждому сельчанину, ему случалось сидеть у родника и трапезничать вместе с приятелями. Что, и тогда он вставал на ноги и стоя разрезал хлеб? Нет, конечно, и отрезал, и отламывал его сидя, а нередко и полулежа на траве, как это делают здесь все. И правильно делают. Но как все - для него не подходит. Ему надо по-особенному, чтобы люди сказали: ох-ох, все у него по-особому. Словом, типичный (от села отставший - к городу не приставший) провинциальный честолюбец. Искатель славы, пусть и скандальной, пусть и нелепой, но славы.

Кстати, о нелепости. В одном из своих писаний он изрекает: «Мы строим свое счастье на крохотном участке плодородной земли, которая по своей площади в сто шестьдесят раз меньше полуострова Камчатка...» Ну, скажите, не нелепость ли это, и при чем тут Камчатка. Уж коли на то пошло, сравнил бы сразу с Гренландией, и вышла бы цифра куда экзотичнее. Но нет, ему надо именно с Камчаткой, ибо как еще иначе дать знать читателю, что и на Камчатке тоже ему довелось побывать. Ну, не может человек не вернуть о себе хотя бы одного слова. Вот и сравнил Армению с Камчаткой...

Есть у русского поэта Петра Якубовича замечательное стихотворение «Слава». Забвение - вот удел всякой славы, - таков рефрен этих стихов.

Но не слава, а презрение тысяч и тысяч людей, обожженных «Карабахом», будет предшествовать людскому забвению Зория Балаяна.

ТОРГОВЫЕ ШАЛОСТИ

Газовое объединение, где я служил, не имело ни своего буфета, ни столовой, и посему свой обеденный перерыв я все больше проводил в буфете швейной фабрики «Весна», расположенной от нашего объединения в пяти минутах пешего хода. Заведовал буфетом некий Шаин, парень шустрый и в общем-то славный малый, старавшийся, понимая мою необустроенность, всякий раз в меру своих возможностей наилучшим образом меня обслужить. Иногда мы вели с ним почти философские беседы, и это нас чуть-чуть сблизило.

И вот однажды, не поимев во рту с утра ни кусочка хлеба и подзадержавшись у начальства, я пришел к Шаину много позже обычного и попросил его чем-нибудь меня накормить, да пооперативнее. Буфет был уже пуст от посетителей, и Шаин пригласил меня за стойку, напрямиком на кухню, чтобы там, вдали от случайных посторонних глаз, угостить меня блюдом, коим он в тот день кормил одно только свое фабричное руководство.

Блюдом этим оказалось отменное жаркое, тем более вкусное, что Шаин сдобрил его стаканом красного крестьянского вина из хранящейся у него где-то в запасниках бутылки.

Словом, по тамошним обстоятельствам обед вполне можно было считать королевским.

Ну, съел я полтарелки жаркого, запил полстаканом вина и решил передохнуть. И тут-то захотелось мне закурить.

А надо сказать, что в ту пору в Степанакерте в смысле дефицита хуже всего обстояло с куревом. Единственное, что еще можно было достать, причем достать из-под полы да с изрядной переплатой, так это ереванскую «Астру». Ну, кто ее курил, тому, думаю, не надо объяснять, что это за сигареты - одна солома. Конечно, кое-кто в городе курил и «Мальборо», но ведь для того они весь этот кавардак и затеяли, чтобы и «Мальборо» курить и «Наполеоном» запивать. Но я сейчас не о них, я - о себе.

Одним словом, вынимаю из кармана эту самую «Астру» и закуриваю. И сразу же захожусь в таком кашле, что весь свет мне становится не мил. Тушу сигарету и ищу глазами урну, куда бы мне ее бросить. Урна оказалась в самом углу кухни, и я иду туда. А возвращаясь к столу, вдруг вижу - не веря своим глазам - штук двадцать пачек сигарет «Космос», лежащих на полке столбцом друг на друге за какими-то коробками.

Ба, думаю, а ведь в Баку я только этот «Космос» и курил, пристрастись к нему. Откуда они вдруг здесь? Или, может, это всего лишь бутафория, так себе, пустые пачки. И спрашиваю у Шаина:

- Шаин, это у тебя что, настоящий «Космос»?

- Настоящий, но ты не трожь, нельзя.

А надо сказать, что вся эта история с сигаретами случилась вскоре после моего приезда в те края, когда я еще не очень был осведомлен о масштабах дикости, тамошних нравах. И спросил:

- Это почему же?

- А потому, - ответил он, - что сигареты эти бакинского производства. Остались от прошлых запасов. А торговать товарами азербайджанского производства нам теперь запрещено. И если я нарушу этот запрет, меня вмиг уволят. Или ты хочешь этого?

- Боже упаси, ни в коем случае.

- Ну вот. Кстати, у меня здесь обедали как-то несколько строителей - директор просил их накормить, а я возьми да угости их этими сигаретами. Так один обещал мне голову размозжить за них. Еле отделался. Так что, если хочешь, то можешь покурить у меня на кухне. А на вынос - не могу.

Я выкурил подряд две сигареты, и такое у меня было ощущение, словно и сам уже побывал в Баку.

Из дальнейших разговоров с Шаином узнал я, что на складе у него хранится еще целый ящик таких пачек, и что курит их он только сам да еще угощает ими своих друзей, когда те у него гостят.

Через полчаса, доев жаркое и допив вино, я засобирился уходить. Но закурив на прощанье еще одну сигарету, стал я вымаливать у Шаина хотя бы десяток этих пачек. За любую сумму. Шаин долго отказывал, но в конце концов сломался и отдал их мне, причем за свою же цену. А все потому, что поверил моим заверениям, что ежели кто их у меня обнаружит, то заявлю, что приобрел

рел эти сигареты у солдат из патрулей, у которых азербайджанского производства сигареты были не редкость.

И еще целых два месяца, пока не иссякли Шаиновы запасы, баловал я себя сигаретами «Космос». Вообще же, уж коль скоро речь зашла о торговых страстишках «Карабаха», скажу, что они здесь разыгрывались в изобилии и в самых оригинальных вариантах. К примеру, один поклонник «Нар-Шараба», этого редких качеств гранатового экстракта, рассказывал мне, что он периодически приобретал его у знакомого складчика, предварительно сменявшего исконную этикетку «Нар-Шараба», свидетельствующую о его азербайджанском производстве, на подвернувшиеся под руку торговые знаки иностранных фирм.

И уж коль скоро речь зашла о товарах из Азербайджана, скажу, что на «черном» рынке они были не редкостью, хотя и поступали сюда уже по нелегальным каналам. Причем долгое время своеобразным перевалочным пунктом этой торговли служил город Симферополь, куда систематически организовывались чартерные авиарейсы и где у степанакертских дельцов имелись свои постоянные маклеры.

Но, конечно, особенно бойко здесь шла торговля с рук промышленными и продовольственными продуктами, поступающими в Армению из-за рубежа в дар ее гражданам, пострадавшим в дни страшного спитакского землетрясения. Второй взлет этого «черного» рынка был связан тоже с поступлением помощи, но теперь уже беженцам.

Но все это были, конечно же, торговые шалости, а по-настоящему большая коммерция осуществлялась в тайне от обывательских глаз, по неведомым человеку с улицы каналам. И это понятно, ибо область, по прихоти сепаратистов отказавшаяся от естественных для нее экономических связей с Азербайджаном, и месяца не продержалась бы, не задействуй она эти каналы. Часть из них функционировала уже с 1988 года, а в пору хозяйничанья в области Комитета Особого Управления А. Вольского таких каналов стало куда больше. Правда, и при этом комитете, то есть в 1989 году, иные крупные сделки, например, поставки запчастей к машинам из Набережных Челнов, бывало, срывались, но то была заслуга не комитетчиков, а населения тех районов, по которым транспортировались грузы.

Но совсем иная ситуация сложилась тогда, когда управление областью взял в свои руки специальный Оргкомитет во главе с В. П. Поляничко: все сколько-нибудь крупные коммерческие операции были взяты под жесткий контроль.

Увы, с ликвидацией Оргкомитета и выводом из области войск МВД бывшего Союза ни о каком контроле уже не могло быть и речи. А с пробитием Лачинского коридора поток грузов в область стал уже безграничным. Надо ли говорить, что львиную долю в них составляло оружие. И начался новый, кровавый этап «Карабаха».

КАРАБАХ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Карабах» как был, так, конечно же, и остался явлением однозначным, в сути своей сориентированным на отторжение в пользу Армении части азербайджанской земли.

Но вот в том, каковы его внешние формы и какими методами он замышлялся актуализироваться, - в этом «Карабах», безусловно, уникам, не имеющий себе равных среди прочих аналогичных ему событий.

Тут было задействовано все, что хоть в какой-то мере могло содействовать его успеху. История и реальность, наука и религия, экономика и заурядная афера, - абсолютно все. Причем, безотносительно от того, насколько это приемлемо или противно человеческой натуре: творцам «Карабаха» было не до таких мелочей.

Некоторые особенности «Карабаха», некоторые черты к его портрету и приведены в публицистических материалах этой части книги.

«КАРАБАХ» И СТИХИЙНЫЙ РЫНОК: СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

Многие наверняка еще помнят то недавнее время, когда ретивые «перестройщики», то бишь Горбачев и иже с ним, и пришедшие им на смену не менее ретивые «реформаторы» «а-ля Гайдар» уверяли мир, что сложившиеся за несколько десятилетий тесные экономические связи между отдельными регионами бывшего Союза спасут его многонациональный народ от ужасов межэтнических распрей: мол, единый рынок вывезет. Увы, не только не вывез, но и сам он, этот единый рынок, приказал долго жить, оставив после себя дюжину изрыгающих ненависть больших и малых «карабахов».

И если кто-то сегодня задается вопросом, на что же именно, на скудоумие или злой умысел, следует отнести те бредовые заверения господ «перестройщиков» и «реформаторов», то я отвечаю им так: не все ли равно, ведь дело свое они уже сделали, и остается лишь уповать на историю, что может хоть она поставит их таки к позорному столбу, тому самому, на котором первым аршинными буквами уже высечено имя античного Герострата.

Но это я так, к слову, а что до самих «карабахов», то смею утверждать, что все они - суть порождения того дикого, ничем и никакими нормами приличия не стесняемого рынка, к которому сначала подпольно, а потом и в открытую шло и наконец пришло народное хозяйство бывшего СССР. Рынка стихийного, от которого тот же Запад, некогда тяжело им переболев, уходит сегодня все дальше и дальше.

Итак, рынок и «Карабах». Прежде всего повторю в этой связи уже однажды высказанную мысль, что в комплексе мероприятий, долженствующих обеспечить отторжение бывшей НКАО от Азербайджана и ее присоединение к Армении, мерам экономического характера придавалось особое значение. Это нашло свое отражение и в суетливом переподчинении предприятий области министерствам и ведомствам Армении, и в состыковке планов социально-экономического развития этой республики и НКАО, и в направлении из Армении специалистов для руководства объектами экономики области и в целом ряде других столь же незаконных действий.

Но, пожалуй, самым показательным и в какой-то мере символическим шагом явилось создание в областном центре Степанакерте нового рынка - самого натурального, так сказать, базара.

В городе вообще-то давно уже существовал свой, привычный горожанам старый рынок, как и повсюду в те годы именуемый колхозным. Тот же рынок, о котором я веду речь, был построен в 1989 году, и местные жители именовали его то крытым, то новым, как бы подчеркивая его отличия от прежнего - старого и не имеющего крыши. Но самым примечательным было то, что он являлся собственностью Армении, о чем свидетельствовала и такая вот надпись на фронтоне ворот рынка: «Госагропром Армении». Этот рынок должен был как бы служить свидетельством того, что принятый парламентом Армении акт о слиянии народнохозяйственных комплексов ее самой и области - никакая не риторика, а руководство к действию.

Заодно на новый рынок возлагалась и другая функция: показать, насколько улучшится обслуживание населения продуктами, когда область уже окончательно перейдет под юрисдикцию Армении. С этой целью по дороге Горис - Лачин - Степанакерт между очередными партиями оружия и террористов в область направлялись автоколонны, груженные товарами, которые и в самой Армении считались экзотической редкостью. Кстати, коль пришлось к слову, скажу, что создание таких вот своеобразных «потемкинских деревень» здесь в пору националистического оболъщения местного обывателя было достаточно частым явлением. К примеру, в столовых и буфетах предприятий, заявивших о своем переходе в подчинение министерствам и ведомствам Армении, сра-

зу же и намного улучшалось питание рабочих, и инженерно-технического персонала. Но все эти рекламные фортели были рассчитаны, конечно же, на дурачка: гляди, мол, обыватель, как мать-Армения заботится о тебе. А между тем, крупный и мелкий, в ту пору пока еще подпольный бизнес мертвой хваткой брал за горло экономику области, и каждому непредвзятому наблюдателю было ясно, что не благополучие тамошнего населения заботило истинных творцов «Карабаха» - на него им было наплевать, как ранее этим господам наплевать было и на судьбы бакинских армян, - другое представляло для них интерес: экономический потенциал области, ее плодородная земля, из которой они мыслили сотворить аграрную базу самостийной Армении.

Вот и осваивали область, как могли, как были научены, - нахраписто и бесстыдно. Приведу, в этой связи, такой пример. Для газификации сел Мартунинского района области (кстати, района, уже на три четверти газифицированного) некоей хозрасчетной организацией Еревана был разработан проект, за который областное газовое управление выложило сто двадцать тысяч рублей. Сумма эта (в ценах 1988 года!) настолько поразила воображение начальника управления, что при всем его полнейшем национализме он все никак не мог успокоиться, по поводу и без повода заявляя, что выполненные работы не стоят и двенадцати тысяч. Когда же я спросил его, зачем он подписал такой договор, он ответил мне, что цены, по заявлению проектировщиков, - рыночные.

Поражало, с какой самоуверенностью и обстоятельностью наезжал сюда целый рой любителей легкой наживы, словно область и есть уже захоластная провинция Армении.

Вспоминается один пилот рейсового «ЯК-40» из Еревана, из-за непогоды заночевавшего в Степанакерте. Так случилось, что ту ночь мы провели с ним вместе у наших общих знакомых, и пилот, которого, как и меня, мучила бессонница, аж до самого утра делился со мною своими планами по части предпринимательства:

- Собрать бы у ереванских и здешних боссов деньги и построить на них аэропорт по приему лайнеров дальнего маршрута, - хороший бы навар можно было снять. Уверен, карабахские богатеи, коли обещать им, что напрямую смогут летать из Степанакерта в Париж, сразу же выложутся, не устоят - эта публика кичливая. Взяться, что-ли, а?

Пилот «ЯК-40» еще только строил планы, а сколько было таких, что, войдя в кооперацию с местными дельцами и делягами, уже раскручивали свой бизнес. На первых порах, правда, и не такой крупный, но ведь лиха беда начало.

Вот тогда-то я и вспомнил некоторые хрестоматийные факты из истории становления рыночной экономики в странах Запада. Да и Востока тоже.

Как известно, в любой стране свободнорыночная экономика, или - в более привычных терминах - капитализм, начинается с того, что в обществе формируется особая социальная группа людей - сословие свободных предпринимателей, которые, используя каким-либо образом накопленные у них и достаточные для этой цели средства (первоначальный капитал), организуют собственное дело, будучи уверенными, что в итоге к ним вернуться не только затраченные ими средства, но и, сверх того, некоторая сумма, образующая их прибыль.

Собственно, такова, если угодно, лапидарная форма определения общества, принятого именовать капитализмом. Теперь немного о том, как образуется тот самый первоначальный капитал, без которого невозможна и организация собственного дела. Известно, что на счету у рыночной мифологии по сему поводу немало легенд. О чистильщике сапог, распространителе газет, разносчике молока или картежном шулере, ставших владельцами соответственно обувной фабрики, крупного издательства, животноводческой фермы или сияющего огнями ночного казино. Не отрицая полностью реальность этих легенд (к коим можно присоединить еще серию подобных им сказаний), тем не менее, будем помнить и успешную статью афоризмом фразу: «У истока всех крупных состояний всегда стоит большое преступление».

Так было во время накопления первоначального капитала в США, откуда пришли и знаменитые нравы Клондайка, так происходило и продолжает происходить и на территории бывшего СССР. Кстати, не в этом ли и причина горбачевского истошного «возврата к прошлому нет». Ведь случись оно, сколько бы ныне респектабельных бизнесменов предстало совсем в ином обличье. Но на нет, как говорится, и суда нет, и посему сегодня уже не кажутся дикими откровения, аналогичные тому, коими поделился с газетой «Вечерняя Москва» (02.01.92 г.) один из спецов постперестроечной экономики Абель Агаибекян, заявивший, что все должно принадлежать тем людям, кто сумел заработать деньги, а каким образом, не столь уж и важно. Стоит ли удивляться, что именно такой человек стоял у истоков «Карабаха».

Однако хватит об этом, ибо поезд, как говорится, ушел. Согласимся лишь с фактом, что в любой стране свободно-рыночная экономика начинается с появления круга людей, умеющих делать бизнес и имеющих для этого необходимые средства. Далее, известно, что поначалу они тем только и занимаются, что осваивают более доступный им внутренний рынок, причем на первых

порах - сферу обмена (оптовой и розничной торговли), не требующей крупных капиталовложений и почти немедленно возвращающей им затраченные средства, возросшие на прибыль. А уже позже, при наличии достаточного капитала, бизнес вторгается и в сферу материального производства. В свете этого вполне понятно, что предприниматели, осваивая внутренний рынок, делают все от них возможное, чтобы помешать проникновению на этот рынок иностранного капитала, способного перехватить из их рук потенциальную прибыль. И что примечательно, в этом своем стремлении местные бизнесмены находят полное понимание властей.

Действительно, есть по крайней мере два веских соображения, которые стимулируют правительство любой страны проявлять заботу о собственных предпринимателях в ущерб иностранным.

Во-первых, тем самым предотвращается вывоз из страны капитала в форме прибыли, а именно это и происходит, когда предприниматель - «варяг». Капитал же, оставшийся дома, в силу его внутреннего стремления к наращиванию собственной массы, сразу же вовлекается в процесс оборота, что на практике означает создание новых рабочих мест и рост выпуска товаров народного потребления, а уж через них - рост налоговых поступлений в казну, используемых в первую очередь для реализации социальных программ.

В условиях капиталистической формы хозяйствования иных путей стабильного поступления средств в бюджет, по сути, нет, иностранные же инвесторы для того только и вкладывают средства, чтобы вывозить прибыль. Конечно, для оживления деловой активности и внедрения передовой технологии, особенно в наукоемких производствах, допустимо приглашение иностранного капитала, но это уже, что называется, не от хорошей жизни, и правительству приходится торговаться за каждый процент вывозимой прибыли.

Второе соображение состоит в том, что правительство, воздействуя на патриотические чувства местных предпринимателей, в состоянии побудить их активно участвовать в разного рода благотворительных акциях и на поприще меценатства. Естественно, что на варяга такие призывы не действуют, ибо его патриотические чувства связаны с другой страной, с иными землями.

Итак, если правительства суверенных стран озабочены благосостоянием своего народа, они должны всячески содействовать национальным кадрам предпринимателей в упрочении их позиций на внутреннем рынке. Хотя бы на внутреннем!

Но как этого добиться, тем более что варяг, как правило, бывает более опытен. Увы, только путем проведения государством политики экономического протекционизма, что практически означает одно: изоляционизм, построение жесткой системы кордонов и таможен, преграждающих путь иностранному капиталу.

К сожалению, это отгорожение, вольно или невольно, ведет одновременно к росту в обществе ура-патриотических, националистических тенденций, и с этим надо считаться, ибо такова уж диалектика свободнорыночной экономики на ее ранних стадиях.

Более того, порой отгораживаются друг от друга не только государства, но и отдельные территории внутри единого государства, что ведет к возникновению местничества и сепаратизма, которые, таким образом, тоже на совести экономических интересов местного бизнеса, хотя внешняя форма их проявления может быть самой различной.

Вспомним историю, поскольку на ее примерах легче понять и то, что происходит и с необходимостью должно было произойти с Союзом, коль скоро эта страна перешла на путь свободнорыночной экономики, на путь стихийного рынка. Обратимся, в частности, к истории США, поскольку именно в этой стране был в чистом виде реализован классический вариант капиталистического развития с его четко обозначенными этапами.

Действительно, в отличие от Европы, США не знали ни по-язычески необузданной Античности, ни аскетического Средневековья, ни вдохновенного Ренессанса, а значит не знали и двухтысячелетнего (до создания США) периода неистовых поисков смысла бытия, поисков, так и не признавших предпринимательство одной из человеческих добродетелей. (Кого, как не лавочников и менял изгонял Иисус Христос с паперти Иерусалимского храма. А что касается России, то ее дворянство так и не могло преодолеть в себе предубеждение против «деловых людей», отчего эти последние почти сплошь набирались из мещан. Русская литература богата описаниями того, какие жизненные коллизии, в том числе и в отношениях между представителями благородного и «третьего» сословий, возникали из-за этого предубеждения.

В качестве же примера сошлюсь лишь на всем памятные гончаровского «Обломова» и чеховские «Цветы запоздалые».)

Словом, едва приобретя независимость и чуть разбежавшись на этапе, который в Европе принято было именовать Просвещением, США встали на путь свободнорыночного развития экономики, позаимствовав первые навыки хозяйствования, но уже избавленные от разного рода фео-

дальних предрассудков, у своей бывшей метрополии. И тотчас же отгородились от хоть и менее настырного, но зато утонченно-изошренного капитала Европы. Кстати, дистанцирование это продолжалось более ста лет, поскольку именно столько лет понадобилось бизнесу США на освоение весьма обширного внутреннего рынка.

По большому счету, США впервые появились в Европе в годы первой мировой войны, приняв-таки участие в ее последних, заключительных битвах и обеспечив свое присутствие в послевоенном переделе мира.

Однако в контексте проблемы «Карабаха» и роли стихийного рынка в подобного рода явлениях более показательны те события, которые происходили в самих США в годы их добровольного изоляционизма от Европы. Во-первых, именно тогда эту страну поразила такой сепаратизм, равного которому по масштабности другие страны, пожалуй, и не ведали.

Генерируемый эгоистичными интересами местного бизнеса, этот сепаратизм привел к тому, что целые штаты стали выходить из подчинения федеральным властям и страна раскалывалась на части.

Но, к счастью для США, федеральное правительство сразу же осознало, к каким бедам для страны может привести подобное расчленение, и не мешкая, исчерпав мирные средства, силой оружия, в результате так называемой войны Севера и Юга, искоренило сепаратизм. Теперь уже ничто не мешало созданию в США единого рынка, а для предотвращения интервенции зарубежного бизнеса, как отмечалось, была принята на вооружение политика изоляционизма.

И здесь очень важно отметить, что с этической точки зрения изоляционизму весьма плодотворно содействуют призывы к возврату к национальным истокам, причем на первых порах - даже к ее самым архаичным формам. Для США эти истоки, как известно, кристаллизовались в пуританизме первых колонистов, чем и объясняется столь долгое культивирование в американском обществе пуританской строгости нравов. (О том, до чего доходила эта строгость, сплошь и рядом скатывающаяся в ханжество, свидетельствует, например, такой факт: еще в тридцатых годах нынешнего столетия за поцелуй на экране, длящийся более трех секунд, продюсер фильма штрафовался на 25 000 долларов. Не правда ли, на фоне нынешней «раскрепощенности» нравов в американском кино факт этот и впрямь из разряда курьезных.)

Интересно в этой связи отметить, что даже освоив свой собственный рынок, американский истеблишмент тех лет еще в течение достаточно длительного времени продолжал придерживаться политики дистанцирования от Европы. И это понятно, поскольку вслед за освоением собственного рынка перед бизнесом США стала задача активного проникновения на рынки соседних стран Нового Света.

Походя, между делом, округлив за счет Мексики собственные границы, предприниматели США ринулись в Латинскую Америку, создавая здесь одну «банановую» республику за другой. А чтобы преградить Европе дорогу и сюда, в спешном порядке была изобретена так называемая «Доктрина Монро», направленная на претворение в жизнь принципа: «Америка - для американцев». Долгие годы вокруг этого принципа и вертелась вся внешняя политика США, подкрепляемая, при необходимости, всей ее военной мощью.

И только тогда, когда с помощью патерналистского курса собственного государства бизнес США завершил освоение внутриамериканского рынка, а «великая депрессия» конца двадцатых - начала тридцатых годов текущего столетия показала, что этот рынок стал не просто тесен, но и (при сохранении прежних темпов деловой активности) весьма предрасположен к разрушительным катаклизмам, этот самый бизнес в одночасье сменил свой провинциализм и приверженность к пуританским, домоседским нравам на всесветность, вселенскую открытость, основательно заболел страстью к «путешествиям», не останавливаясь перед ломкой любых национальных границ. Вот только тогда США стали терпимее и к нравам всегда немного ветреной континентальной Европы, и к роскоши католических храмов, и к экзотическим для глаза пуританина восточным культам. Остается только поражаться, как быстро в массовой культуре США пуританское ханжество сменилось «плейбоевской» вседозволенностью.

Выйдя из национальных границ, капитал смело идет на создание многонациональных объединений, коль скоро это сулит ему дополнительную прибыль, но повторим еще раз: подобное происходит только тогда, когда внутренний рынок им уже основательно освоен.

Таким образом, развитие свободнорыночной экономики в любой стране (и в частности, как это было только что проиллюстрировано, в США) включает в себя следующие этапы:

1. Формирование особого сословия людей, которые, сконцентрировав в своих руках определенные средства (первоначальный капитал), посвящают себя предпринимательской деятельности (Бизнесу).

2. Освоение национальным бизнесом единого внутреннего рынка, предусматривающее отгорожение этого рынка от сторонних предпринимателей и преодоление сепаратистских тенденций внутри страны.

Отметим, что без освоения внутреннего рынка «своими» предпринимателями, страна может потерять экономическую (а затем - и государственную) независимость. Ну а если не удастся преодолеть сепаратизм, то страна расчленяется.

3. По освоении внутреннего рынка и в зависимости от своей мощи, выход национального капитала на внешние рынки, выход в формах, определяемых в общем-то его «воспитанием».

4. Создание межнациональных рынков и им соответствующих наднациональных государственных образований.

Такова самая общая схема развития рыночной экономики, хотя то, на каком этапе находится та или иная страна зависит от многих факторов. К примеру, если в бывших «банановых» республиках завершён только первый этап (и то не у всех) и идет борьба за отвоевание у «варяг» своего внутреннего рынка, то в США или странах Западной Европы реализуется последний четвертый этап (для США - в форме создания единого рынка в составе Канады, США и Мексики, для Западной Европы - аж нового государственного образования в варианте Маастрихского соглашения).

Не распространяясь далее на сей счет, обратимся к ситуации в наших недавних союзных республиках, избравших с некоторых пор свободнорыночную модель экономики.

Сейчас во всех них интенсивно реализуются первые два этапа: формирование сословия предпринимателей, обладающих тем самым, необходимым для бизнеса, первоначальным капиталом, и освоение этим сословием внутреннего рынка.

Относительно того, каким образом у новоявленных бизнесменов образуется обозначенный выше первоначальный капитал, ранее вскользь уже было сказано. Добавим только, что во времена СССР наилучшие условия в этом плане были у чиновного руководства из МИДа, Минвнешторга, Минторга, и прочих схожих с ними ведомств. Сегодня же огромные деньги делаются на операциях по приватизации государственного и муниципального имущества, на биржевой «игре», на сделках с зарубежными контрагентами.

Словом, тут все, как у «людей», и гораздо интереснее то, как эти бизнесмены осваивают внутренний рынок. Впрочем, и здесь «механика» не менее устоявшаяся: заградительные таможи и кордоны, система лицензирования внешней торговли, введение собственной валюты, закрепление права на приватизацию только за национальным бизнесом. Словом, как и полтора века назад в США, нынче теперь уже в наших бывших союзных республиках все на том же государственном уровне используется метод протекционизма и добровольной изоляции, затрудняющий проникновение на внутренний рынок предпринимателей «варяг».

Вот весьма характерный факт: не успев должным образом состояться и все еще не выйдя из пеленок торгово-посреднических операций, российские предприниматели в конце 1992 года обратились к Верховному Совету России с первой (!) в их недолгой истории законодательной инициативой, и (показательно!) состояла она в том, чтобы лишить иностранные банки права на финансовые операции в России. В том числе и банки бывших республик. Естественно, ответная реакция этих республик будет по своей сути такой же. Таким образом: свободнорыночная экономика в нору своего стихийного становления никогда не была и не могла быть фактором, содействующим интеграционным процессам на межгосударственном уровне, и уже поэтому она не только не в состоянии гасить пожары, аналогичные «Карабаху», но и сама является их стимулятором.

Право, поражаешься тому, с какой педантичностью «Карабах» (тот, самый первый) выразил в себе все этапы становления и развития капитала, все то, к чему он способен в неумной жажде сверхприбылей. Помните, ранее уже отмечалось, что большой бизнес, едва освоив национальный рынок, тут же сменяет свой провинциализм на всесветность и, круша любые национальные границы, бесцеремонно вторгается в земли других, поначалу соседних стран. И это еще раз продемонстрировал «Карабах». Почему именно он? Да все очень просто. Дело в том, что если и в России, и в целом ряде других бывших союзных республик капитал все еще озабочен освоением своего внутреннего рынка, или, правильнее сказать, - его формированием, то для мощного армянского - зарубежного и мафиозного доморожденного, - этот этап уже пройден. К тому же для армянского бизнеса внутренний рынок оказался весьма узок. Между прочим, не случайно Армения стала той республикой, в которой приватизация земли прошла раньше, чем в других (а во многих, по сути, еще и не начиналась). Что же касается всей прочей собственности (без земли), то здесь уже в первые же перестроечные годы она вся без остатка была поделена между узким кругом дельцов, имевших тесные связи с зарубежным армянским капиталом, подставными лицами которого эти дельцы зачастую и являлись. В этой связи вспоминаю такой факт: в Ереване еще в

1990 году я слышал от людей, которые в общем-то любили врать, что тамошний центральный универмаг в том же году был куплен двумя братьями - воротилами местного теневого бизнеса.

Словом, пока в других республиках капитал еще ходил па четвереньках, здесь он уже прочно стоял на ногах, успев окончательно опутать экономику этой республики. Более того, армянский большой бизнес был готов и к тому, чтобы прибрать к рукам и всю политическую власть, благо партии, способные проводить в жизнь его линию, тоже были подготовлены.

Чего же ему не хватало? Карабах. А чтобы ответить на вопрос, почему, вспомним, что основное и единственное устремление капитала - это извлечение максимально высокой прибыли. Но высокая прибыль - это низкие издержки, а низкие издержки - это низкая норма оплаты труда, ибо прочие элементы в этих издержках относительно стабильны, а с учетом значительных вложений на более совершенную технологию - даже растут. Однако норма оплаты труда в первую очередь определяется ценой «продовольственной корзины», или, в конечном счете, затратами населения на сельскохозяйственную продукцию.

Именно этим и объясняется тот факт, что все развитые страны Запада имеют высокопроизводительный агросектор экономики, проявляя неизменную заботу о его поддержании на должном уровне.

Но продовольственное изобилие - это не только опосредованный фактор высокой прибыли во всех отраслях, экономики, но и первейшее условие социальной стабильности общества и, одновременно, фактор развития непродовольственной инфраструктуры народного хозяйства - науки, культуры, здравоохранения и образования.

Да что там говорить: без развитого агросектора, способного накормить народ, любая страна непременно попадает в зависимость от экспортирующих продовольствие держав. (Конечно, наличие богатых запасов сырья позволяет за счет их экспорта существенно снизить остроту проблемы, что, к примеру, характерно для Арабских Эмиратов Персидского залива. Но с учетом перспективы такой: подход рано или поздно исчерпает себя.)

И еще одно: сельское хозяйство - это источник сырья, и прежде всего сырья для производства большей части товаров народного потребления, на приобретение которой затрачиваются денежные средства населения, что и обеспечивает оборот этих средств и предотвращает возникновение инфляционных процессов. Отметим в этой связи, что правительства развитых стран прекрасно понимают, сколь велика роль агросектора в благополучии общества, и поэтому па регулярной основе осуществляют необходимые, в том числе и протекционистские, меры, не позволяющие снижать объемы производства в этом секторе. Не случайно и то, что основное противоречие между США и Европейским Общим рынком связано с сельским хозяйством: в конкурентной борьбе обе стороны стремятся создать наилучшие условия именно для своего агросектора.

Естественно, все это хорошо понимал и крупный армянский капитал, с некоторых пор вынашивавший честолюбивые планы превращения Армении в «Японию» Среднего Востока. Но какая к черту «Япония», если Армения и накормить-то свой народ не в состоянии: не те были возможности у ее агросектора.

Идеологи «Великой Армении» понимали, что без решения проблемы продовольственного самообеспечения самая мысль о самостоятельности Армении папахивает дешевым фарсом. Но как ее решить, да притом в одночасье, если сельское хозяйство Армении более чем малопродуктивно. Казалось бы, отсюда следует один вывод: засучив рукава, упорным трудом на отпущенных Богом землях создать высокоэффективный агросектор. Трудно это? Да, конечно. Кстати, и в странах Запада создание развитого сельского хозяйства было сопряжено с большими сложностями. Но у них этот период, как и вообще период формирования свободнорыночной экономики, совпал с эпохой их колониального могущества, что позволило им сбросить большую часть тягот на поработанные народы. Ну а если говорить конкретно о США, то ее агросектор, как известно, был создан кровью и потом чернокожих, которых, по утверждениям специалистов, было завезено в эту страну из Африки почти 30 миллионов человек.

Одним словом, понимая, сколь сложной проблемой является создание развитого агросектора, армянский капитал, не мудрствуя лукаво, обратил свой взор на Карабах. А эта благодатная земля и впрямь могла бы стать житницей Армении, только вот не ей принадлежала. И началась агрессия, тем более, что многое позволяло надеяться на успех: перестроечный беспредел, территориальная близость, достаточно представительная армянская община, хорошо организованная «пятая колонна», мощное лобби во всеююзных структурах власти, информационно-психологическая обработка международной общественности, опытные кадры террористов, и прочая, и прочая.

Да, подготовка к агрессии и сама метода ее осуществления, - все, казалось бы, было продумано и просчитано. И тем не менее, «Карабах» уже с самого начала пошел не так, как хотелось

бы его постановщикам, что тоже понятно, поскольку этими господами не был учтен ряд очень важных факторов.

Во-первых, кастовый образ мышления так и не позволил им понять, что эпоха безнаказанных переделов мира и перекройки границ, эпоха решения собственных экономических проблем за счет ущемления суверенитета соседних стран канула в Лету, а действия, противоречащие международному праву, не могут быть поддержаны мировым сообществом.

Во-вторых, наплевав на международное право, архитекторы «Карабаха» обязаны были учесть, что сегодняшняя Армения в регионе Закавказья - это не Германия 30-х годов в Европе: не тот потенциал, не те возможности.

В-третьих, они не сумели сколько-нибудь объективно оценить геополитическое положение Армении, ее анклавность и те последствия, которые ее могут ожидать от действий соседних стран, возмущенных агрессивными действиями Армении в регионе.

Но самое главное - это то, что люди, взявшиеся определять внешнюю политику Армении, так и не уразумели, что без добрых отношений со своими соседями, без активного сотрудничества с ними в решении общерегиональных проблем, будущего у Армении нет, а всякого рода хитро-сплетения в этой внешней политике могут лишь усугубить ее положение.

Итак, в наших поисках ответа на вопрос, как соотносятся между собой рынок и «Карабахи», сотоварищи они или недруги, подведем итоги. А они, как это следует из всего изложенного выше, таковы.

Дикий, стихийным образом формирующийся рынок, единственным побудительным мотивом которого является жажда наживы и извлечение прибыли, не только не может быть панацеей от «Карабахов», но, более того, он был, есть и будет первейшим их генератором.

Другое дело рынок организованный и социально ориентированный, рынок, регулируемый одновременно и национальным законодательством и международным правом.

Такой рынок, служа интересам реализации товарно-денежных отношений и в этом своем качестве являясь альтернативой примитивно-распределительной форме реализации этих отношений, действительно может и в состоянии предотвращать «Карабахи», поскольку его природе присуще стремление к интеграции - поначалу на региональном, а затем и глобально-планетарном уровне. И что особенно важно, рынок не стихийный, не предоставленный сам себе, а регулируемый научно обоснованными методами планирования и управления экономикой. Будущее любой страны именно за таким рынком, а не за тем стихийным и диким, по которому поначалу пошли некоторые республики бывшего Союза и от которого уходят, или пытаются уйти, развитые страны Запада. Это на его, на совести стихийного рынка кровь всех «Карабахов».

«КАРАБАХ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЕРЫ

Любому непредвзятому наблюдателю сегодня уже ясно, что «Карабах» изначально замышлялся как зловещая крупномасштабная акция, в которой было задействовано все, что хоть в какой-то мере могло содействовать ее успеху;

К сожалению, и вера тоже. И дело вовсе не в том, что изображения первоиерарха Армянской апостольской церкви Вазгена I повсюду в области, куда ни пойти, назойливо лезли в глаза: тут особого греха может и не было. Хуже, а по христианским канонам и вовсе неприемлемо то, что не соблюдалось одно из поучений самого Иисуса Христа, донесенное до нас евангелистами: «...итак, отдавайте кесарево кесарю, а божие богу». И впрямь мудрый совет, если вспомнить недавние события, происшедшие в недавнем же СССР. К примеру, трудно даже представить, какое противостояние могло бы возникнуть между Римско-католической и Русской православной церквями, если бы вопросы отделения от Союза Литвы решались не соответствующими светскими органами власти, а папской курией и святейшим синодом. А между тем, и это надо прямо сказать, в развязывании карабахской драмы армянская церковь сыграла немалую роль, оказавшись в одном кильватерном строю с национал-сепаратистами. И это очень прискорбный, более того - опасный прецедент, опасный особенно сейчас, когда из общественного сознания с такою быстротой изгоняется еще недавно владевшая на одной шестой части суши умами людей идеология марксизма, провозглашавшая производность национального вопроса от классового и неминуемость исчезновения всех этнических противоречий в будущем бесклассовом обществе.

Сейчас нет смысла дискутировать по поводу достоинств или недостатков этой идеологии - она в загоне, но очевидно одно: с отрешением от нее сразу же возник вопрос, а что же иное, отличное от классовой солидарности, может послужить если не практической, то хотя бы теоретической базой межнационального согласия, того самого согласия, которое позволило бы избежать новых «карабахов». И вот тут-то в средствах массовой информации все чаще и чаще стали появ-

ляться публикации, указывающие в этом качестве на веру, на то, что религиозное сознание якобы уже само по себе обладает внутренней потенцией гармонизации межэтнических отношений и снятия противоречий в этой сфере. Так ли это, и если так, то почему в трагедии «Карабах» все произошло наоборот?

Вообще-то говоря, некоторые основания для такого рода утверждений как будто бы имеются. Действительно, сегодня все мировые религии - буддизм, иудаизм, христианство и ислам исповедуют монотеизм, то есть веру в единого Бога, что нашло свое отражение в широко распространенном среди верующих афоризме: «Бог один - веры разные».

Далее, многие догматы и заповеди различных конфессий пересекаются друг с другом и созвучны между собой. Вот почему столь живучи предположения, что на некотором и достаточно высоком уровне абстракции религиозного мировосприятия вера в единого Бога могла бы явиться средством снятия межэтнических напряжений.

Но предположениям этим, увы! - так и не дано было сбыться, чему свидетельство, в частности, Карабах, хотя и не только он один. А все дело в том, что у различных религиозных толков, различных вероисповеданий, как оказалось, различно и понимание того, в какой зависимости, в какой соотнесенности между собой могут находиться вера и этническая принадлежность человека, и если да, то в какой степени.

Разброс действующих норм, различие установившихся традиций здесь и впрямь широки и многообразны.

Характерен в этом смысле буддизм. Возникнув в глубокой древности, он изначально был абсолютно равнодушен к этническим различиям своих последователей, что и позволило буддизму с такой легкостью распространиться поначалу среди народов юго-восточной Азии, а затем и по всему миру. Собственно, именно благодаря этнической и расовой индифферентности буддизм и стал одной из четырех мировых религий.

И тут любопытно сравнение буддизма с синтоизмом - религиозным учением, которому следует большая часть жителей Японских островов. Согласно синтоизму, император Японии является одновременно и божеством, а значит и объектом религиозного поклонения. Естественно, что быть последователем синтоизма автоматически означает и быть подданным императора, то есть, попросту говоря, быть японцем. Такая вот жесткая связь между национальной и религиозной принадлежностью, отчего синтоизм и не считается мировой религией, а лишь верой японцев. Нет слов, синтоизм был и остается одним из самых действенных средств консолидации этой нации, в совокупности с кодексом самурайской чести долгие годы определяя ее менталитет. Собственно, синтоизм и есть религиозное воплощение национальной идеи, идеи сплочения нации вокруг особы императора, приравненного к Богу.

Что означало для японцев подобное верование: добро или зло?

В годы второй мировой войны синтоизм сплотил японцев в их агрессии против соседних стран, окончившейся Хиросимой и Нагасаки, - и это было зло.

В послевоенный период синтоизм спланирует нацию в высокопроизводительном труде по обеспечению экономического могущества Японии, - и это вроде бы на благо нации.

Так не значит ли это, что такая, по сути, националистическая религия, как синтоизм, сама по себе еще не зло, и все зависит только от того, для достижения какой цели служители этой веры вызывают нацию к сплочению в ее лоне.

Нет, не значит, ибо хоть в отдельных случаях такая строгая ориентированность религии на одну (свою) нацию и может сослужить ей пользу, в целом же она отрицательно влияет на формирование менталитета нации, культивируя среди ее представителей ксенофобию, национализм, изоляционизм, неприятие всего чужеродного.

Именно это и произошло с Японией. Сконцентрировав - в значительной мере благодаря синтоизму - волю и способность нации, эта страна достигла выдающихся успехов в росте экономики. Однако все, что можно было извлечь на таком пути, уже почти извлечено, и уже в самом ближайшем будущем изоляционизм станет тормозом ее развития. Собственно, сегодня уже и в самой Японии многим стало очевидно, что лишь активная интеграционная политика способна придать экономике Японии новый импульс. С практической точки зрения это может означать только одно: создание при активном участии Японии некоторого экономического объединения (союза, конфедерации, общего рынка и т. д.) стран региона ее расположения, в рамках которого стало бы возможным интегрировать усилия этих стран для обеспечения благоденствия их народов - всех одновременно. И вот тут сформировавшийся в значительной мере под воздействием синтоизма нынешний менталитет японской нации, ориентированный на выпячивание ее особенности и уникальности, и явится тем весьма серьезным препятствием, о котором Япония и может споткнуться. По крайней мере, одно можно утверждать совершенно однозначно: уже в скором буду-

шем эту страну ждет крупномасштабный идеологический и культурно-этический кризис, и она должна будет найти в себе силы преодолеть его, если не хочет в перспективе превратиться в такие изолированные задворки мировой цивилизации, ведущие в никуда.

Повторюсь еще раз: все это понимают и многие представители интеллигенции самой Японии. Вот, например, как оценивают менталитет нынешнего поколения японцев писатель Синя Фудзивара: «...в этом поколении заложена бомба для будущего Японии». А другой представитель культурной элиты Японии Часко Хасегава заявляет: «Япония была и все еще остается патриархальным обществом...» Но, пожалуй, парадоксальнее всего выглядит такая вот сентенция генерального секретаря Института мира и безопасности Касусихи Цукамото: «Лично я не хочу, чтобы продолжалось процветание Японии» (!?) Ему же принадлежит и такое вот весьма характерное признание: «...наша культура и психология получили шовинистический привкус». В культивировании «шовинистического привкуса», о котором говорит доктор Цукамото, вина не одного только синтоизма, но синтоизма в первую очередь, ибо религия как была, так и остается еще и сегодня основной духовной пищей большей части населения многих стран, и Японии в том числе. А иного привкуса такая сугубо национальная, да что там - националистическая, религия придать не могла. Другое дело уже упомянутый выше буддизм: подобного с ним случиться бы не могло, ибо индифферентность к этническим различиям своих последователей в самой сути этой веры. Но таков не только буддизм, и, к примеру, этим же свойством отличается и ислам, эта еще одна мировая религия.

Возникнув на Аравийском полуострове, ислам сыграл огромную позитивную роль в объединении племен кочевых арабов-бедуинов (уже в начале VII века). Но ислам не остался религией только одних арабов - этническая ограниченность изначально была ему чужда. Именно благодаря этому всего через сто лет после провозглашения Мекки духовным центром мусульман зеленое знамя ислама гордо реяло на огромной территории от Испании до Индонезии. И все народы, на равных входивших в Арабский халифат, создавали высокую культуру этой раннесредневековой империи. И что весьма существенно, ислам не признавал не только этническую, но и расовую дифференциацию своих приверженцев. Именно благодаря этому ислам сегодня исповедуют и «белые» европейцы Боснии, и «черные» африканцы Сенегала, и «желтые» азиаты Индонезии. Таков он - ислам.

Может быть и не в таких масштабах, но тоже несомненной этнической и расовой индифферентностью характеризуется и иудаизм, который из-за этого его свойства также принято относить к числу мировых религий. Действительно, иудаизм хоть и возник как верование древнееврейского народа, он, тем не менее, со временем стал религией представителей и многих других этнических и расовых групп. К примеру, что общего в этом плане между иудеями из среды европейских евреев, эфиопов-фелашей и татов из Азербайджана. Очевидно - в этнорасовом - ничего, а объединяет их только вера в единого Бога - Яхве, в его пророка Моисея, в незыблемость и добродетельность норм и правил Талмуда. Вот почему так много истины в утверждении, что еврей - это не столько этническая, сколько конфессиональная принадлежность, что и отличает это определение иудея от понятия «израильтянин», ибо и среди граждан Израиля есть и атеисты, и приверженцы иных религий.

Таким образом, абстрагирование от расово-этнической принадлежности своих приверженцев - первейший признак всех трех рассмотренных выше мировых религий: буддизма, ислама и иудаизма. Этим и объясняется и такое их важное свойство, как способность расширять круг своих последователей за счет людей любой национальности и гражданства.

Обратимся теперь к христианству - последней из четырех мировых религий, в контексте проблемы «Карабаха» представляющей непосредственный интерес.

Ознаменовав собой начало нового летосчисления, христианство возникло и первоначально распространилось в восточных провинциях Римской империи, и уже поэтому, то есть вследствие этнической многоликости самой империи, не могло не быть безразличным к этнической принадлежности своих приверженцев. Изгоняя языческих богов, секты христиан, благодаря активной миссионерской деятельности проповедников этой веры, создавались повсеместно среди греков, евреев, римлян, египтян, эфиопов и других народов, населявших Римскую империю и соседние с ней земли.

Однако, вобрав в себя ветхозаветные (то есть иудейские) миропредставления, разбавленные элементами религиозной мифологии множества народов, преимущественно малоазийских, и пытаясь максимальным образом приспособиться к реалиям античного Рима, христианство уже сразу же после своего появления разрывалось на части различными толками и направлениями, между которыми имелись существенные разночтения не только по частностям, но и по таким важным элементам любой религии, как догматы и символы веры. Тогда же, то есть на заре хри-

стианства, появились и различные варианты богословских книг, в том числе и евангелий, на собственный лад описывающих и толкующих личность и деяния Христа и апостолов. К примеру, на Русь та же Библия пришла в переводе с греческого в так называемом варианте «септуагинты». И хотя некоторые из этих богословских книг высшими иерархами церкви определялись как еретические, а другие, разрешенные, как богодухновенные и образующие канонизированный список текстов законов Божия, тем не менее подобная содержательная множественность раннехристианских документов не могла не привести к расколу только-только зародившейся веры.

С разделением же в V веке Римского государства на западно-римскую (или собственно Римскую со столицей в том же Риме) и восточно-римскую (или Византию со столицей в Константинополе) империи, произошел и первый крупный, так до сих пор и не преодоленный раскол христианства на Римско-католическую (западную) и Православную (восточную) церкви с созданием в каждой из них собственных патриаршеств. Более того, если на Западе церковь еще целое тысячелетие оставалась основательно монолитной, то на Востоке она тут же подверглась дальнейшему расколу, да притом такому, что некоторые из отпочковавшихся от нее автокефальных (самостоятельных) ветвей по своим догматам уже и православными-то нельзя было назвать. Именно такой явилась и Армянская апостольская церковь, возникшая в пору первого общехристианского раскола.

Что же касается западной церкви, то дальнейший раскол, пусть и через тысячелетие, не миновал и ее.

Этот второй крупный раскол (не считая частных ересей) поразил христианство в XVI веке и известен как движение реформации, приведшее к отпочкованию от Римско-католической церкви ряда так называемых протестантских церквей.

Таким образом, третья по времени возникновения мировая религия - христианство, в результате двух крупных расколов, сегодня представляет собой довольно пеструю картину множества в той или иной мере, а по ряду вопросов - и существенно, разнящихся толков и направлений, разнящихся в том числе и в ранее уже обозначенном и имеющем непосредственное отношение к «Карабаху» вопросе: какова степень индифферентности той или иной автономной церкви к признаку национальной принадлежности ее приверженцев, или, если проще, насколько ей присущ национализм.

К примеру, в католичестве, более всего в этом вопросе сохранившем традиции раннего христианства, какой-либо соотнесенности между национальностью и верой вообще нет, отчего и стало возможным избрание в первосвященники этой церкви нынешнего папы Иоанна-Павла Второго, поляка по национальности.

По сути, не многим в этом аспекте отличается и ситуация в Русской православной церкви, что объясняется ее неизменной приверженностью своим византийским корням. Это и позволило креститься в Русское православие и прадеду Пушкина абиссинцу (эфиопу) Ганнибалу, и татарским князьям Юсуповым, и евреям Пастернакам, предкам автора «Доктора Живаго». Да и сам нынешний Патриарх. Московский и всея Руси Алексий Второй тоже по предкам, так сказать, не русских кровей, а из курляндских (прибалтийских) немцев, чему свидетельство и его фамилия - Ридигер.

Можно назвать и ряд других христианских церквей, столь же индифферентных к этнической принадлежности своих приверженцев (лютеранство, кальвинизм, баптизм и др.). Однако так обстоит дело далеко не во всех самостоятельных христианских церквях, примером чему может служить и Британский протестантизм, так называемая Англиканская церковь, имеющая, между прочим, много схожего с японским синтоизмом. Действительно, хоть в этой церкви, в отличие от синтоизма, монарх и не считается божеством, тем не менее он - официальный ее глава, первоиерарх. Естественно, что соединение в одном лице и светской и духовной власти не могло не привести к такому положению, когда интересы монарха и представляемого им государства становятся и интересами самой церкви. Как сугубо национальная, эта церковь, в унисон со светской властью, стремится консолидировать не просто верующих, а верующих именно англичан, то есть подданных короны. В этом причина и того факта, что Ольстерское противостояние между Англией и Ирландией сразу же приняло форму чисто религиозного кризиса между англичанами и католиками. Но самое худшее состоит в том, что замкнутость Англиканской церкви только на свою нацию создало питательную почву для консервации самых архаичных черт национального менталитета). И все это вполне понятно, ведь даже материальное благополучие этой церкви и ее служителей целиком зависит от того, насколько рьяно население Англии будет привержено чисто национальным институтам. Действительно, откуда же проповедникам англиканизма черпать паству, как не из самих же англичан, ибо люди другого гражданства для этого попросту не подходят. Вот и боится эта церковь, что, случись англичанам отойти от национальных традиций, как бы они не отошли и от нее самой.

Наконец, такая церковь абсолютно чужда и интеграционным устремлениям, в том числе и на межгосударственном уровне. И это тоже понятно: от создания любого содружества стран англиканская церковь новую паству не получит, ведь число англичан не изменится, зато потерять может, поскольку, неровен час, в подобном содружестве иной англичанин может перейти, скажем, в католичество или лютеранство, принимающих в свои ряды всех, не глядя на их национальную или расовую принадлежность. Такая ярко выраженная ориентация Англиканской церкви только на своих сограждан - одна из причин* того, что именно Великобритания так жестко противится перерастанию Европейского экономического сообщества в политический союз, в Соединенные Штаты Европы: нравы церкви, играющей столь большую роль в жизни англичан, индуцировались и на них самих, взрастив в душах людей знаменитый английский консерватизм в нравах и в образе мыслей - церковь им в этом весьма содействует. Зато за интеграцию Европы рьяно ратует Римско-католическая церковь, поскольку в таком многонациональном государстве, как Соединенные Штаты Европы, буде оно создано, универсальный католицизм расширял бы свои ряды в том числе и за счет сугубо национальной Англиканской церкви. И именно в этом, то есть в заикленности только на свою нацию, с ней весьма схожа Армянская апостольская церковь, что и объясняет многое в ее поведении в Карабахе, и прежде всего то, что быть гасителем карабахского пожара она не могла из-за присущих ей свойств. Не дано ей быть и катализатором интеграционных процессов на Кавказе, ибо такому этническому «котлу», как Кавказ, всеобщей духовной пищей может служить только универсальная вера - наподобие Ислама или Русского Православия. Армянская апостольская церковь - именно армянская (как греческая православная - тоже только греческая), и вот почему ни священнослужители этой церкви, а через них - ни простые прихожане не могут себе представить, что можно быть ее приверженцем, не будучи армянином (или греком, в случае Греческого Православия). Вспоминаю в этой связи такой факт. Когда я только приехал в Степанакерт, многие люди мне рассказывали о некоем армянине - жителе Агдама, являвшемся служителем тамошней мечети. Так это или не так - точно не знаю (хотя о факте этом рассказывали и те, кто не любил врать), но когда я отвечал им, что ничего особенного здесь не вижу, и что случай сей из разряда тех же, что и принятие евреем по национальности - Александром Менем сана священника Русской Православной церкви, то на меня смотрели как на марсианина: настолько случай принятия армянином другой, то есть не армянской, веры казался им из ряда невероятных (ну, а о случаях массового принятия армянами, живущими на Западе, католицизма им просто никто не рассказывал).

Что же касается «Карабаха», то активное участие церкви в действиях по отторжению власти в пользу Армении тоже вполне понятно, ибо тем самым расширялась и сфера ее собственного распространения, а новые земли - это и новые прихожане, и, значит, новые поступления в ее кассу.

И опять вспоминается один случай. Как-то еще в Ереване у меня состоялась короткая беседа со случайно встреченным семинаристом, будущим священнослужителем. И когда в процессе беседы я заговорил о Баку, он, небрежно махнув рукой, посетовал на низкий уровень религиозного рвения бакинских армян, которого, оказывается, не хватало даже на содержание тамошней церкви, и Эчмиадзину приходилось поддерживать ее материально. Да, это факт: бакинские армяне по большей части были атеистами и уже поэтому не представляли для Эчмиадзина интерес - так, отрезанный ломоть. А вот упустить Карабах, этот райский уголок Земли, ему не хотелось. Оттого и стала здесь церковь союзницей национал-сепаратистов, активно участвуя в их делах. Вот факты: в области в темпе была новая епархия (епископство, а не какой-то там приход!), начаты крупномасштабные работы по реставрации старых культовых сооружений (многие из которых историки относят к памятникам албанского зодчества), взяты в собственность земли с постройками на них для использования в проповедческой деятельности. И все это в пику бакинским властям, все в противовес принимаемых этими властями решений. Ну, а как назвать поддержку клириками «арцахского» епископата, в том числе и самим епископом, призывов к актам гражданского неповиновения официальным руководящим органам и Азербайджана и тогдашнего СССР, с которыми карабахские сепаратисты неоднократно обращались к населению. Или эти клирики забыли слова апостола Петра из его Первого Соборного послания: «...будьте покорны всяческому начальству». Не должны были забыть, ведь не атеисты же.

Завидную активность в карабахском вопросе проявляет не только епархиальное руководство, но и его непосредственное начальство - Эчмиадзин. Для этого он использует, во-первых, свои епархии и приходы в зарубежных общинах, во-вторых, свое членство во Всемирном Совете

* Две другие причины: тесные связи с США и особые отношения со странами Британского содружества наций - интеграция в Европе лишило бы ее этих преимуществ.

церквей, в-третьих, - свое участие в экуменистическом (объединительном) движении, начатом по инициативе Римской церкви еще в 60-е годы во времена понтификата папы Иоанна XXIII.

К примеру, тема «Карабах» представителями католикосата Армянской церкви была поднята на Мельбурнском (Австралия) конгрессе Совета церквей, на специально созванном для этой цели заседании Совета в Эчмиадзине, на ряде других религиозных форумах. О том, что усилия Эчмиадзина не прошли даром, можно судить уже хотя бы по передачам «Радио Ватикана», этого рупора Святейшего престола в Риме, проявляющего явную тенденциозность в сообщениях на тему о Карабахе.

Или, скажем, чем, как не участием Эчмиадзина и карабахском конфликте, можно назвать подготовленную им передвижную выставку «Мученическая церковь». И таких примеров множество. Впрочем, не достаточно ли и уже сказанного для понимания того, что вера, заикленная на одной нации, не может служить средством снятия возникшей межэтнической напряженности, поскольку сама страдает национализмом, национальной ограниченностью. В любом случае такая вера не может являться фактором единения людей разной этнической и расовой принадлежности. Между прочим, все это весьма красноречиво проявляется и в реалиях США, народ которых как раз и скроен из таких вот различных этнических и расовых групп. Многие из этих групп и по сию пору предпочитают селиться общинами, и хоть степень тесноты связи между их членами может быть и разной, жизнь в них во многом регулируется религией, несмотря на то, что здесь она отделена от государства. Вот почему вера в США является влиятельной силой, с которой приходится считаться и властям.

Далее, поскольку абсолютное большинство населения США исповедует христианство, то естественно, что именно эта конфессия и является в Америке доминирующей. Отсюда понятен и тот факт, что Президентом страны может стать только христианин, ибо ни иудей, ни мусульманин, ни буддист не наберет в США и 15% голосов: такова уж конфессиональная раскладка населения, а ведь Президент по традиции должен быть лицом, выражающим собой духовные ценности абсолютно большей части населения. Но и это еще не все: даже будучи христианином, Президент не может являться представителем той ветви этой веры, которая узконационалистична и догматы которой святы лишь для какой-то одной, притом не самой многочисленной части мирян. Национальную ограниченность, национальную нетерпимость не примут представители других церквей. Вот почему Президентом США может быть и католик, и евангелист, и даже баптист, словом, любого такого вероисповедания, которое индифферентно к признаку этнической и расовой принадлежности своих приверженцев, но никак не представителем Армянской церкви, сколь бы ни были сильны позиции армянской общины в США. Впрочем, не может быть он и последователем Греческой Православной церкви, тоже сильно окрашенной в национальные цвета, - такой человек просто не наберет достаточно голосов, что и проявилось в случае с греком Дукакисом, исповедовавшим догматы Греческого Православия, баллотировавшимся в Президенты США в соперничестве с Бушем на прошлых выборах. Дукакис, как известно, очень скоро сошел с дистанции, и причиной тому было, - подчеркнем еще раз, - не то, что Дукакис по происхождению являлся греком, а то, что он принадлежал к лишенной универсальности вере.

И последнее: любая религия, большая национализмом, хочет она того или нет, будет все более и более вязываться в решение чисто мирских проблем, и тем самым все глубже погружаться в болото политических интриг. А это, как следствие, делает ее уязвимой и с точки зрения богословских позиций. Вот почему так актуально (особенно сегодня, в пору религиозного ренессанса) звучат слова Патриарха Московского и всея Руси, сказанные им в одном из своих интервью: «Вера не может быть каким-то утилитарным средством в руках человека - Господь этого не допускает». Воистину, мудрые слова, ибо каждому, в том числе и таким абсолютным атеистам, как я, понятно, что у любой веры всегда только одна цель: спасение души, и прежде всего - усмирение гордыни и злобы, пробуждение любви и всепрощения.

Вот почему на вопрос, поставленный в самом начале этой статьи, может ли вера служить гарантом межнационального согласия, я отвечаю так: может, но только та вера, которая в своей проповеди божьего слова никогда не делила людей по их этническому и расовому признаку и сама формировалась не как религия одной какой-то нации, а как Слово, обращенное к человеку, ищущему смысл и предназначение своего Бытия. Человеку вообще, созданному Господом по собственному образу и подобию. Аминь!

ТЕХНОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО СОВРАЩЕНИЯ

Среди множества особенностей «Карабаха», разнящих его с прочими межнациональными конфликтами, пожалуй, самой характерной является та, что в своей доминанте, в своей основной идее и формах претворения в жизнь этой идеи, «Карабах» изначально был лишен и малой толики спонтанности и стихийности, обычно свойственных такого рода конфликтам.

Более того, «Карабах», по крайней мере в своей начальной стадии, может считаться таким уникальным образцом этапной актуализации заведомо и в глубокой тайне разработанного плана, разработанного с той степенью вероятности на успех, какая только возможна при планировании подобного рода крупномасштабных акций.

Иными словами, рукотворной была не только самая идея «Карабаха», но еще имелся и его сценарий, кем-то загодя расписанный вплоть до отдельных мизансцен. И если некоторые из них воплотились не по сценарию, то дело тут не в недостатках режиссуры, а в ущербности самой идеи «Карабаха», родившейся скорее большим воображением умов, чем логикой анализа современных реалий.

Конечно, исходный вариант сценария «Карабаха» нынче за семью печатями хранится где-то и в каких-то сейфах, но сокрушаться от этого не стоит, ибо от «Карабаха» так много уже успело воплотиться в жизнь, что при надлежащем тщании сегодня вполне доступно воссоздание такого его портрета, который в достаточной мере был бы схож с оригиналом.

Кстати, воссоздание объективного портрета «Карабаха» - это, на мой взгляд, работа, достойная внимания самых искусных специалистов-системщиков. Что же до меня, то, проведя в бывшей НКАО достаточно времени, тесно общаясь со многими его жителями, прочитывая и изучая всю доступную мне информацию и неплохо зная этот край и до «карабахских событий», я составил некоторым образом свой собственный портрет «Карабаха», включающий основные блоки его реализации, среди коих самым ключевым в моем представлении является тот из блоков, который я условно обозначил словами «сворачивание» и «бунт». Это тот блок, тот раздел «Карабаха», который был привязан сугубо к самой области и определял механику националистического сворачивания ее населения, а также возбуждения и взрыва сепаратистских устремлений у значительной его части.

И чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, скажу, что комплексный план «Карабаха», наряду с названным блоком, включал еще четыре крупных раздела, посвященных соответственно мероприятиям, подлежащим реализации в Армении (а), провоцированию ответных акций со стороны Азербайджана (б), действиям во всесоюзном (в) и международном (г) масштабах. В свою очередь, эти разделы представляли собою развернутую блок-схему, определяющую возможные варианты их реализации и этапность каждого из вариантов. По-видимому, хотя бы грубо были оценены и априорные вероятности того, по какому из вариантов могут пойти события, и перечень возможных мер воздействия на ход этих событий при их выбивании из предусмотренной схемы.

Работа по реконструкции плана «Карабаха» и построения схемы его фактической реализации и впрямь очень интересна и полна интриги, но она требует много времени, и посему я сейчас не о ней. Моя цель куда скромнее, а именно: показать, как методично и целенаправленно осуществлялось националистическое сворачивание карабахского обывателя и его провоцирование к бунту. А это, как я уже отмечал, и являлось сутью первого и самого ключевого блока комплексного плана «Карабаха».

Формально «Карабах», как известно, принято отсчитывать начиная с февраля 1988 года, однако фактически он дал о себе знать задолго до этого срока. Достаточно сказать, что массовое распространение подстрекательских листовок в бывшей области имело место уже в 1987 году, а эпизодическое от случая к случаю и в 1986. Но листовки - суть открытая форма пропаганды, заведомо допускающая возможность быть обнаруженной. Вот почему появление листовок является одновременно свидетельством того, что скрытые формы сворачивания умов уже взрыхлили почву и наступает последний, заключительный этап всей пропагандистской работы. Что же касается более ранних стадий этой работы, то осуществляться они могли, конечно же, только в условиях строгой конспирации и в формах, скрытых от официальных властей. Это хорошо понимали и разработчики комплексного плана «Карабаха», чем и объясняется выбранная ими поэтапность реализации уже обозначенного выше первого раздела этого плана.

Скажу сразу: мое осмысление «Карабаха» и анализ доступной мне информации показали, что таких этапов было не менее восьми:

- создание сети конспиративных явок и штаба по координации и руководству деятельностью этой сети (1);
- выбор лиц, годных для пропагандистской работы, их обучение и формирование из них подготовленного актива (2);
- обеспечение актива необходимой литературой и оснащение явок соответствующими техническими средствами (3);
- выбор конкретных форм и методов работы активистов, с людьми (4);
- распределение актива по группам населения с учетом их территориальной и профессиональной дифференциации, а также специального статуса (5);
- планирование и непосредственная работа с людьми (6);
- обеспечение согласованности внутри актива для совместного проведения крупномасштабных акции гражданского неповиновения (7);
- непрерывная методическая помощь активу со стороны штаба и прибывающих в область извне специалистов, систематическое поощрение и материальное вознаграждение активистов (8).

Законы конспирации не новы, и именно поэтому загодя сочтено было необходимым создать в области сеть тайных явок, то есть по сути квартир или даже собственных домов, хозяевам которых можно было бы абсолютно доверять. Собственно, эти хозяева и составили ядро актива. В этих квартирах и домах хранилась националистического толка литература и устанавливались необходимые технические средства, прежде всего множительная база.

Здесь же останавливались и квартировали наезжавшие в область из Армении и иных краев эмиссары, проводились слеты активистов, их обучение и подготовка.

Интенсивная работа в этом направлении привела к тому, что уже к началу 1988 года в области была создана глубоко эшелонированная и разветвленная сеть явок, причем дело не ограничивалось одним Степанакертом, а включало в себя и опорные базы по всей территории области. Помимо прочего, на таких базах и вдали от областного центра нередко хранилось и оружие, по крайней мере стрелковое. К примеру, войсковыми нарядами уже в 1988 году было обнаружено такое оружие сразу на двух базах в селе Чинар Мардакертского и в селе Галадараси Шушинского районов.

Добавлю, что в дни победной эйфории, когда сепаратистам почудилось, что дело сделано, некоторые явки рассекретились, а хозяева их стали даже бравировать своей принадлежностью к активу. Вот тогда-то люди и узнали, что первые центры подрывной работы были задействованы на квартирах у сестры З. Балаяна, у матери И. Мурадяна, у родственников еще ряда Других активистов карабахского движения.

Хотя расширение сети явок и актива продолжалось и позже, все же к середине 1986 года ее первая дееспособная очередь была уже задействована, что позволило руководству этого движения в те же сроки перейти непосредственно к активной пропагандистской работе среди населения. Остановлюсь хотя бы фрагментарно на том, как проводилась эта работа, имея в виду, что многое здесь уже известно читателю.

Во-первых, повторюсь, что все население области, и Степанакерта в частности, было разбито на группы по территориальному и профессиональному признакам и с учетом социального статуса, а к каждой такой группе прикреплялось несколько человек из актива, при этом принималась во внимание прежде всего подготовленность этих людей, которых правильнее всего было бы назвать кураторами.

Далее, уже в штабе сепаратистов, для каждого из кураторов и совместно с ним же разрабатывался оперативный план мероприятий и он обеспечивался необходимыми для этого материалами.

Поскольку, и об этом тоже было сказано, на первых порах работа проводилась в конспиративных условиях, то дело ограничивалось в основном устными формами пропаганды. Собственно, таких форм было две: коллективная и индивидуальная.

Для проведения коллективной формы пропаганды некоторые из явочных квартир были превращены в своеобразные «избы-читальни», в которые иногда добровольно, иногда в результате откровенного шантажа собирались люди, объединенные по какому-то признаку (главным образом общностью места проживания или места работы).

И вот здесь-то, на этих импровизированных сходках, активисты национал-сепаратизма и проводили свою работу. В частности, организовывались коллективные читки привозных или самиздатовских материалов, прослушивания лекций доморощенных или заезжих спецов по подрывной работе, разучивания националистической направленности песен и гимнов, для чего использовались завезенные из Армении пластинки и магнитофонные записи. Здесь углублялись в историю, превратно и произвольно толкуя события давнего и недавнего прошлого, здесь рассказывались

легенды и мифы о занесенных в националистические «святцы» участниках былых сражений и войн, здесь людям травили душу плачем о жертвах былых трагедий, приближая, тем самым, час новых несчастий.

Здесь же, наконец, перед тем, как разойтись, участникам сходов раздавались книжечки, листовки, пластинки, тексты песен, фотографии. Среди этих последних преобладали изображения генерала Андраника и католика Вазгена I - их можно было увидеть едва ли не в каждом доме.

Надо сказать, что таким коллективным формам пропаганды, насколько я смог выяснить, уделялось огромное внимание. И не только потому, что активистам сепаратизма удавалось, тем самым, за короткое время охватить значительное число людей. Тут важно было и то, что уже через несколько коллективных сходов каждая такая группа во всем, что касается образа мыслей, ведет себя уже как единое целое. Индивидуальные различия в умонастроениях нивелируются, а возможные сомнения в общих установках у отдельных членов группы глушатся как случайные шумы, как те самые сторонние радиосигналы, что подавляются сигналами одной, но зато резонирующей частоты.

Вообще замечу, что коллективные пропагандистские мероприятия всегда были и находятся в большой чести у вожаков всяческого национализма, и армянского в том числе. Вспоминаю в этой связи виденную мной в Степанакерте телепередачу о действиях, поставленных в Ереване по случаю объявления Арменией своей независимости.

...Ночные бдения, факельные шествия, слезы умиления, истошные крики толпы... боже, и все это на фоне развалин страшного землетрясения, тысяч гробов, сотен тысяч покалеченных и беженцев. Средневековые мистерии выглядели, наверно, менее зловеще...

Но помимо коллективных форм пропаганды использовалась и индивидуальная, а точнее семейная форма обработки сознания людей. По домам жителей, как правило в вечерние часы, ходили группы в два-три человека, которые в процессе доверительных бесед объясняли, естественно в нужном им направлении, цели движения и те радужные перспективы, что могут открыться, причем не только для области в целом, но и для этой конкретной семьи, в случае успеха дела. За чашкой чая, за рюмкой водки шло самое настоящее совращение людских душ. И опять же, уходя, гости оставляли листовки, книжечки, портреты деятелей прошлого, ставших символами армянского национализма.

И конечно же, особое внимание обращалось содержательной стороне пропагандистской информации. Факты подбирались таким образом, чтобы возвращать в умах обывателя антиазербайджанские настроения и, наоборот, умиление всем армянским.

Многое мне здесь довелось услышать от рядовых людей, приводивших эти факты как бы в объяснение и оправдание своего участия в различного рода акциях гражданского неповиновения, и я поражаюсь коварству, злему умению активистов сепаратизма подбирать и трактовать факты.

К примеру, от многих шоферов такси я слышал такое: почему план выручки у них больше, чем у их коллег из Шуши. Оказывается, кто-то из подручных Балаяна, посетив городской таксопарк и упомянув этот факт, объяснил его тем, что, мол, министерство автомобильного транспорта находится в Баку, а там у руководства одни азербайджанцы. Вот если бы ими руководили из Еревана, то этого, конечно, не было, многозначительно добавлял он. И когда у одного такого таксиста я спросил, а что, у таксиста-азербайджанца, работавшего в Степанакерте, план был меньше, чем у него, и разве он не понимает, что возможности водителя такси из областного центра куда больше возможностей его коллеги из центра районного, то, помнится, он настолько удивился подобным, впервые им слышанным объяснениям этого факта, что чуть было не поехал на «красный свет».

Еще пример: рабочим предприятия «Каршелкокомбинат» какая-то сволочь внушила мысль, что производимый у них шелк вывозится для окраски в другие города Азербайджана, поскольку какое-то руководство в Баку не хочет развития промышленности в тогдашней НКАО. И опять: вот если бы мы подчинялись Еревану...

И никто им не сказал, что за период с 1971 по 1986 год ежегодный ввод в действие основных фондов (оборудования, машин, механизмов) рос здесь на 25 процентов быстрее, чем в целом по Республике, а цех окраски шелка не создают только потому, чтобы не отравлять этот благодатный край Азербайджана и его жителей (а значит, и работников самого комбината) «дарами» химии.

Авторам статей, не принятых к публикации в журналах Баку из-за их кричащей бездарности, нашептывали, что статьи очень даже хороши, а это просто азербайджанцы не дают им хода, хотя, казалось бы, что мешало этим авторам послать свои писания в Ереван или напрямую в Москву, коли они так талантливы.

Этой же причиной объясняли и все социальные проблемы, а между тем если и надо было говорить о них, то преимущественно в приложении к поселениям азербайджанцев, ибо уровень

жизни здешних армян был намного выше, чем у жителей целого ряда других районов Азербайджана и той же Армении.

Словом, душу карабахского обывателя травили умеючи, изоощренно, и интенсивно. И надо сказать, что пропагандисты сепаратизма старались не за зря, не одной идеи ради. Иные на этом делали карьеру, другие, менее удачливые, устаивались различных подачек, третьи на оболванивании людей строили свой гешефт. Цинизм был таких масштабов, что доходил и до подпольной торговли товарами, посылаемыми со всего мира в помощь пострадавшим от спитакского землетрясения и направленными затем из Еревана в область для поощрения активистов сепаратистского движения.

Словом, одни старались, поскольку у них был резон, другие глупели и дичали, поскольку оказывались затянутыми в хитроумно и искусно сплетенные сети национализма, а в результате «Карабах» набирал обороты, и область все более верно погружалась во тьму, в кровь и грязь межнациональной вражды. И пребывает в этой тьме какой уже срок. Ибо сказано ведь: что посеешь, то и пожнешь!

БОЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ, ИЛИ КАСТОВЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

Как-то в Степанакерте попала мне в руки листовка. Листовка как листовка - их здесь в ту пору распространялось множество. Вдобавок, однозначно прочитывался и ее автор: дашнаки. Словом, все как обычно, и о факте этом не стоило бы и вспоминать, если бы не одна фраза, так меня поразившая в ней. Вот эта фраза: «Поднимем Карабахскую проблему на уровень Польского вопроса».

Помнится, только я ее прочел, так сразу же воскликнул: боже, какая архаика! А ведь и впрямь архаика, ибо, скажите, пожалуйста, кто сейчас, на излете XX века, вспоминает о «польском вопросе», закрытом аж в 1917 году. Кстати, в самом же Степанакерте, у кого бы я потом ни спрашивал, а не поднять ли карабахскую проблему до уровня «польского вопроса», никто так и не мог понять, чего это мне от них надо. И все было правильно. А вот дашнаки почему-то вспомнили именно его, этот давно забытый миром вопрос. А потому и вспомнили, что ровно сто лет назад, то есть в те дни, когда партия «Дашнакцутюн» еще только создавалась, как раз «польский вопрос» и считался наиболее животрепещущей проблемой европейской большой политики. Но поскольку отличительной чертой образа мыслей адептов дашнакской идеологии является жесткая кастовость, то и не удивительно, что на мир сегодняшний они смотрят сквозь шторы, надетые на глаза в очень давние времена. Более того, если эта партия просуществует еще сто лет (избави бог), то и тогда, в XXII веке, «польский вопрос» опять-таки останется для них самым актуальным. Такова уж особенность кастового мышления, или, точнее, кастового менталитета.

Так что же это такое, кастовый менталитет? Ничего сверхъестественного, никакой мистики в нем нет, ибо это, по существу, всего лишь образ мыслей в действии всякого сообщества людей, связанных, во-первых, единством происхождения (на национальном или родоплеменном уровнях), и, во-вторых, схожестью, идентичностью догматически окостенелого взгляда на окружающий мир и свое место в нем.

Наличие этих двух признаков - единство происхождения и догматизм только и позволяет идентифицировать кастовый менталитет от других его форм и одновременно подчеркивать его ущербность и несостоятельность.

Действительно, в конце концов на определенных исторических этапах, например в пору антиколониальной борьбы, и сугубо национальная идея может оказаться прогрессивной, тем более если она не противоречит общегуманистическим идеалам.

С другой стороны, и догматизм не всегда бывает окрашен в национальные тона, чему, в частности, свидетельство - догматизм религиозный. И только сочетание этнически-эгоистического с догматически-некритическим образует в их единстве кастовый менталитет. Существенно отметить, что носителям подобного менталитета обычно свойственны искаженные и весьма примитивные представления об окружающем их мире людей, состоящем, как они полагают, только из двух частей: членов собственного сообщества и всего остального человечества, безгранично им обязанного и многократно им уступающего интеллектом!

В том случае, когда единство происхождения доведено до уровня национального, как это имеет место у дашнаков, подобные представления о мире уже как бы заранее оправдывают всяческое небрежение к другим народам и даже придают этому небрежению некий ореол святости.

Кастовое мышление на национальном уровне опасно еще и своей тоталитарностью, в данном контексте означающей жесткое единообразие мировосприятия, в основе которого самооболь-

шение изысканной уникальностью национального духа, уникальностью, не понятой и не оцененной миром. Вот так и происходит страшное совращение причем ума вовсе не люмпена и не бандита с большой дороги, а обыкновенного обывателя, вконец освоившего полный катехизис догматов касты, в сетях которой он уже безвылазно оказался. И тут уж не важно, носит он европейский фрак или старинный армяк, сажает или пишет картины, планирует ли по парижскому авеню или карабаются по горным склонам Карабаха, - все одно, ибо он из тех самых, из совращенных кастовым мышлением. И как стая китов, что бросается на берег вослед растерявшему ориентиры вожаку, не смея и не умея сменить курс, так и охваченные кастовыми сетями эти своеобразные «общинники» бросаются в бездну любой авантюры, в том числе и такой, как «Карабах», ибо мыслят категориями «польского вопроса», категориями, давно уже не адекватными реалиям сегодняшнего мира.

Именно потому, что кастовое мышление - догматическое, у его носителей нет достаточно-го душевного, психического пространства для полета фантазии, для воображения. Это, по сути, и не пространство даже, а узкая щель, и если какая-то мысль вдруг заполнит ее, то иной догадку иному прозрению уже нет в ней места. В итоге человек как бы заикливается и заклинивается на этой одной мысли, на одной всепоглощающей его душу идее. Навязчивой идее фикс! О таком человеке и говорят, что у него большое воображение. Оно больно именно этой навязчивой идеей фикс - страшным чудищем, пожирающим душу и ум человека.

А опасность здесь в том, что отныне все, что бы ни совершал такой человек, он делает это во имя претворения в жизнь той самой идеи фикс.

Конечно, если человек заиклен на идеях построения вечного двигателя или изобретения эликсира вечной молодости - идеях тоже химерических, нереальных, то большой беды тут, может, и нет. Более того, в своих фантастических устремлениях такой человек может попутно получить даже и что-то полезное. К примеру, не алхимикам ли обязано человечество многими полезными препаратами и соединениями.

Это так, но есть и другие примеры навязчивых идей, когда стремление к их воплощению приводило к трагедии многих, иногда тысяч и тысяч безвинных людей. Нужны примеры? Приведу только два, зато всем хорошо известных.

Девять веков назад усилиями католических проповедников умами значительной части населения западно-европейских стран овладела идея очищения «Святой Христовой земли» от сарацинов (мусульман) и освобождения от них «Гроба Господня». Это была чистейшей воды идея фикс, но именно для ее претворения кровь на земле древней Палестины лилась непрерывно в течение двухсот лет. Лилась безрезультатно, ибо никакого «Христового господства» на той земле не было и не могло быть создано.

А вот совсем уж свежий пример: чуть более полувека назад умами миллионов бюргеров овладела маниакальная идея создания «тысячелетнего рейха» - новой империи германской нации, простирающейся от Ламанша до Урала. В пятьдесят миллионов жизней обошлась человечеству идея бесноватого фюрера.

Но идеи фикс, к сожалению, прерогатива не только истории, ибо, чем еще, как не химерой следует назвать идею создания «Великой Армении», с которой вот уже столетие носятся дашнаки, сумевшие отравить ею и сознание определенной части армянского народа, чему свидетельство и «Карабах».

Давно известно: когда идеи овладевают умами людей, они становятся силой, порой силой немалой. Иногда такое случается и с идеей фикс, и чем больше в ней нереального, тем на все большие ухищрения для ее воплощения идет человек, воображение которого уже окончательно больно этой идеей.

Идея «Карабаха», а в более широком плане - идея «Великой Армении», уже изначально была нереальной, недостижимой, но ее холение, ее возвращение в собственных умах и душах сделало последователей этой идеи ее рабами и заложниками. Это - с одной стороны, а с другой, - шло время, мир все больше удалялся от их представлений и взглядов, «польский вопрос» переходил в разряд архаичных и о нем уже никто и не вспоминал. Вот тогда-то и лопнуло терпение носителей идеи «Великой Армении», и они выдали миру «Карабах». С кровью и грязью.

Не будем останавливаться на «Карабахе» - его перипетии известны всему человечеству, а скажем только одно: теперь рушится уже и идея «Карабаха», эта дочерняя идея «Великой Армении». И, казалось бы, ну теперь-то хоть должно прийти прозрение, протрезвление, понимание того, что мир не приемлет установок ревнителю новых переделов мира, что дальнейшее упорствование их в своих устремлениях, будучи безрезультатным, может привести только к новым несчастьям и бедам и собственному народу и соседям.

Но не тут-то было, ибо от идеи фикс так легко не освобождаются, а больное воображение излечивается очень трудно, а иногда не излечивается и вовсе. Ум, погрязший в идее фикс, в минуты кризиса еще более изощряется, пытаясь изыскать путь спасения этой идеи. И тогда больное воображение выдает химеры, этакие мысли-монстры, поражающие своей нелепостью и дикостью любого, кто свободен от этой маниакальной идеи.

Вот послушайте, к примеру, о чем недавно толковал русскоязычным слушателям ереванского радио некий Петросян, возглавляющий инициативную группу по созданию Центра стратегических исследований Армении.

Оказывается, этот Петросян и его коллеги по группе нынче заняты всесторонней проработкой теории «планетарной нации», и в частности такими вопросами, как правомочность существования подобной нации, структура и механизмы функционирования ее институтов власти, характер взаимодействия и системные связи между ними и прочее.

Эту передачу слушал и я, и поначалу, едва уразумев, что речь идет о некоей планетарной нации, решил было, что передача посвящена китайцам. Ведь как-никак, а сегодня каждый четвертый житель Земли - китаец. Да и «чайнатауны» (то есть «Китай-город») нынче разбросаны по столицам, почитан, всех стран мира. Но, оказывается, я ошибся, и речь не о китайцах, а об армянах. И не важно, что не вышли числом, ибо, как намекал господин Петросян, дело не в числе, а в умении. Но суть даже и не в этом, а в том, что я все никак не мог уразуметь логики этой фантазмагии. Действительно, если нация планетарная, то не следует ли отсюда, что, скажем, армяне США уже не являются частью американского народа. Далее, все тот же Петросян утверждает, что планетарная нация должна иметь и свою армию, но, спрашивается, какому государству она может принадлежать, если здесь имеется в виду именно армия, а не некая террористическая организация. Ведь даже Иностранная легион, ветераны которого, по слухам, мелькают тенями вдали от привычной им Африки, и то прописан по ведомству Франции.

И таких вопросов уйма. Да и вообще, скажите, не есть ли мысль о планетарной нации плод больного воображения. Безусловно! Поразительны эти плоды, право же. К примеру, лидер партии «Союз национального самоопределения» Паруйр Айриkyан, неоднократно и в открытую призывавший парламент Армении объявить войну Азербайджану, на националистической почве заболел танкофилией, т. е. любовью к танкам. Судите сами. На вопрос корреспондента все того же ереванского радио, о чем он грезил в юности, Айриkyан ответил, что страстно мечтал стать комбатом. Да-да, командиром батальона, и не какого-то там пехотного или саперного, а именно танкового. Куда и зачем он направил бы свои танки, гадать не будем: «Карабах» уже подсказал. Да и не стоит гадать, ибо, как чистосердечно признался корреспонденту сам господин Айриkyан, мечта его так и не сбылась. Но ведь и то сказать, у кого из нас мечта юности проходит бесследно. Нет, она возвращается, первая любовь, в минуты воспоминаний, в часы одиночества. Но возвращается именно как воспоминание, ибо первую любовь не воскресить, даже если это и танки.

А вот Паруйр Айриkyан не согласен с этим, и в своем радиоинтервью опять ратует за танки, пусть и самому ему уже не сидеть за их рычагами.

Слушал я этого господина, слушал, и, подумывая о как бы подступней объяснить ему, что тени прошлого негоже тревожить, не нашел ничего лучшего, как посоветовать ему прочесть книгу воспоминаний другого, не в пример Айриkyану куда более знаменитого танкиста и гитлеровского любимца фельдмаршала Гудериана, командовавшего кстати, не батальоном, а целой танковой армией. И хоть книга эта называется «Танки - вперед», вся она о том, сколь печален бывает финал человека, восплававшего неумной страстью к танкам. Учесть бы это и господину Айриkyану. Или больное воображение и впрямь уже не вытравить ничем. Может, это и так, а мне вот все же хочется верить, что и крупный армянский капитал и лидеры находящихся у него на содержании партий однажды все-таки излечатся от всякого рода идей фикс, идей по перекройке границ, по реставрации давно канувших в Лету царств, и тем, наконец-то, избавят и свой собственный народ и их соотечественников от новых «карабахов». Скорей бы уж излечились, ибо время не ждет.

СЛУХИ КАК ФЕНОМЕН «КАРАБАХА»

Это факт, что национал-сепаратизм словно зараза распространяется нынче по многим регионам бывшего Союза. Но все же и по масштабности, и по трагичности «Карабах» далеко превосходит все прочие его аналоги. Наконец, уникален он еще и разнообразием, а также изощренностью тех методов и средств, что были задействованы для совращения умов и душ карабахского обывателя. В этом плане – «Карабах» вполне может послужить этаким злобещей лабораторией национал-сепаратизма, недаром ведь само слово «Карабах» успело стать нарицательным для обозначения кровавых межнациональных конфликтов вообще.

Впрочем, уроков «Карабаха» - целое множество, и о них всех не скажешь в одном сообщении - тут нужны тома исследований. Что же до данной статьи, то цель ее одна: показать, как мастерски владеют активисты карабахского национал-сепаратизма искусством фабрикации на потребу дня разного рода слухов и легенд, как действительно могут их использовать для формирования умонастроений людей в нужном им направлении.

Более того, смею утверждать, что по той роли, какую играли там слухи, вымыслы и легенды, их вполне можно считать одним из феноменов «Карабаха». Это настолько бросалось в глаза, что я (не совсем чуждый социологии) не мог устоять перед соблазном изучения того феномена, изучения того, как фабриковались и распространялись слухи, какую социальную нагрузку они несли, как конкретно-тематически и эмоционально выглядели.

Естественно, о каком-либо анкетном опросе или о специальных интервью не могло быть и речи - не те были условия, и мне приходилось ограничиваться собственными наблюдениями, но и они дали немало. Кроме того, кое-какие полезные сведения я почерпнул от общения со множеством людей различного социального статуса.

Ну, сразу же скажу, что такое возвышение роли слухов было вовсе не случайным и объясняется рядом специфических факторов, среди которых особо следует упомянуть информационное самоблокирование бывшей области. Организовано оно было с максимально возможным тщанием: все газеты и журналы, откуда бы они ни поступали, внимательнейшим образом просматривались, и если в них относительно карабахских событий проскальзывала хотя бы одна мысль, которая по мнению вожakov сепаратизма являлась криминальной, то ни подписчикам, ни в киоски «Союзпечати» они уже не попадали.

Далее, был организован тотальный бойкот средств массовой информации Азербайджана. Особую прыть в этом деле проявляла газета «Советский Карабах», систематически публиковавшая на своих страницах откровения каких-то местных национал-мракобесов, в которых назойливым рефреном звучал призыв: азербайджанское радио - не слушаю, телевидение - не смотрю. О том, насколько все это было серьезно, свидетельствует такой факт. Однажды, находясь в гостях, я взял в руки имевшуюся у хозяев «Спидолу» и настроил ее на знакомую мне частоту радиостанции «Свобода», вещавшую в ту минуту (дело было вечером) на азербайджанском языке. Так вот, едва услышав памятную им азербайджанскую речь, хозяйка бросилась закрывать окна, а хозяин попросил максимально приглушить звук, а не то, неровен час, услышит недобрый прохожий, и тогда не оберешься неприятностей. Словом, во всем том, что касается карабахских событий, в области ощущался явный информационный голод. И надо сказать, что лидеры местного сепаратизма и сами это понимали, и, желая заполнить образовавшийся вакуум, прибегли к слухам. Но не только информационный голод надоумил этих лидеров обратиться к слухам. Пожалуй, гораздо большее значение имел фактор своеобразной психической усталости и истощенности населения. Люди здесь были уже изрядно издерганы и измотаны, находились в состоянии постоянного и все углубляющегося стресса. Моральный и физический прессинг иссушил их ум, надломил их волю, сделал неспособными сколько-нибудь разумно оценивать ни свои собственные деяния, ни деяния тех, кто взялся вершить их судьбами. Здешний обыватель в массе своей если и мог реагировать на информацию, то разве что на самую упрощенную, не требующую для своего восприятия хоть какой-то работы ума и сердца. Но именно таковыми и являются слухи, и это тоже учли пропагандисты «Карабаха».

Наконец, этими господами был принят во внимание тот факт, что слухи - это наиболее, так сказать, демократический, наиболее доступный массам канал передачи информации, поскольку здесь не требуется ни специальных технических средств, ни особой подготовленности аудитории. И еще: определенное значение имеет и кажущаяся анонимность авторства слухов, что открывает широкое поле для спекуляций относительно источников их зарождения.

Словом, и сама обстановка в области, и психический настрой людей, и специфические особенности слухов, - все это и надоумило спецов из штаба оперативного управления национал-сепаратистским движением обратиться к слухам как к средству манипулирования общественным сознанием в тогдашней области. Что же касается собственно механизма фабрикации слухов, то тут следует отметить следующее. Как известно, для координации подрывной деятельности сепаратистов уже в марте 1983 года в было создано Общество «Крунк» («Журавль»), структурно состоящее из шести подразделений, в том числе идеологического и информационного обеспечения. Вот на эти две службы и возлагалась вся работа по фабрикации и распространению слухов. (К слову замечу, что хоть в последующем это общество и изменило свое название структура и функции его оставались неизменными). Так вот, будучи сфабрикованной, любая легенда обкатывалась, отшлифовывалась и утверждалась на самом «высоком», на балаяновском уровне. Кстати, именно сам Балаян и являлся автором наиболее зловредных вымыслов и легенд.

После всего этого уже необходимо было одобренную легенду оперативно распространить среди населения. Для этого привлекались наиболее доверенные лица из числа активистов сепаратизма. Пообтесавшись в очередях у магазинов, в значных местах, в парках и садах среди пенсионеров, на автовокзале, - словом, в местах скопления людей, эти распространители слухов и довершали дело. В этой связи нельзя не сказать и о том, сколь велика была скорость этого распространения. К примеру, легенду, услышанную утром в автобусе, уже вечером того же дня тебе еще раз мог рассказать какой-нибудь крестьянин, только что приехавший из дальнего селения.

Вообще, уж коль пришлось к слову, замечу, что социологам давно бы следовало приступить к тщательному и систематическому изучению всего комплекса вопросов, связанных с фабрикой и распространением слухов, а самое главное - их влиянием на умонастроения и поведение толпы.

Конечно, наиболее существенным элементом, более всего определяющим степень производимого слухами эффекта, является их содержательная сторона, в свою очередь зависящая от двух составляющих: тематической направленности и занимательности (интриги) вымыслов.

Что касается циркулирующих в ту пору в тогдашней НКАО слухов, то расшифровать их тематическую направленность оказалось несложно, поскольку легко просматривались те цели, ради достижения которых они и фабриковались.

Перечислю основные тематические блоки этих слухов, тем более что их не так уж и много:

а) укрепление веры в возможность реализации сепаратистских устремлений;

б) внушение иллюзорных надежд, что если и не его, то уж детей его точно - впереди ждет райская жизнь;

в) облагораживание соплеменников и очернение азербайджанцев;

г) нагнетание психоза и обещание страшных кар в случае поражения.

Вот, собственно, и все, но и этого было достаточно, ибо не в оригинальности вымыслов состоял их эффект, а в том, насколько они соответствовали настроениям толпы издерганных и психически измотанных людей.

Поведение такой толпы вообще преимущественно рефлексивно и иррационально, а опытные пропагандисты из комитета «Карабах», общества «Крунк» и им подобных организаций прекрасно это знали. Вот они-то, дозируя соотношение черной и белой красок, умело и манипулировали настроением толпы. В том числе и с помощью специально распространяемых слухов - этих неформальных каналов информации.

Конечно, с учетом складывающейся обстановки, положения дел в самой области и вокруг карабахских событий, корректировалась и тематика слухов, но суть их оставалась неизменной: ужесточение противостояния, исключаящее всякую возможность сближения армянской и азербайджанской общин области.

Наряду с тематической направленностью, авторы легенд не забывали и о занимательной стороне, о роли их эмоционального воздействия на людей. Это достигалось наличием в фабрикуемых вымыслах интригующего начала, парадоксального оборота мыслей, неожиданного ракурса, такой изюминки, сразу же приковывающей внимание толпы.

Словом, можно однозначно утверждать, что вопросам изобретения различного рода слухов, вымыслов и легенд, их оперативного распространения, повышения их роли в формировании умонастроений людей, всему этому идеологи карабахского национал-сепаратизма уделяли самое пристальное внимание.

Приведу теперь несколько легенд, слышанных непосредственно мною самим в пору моего пребывания в Степанакерте.

1. Как-то в коридорах горисполкома я наблюдал, как один господин рассказывал группе собравшихся вокруг него работников этой организации такую вот байку:

- Английский ученый, крупный специалист в области геологии органического сырья, после месяца изыскательских работ доказал, что вся Армения покоится на море нефти.

- Неужели вся? - спрашивает один из внимающих ему.

- Да, вся! - без тени смущения отвечает этот господин, и толпа от удовольствия млеет.

Естественно, труднопроизносимая фамилия английского ученого тут же забывается, неизвестным остается и источник информации, зато по всему НКАО идет гулять слух о неисчислимых запасах армянской нефти. И, значит, крепись, обыватель, ибо «все хорошо, прекрасная маркиза».

2. В городском парке один пенсионер рассказывает другим его же возраста людям:

- Слышали, в Баку закрывается Володарская фабрика, - Это почему же? - любопытствует кто-то.

- Да вот, уехали армяне, и некому стало работать.

- Да ну? - удивляются слушатели.

-А ты что думал, - гнет свое распространитель слуха, - не то еще будет. Скоро в Баку будут ходить нестриженными и разутыми, поскольку не осталось в городе ни парикмахеров, ни сапожников.

Вот такая, чисто балаяновская легенда. Балаяновская по иезуитству, ибо в основе-то его - трагедия беженцев, с одной стороны - армян, в массе своей горожан, с другой - азербайджанцев, по большей части сельчан. Но что для Балаяна трагедия людей.

3. Пожалуй, более всего меня поразила такая вот легенда, тоже слышанная в парке у игротки. Некий пожилой национал-интеллигент рассказывал толпе о том, что на Апшероне, у самого берега Каспия, азербайджанцами обнаружены развалины армянского храма, построенного в раннем Средневековье. Храм этот якобы разобран ими по камням, а камни утоплены в море.

В подтверждение легенды этот тип показывал всем любопытствующим снимок, на котором изображены были море, баржа и нечто сбрасываемое в море.

И хоть море вполне могло быть Карибским, баржа - кубинской, а нечто сбрасываемое в море - бочонками с прокисшим вином, - дело было сделано, и очередная порция яда вошла в души этих и без того уже озлобленных людей.

4. Вспоминается еще один случай, связанный с фотоснимком. А дело было так. Сижу вечером в баре, а рядом, за соседним столом, некий хлыщ демонстрирует сотрапезникам и всем, кто пожелает, снимок с изображением надгробного памятника с какой-то абсолютно непрочитаемой надписью на камне. И во всю треплет языком: этот снимок сделан на стамбульском кладбище в Турции, а изображает он могилу дяди Горбачева; турок он, оттого и помогает азерам...

Вспоминаю теперь тот случай и горько усмехаюсь. Ведь кто, как не азербайджанцы более всего пострадали от горбачевских «художеств». А впрочем, кому они пошли впрок.

Конечно, подобных примеров можно было бы привести еще множество, но, полагаю, и уже рассказанных достаточно для понимания того, какую зловредную роль играли фабрикуемые и распространяемые здесь слухи, легенды и вымыслы. Надо сказать, что и сами режиссеры карабахской авантюры хорошо разбирались в возможностях подобного средства оболванивания людей, и до конца использовали эти возможности. И хоть для разоблачения всей этих слухов не требовалось особого ума, сделать это зачастую было весьма затруднительно, поскольку лидеры сепаратизма, лицемерно вещавшие о гласности и демократии установили здесь такие порядки, какие не снились и самым тоталитарным режимам.

Оттого-то еще и сейчас гуляют на этой земле разного рода слухи, содействующие все большему погружению ее обитателей в топь и грязь пещерного национализма и национальной нетерпимости.

МАНИЯ ГРАНДИОЗА

Взгляд на «Карабах» изнутри, взгляд почти годичной длительности, дополненный к тому же впечатлениями от событий, аналогичных «Карабаху», дает мне основание утверждать, что реальный национализм, то есть не конъюнктурно-притворный, а искренний, - это всегда болезнь, по множеству признаков схожая с наркоманией.

Как и любой болезни, национализму свойственны свои симптомы, свои проявления, способы передачи и методы лечения. Между прочим, с точки зрения болезнетворного влияния на организм, он обладает определенным дуализмом, этаким двойственностью, ибо поражает и ум человека и его душу.

Кроме того, совершенно определенно можно утверждать, что болезнь эта - не наследственная, а инфекционная, и что возникает она не спонтанно, а возвращается. Правда, длительность периода насаждения болезни, по истечении которой она приобретает черты мотивационного фактора, то есть может служить побудительной причиной для аномального поведения человека и ненормального, неадекватного реагирования к реалиям жизни восприятия действительности и реагирования на нее, сугубо индивидуальна и определяется, с одной стороны, психическими особенностями человека, его темпераментом, а с другой, - условиями бытия, окружающей средой, его воспитанием и уровнем интеллектуального развития.

Если период насаждения, возвращения болезни еще не завершен, национализм вообще-то излечим, однако по происшествии этого периода, далеко за его сроками, болезнь, как правило, приобретает характер необратимого и неизлечимого психоза, а его носитель становится уже опасен для окружающих. И тогда единственным средством спасения от непредсказуемых и крайне разрушительных для гражданского мира действий такого лица является его изоляция от общества, или, по крайней мере, поселение в абсолютно непривычной и незнакомой для него среде инопланетников.

(Замечу в скобках, что такой критический рубеж болезнь перешагнула, например, у Игоря Мурадяна и Зория Балаяна - двух активистов карабахского сепаратизма, с выступлениями и публикациями коих я имел возможность ознакомиться, а значит и судить о степени и уровне пораженности их психики.)

Далее, поскольку национализм не передается по наследству, а именно насаждается, процесс наведения этой болезни на здорового человека происходит не путем его непосредственного, физического контакта с его носителями, а индукционно, вследствие воздействия соответствующим образом подобранной информации на вторую сигнальную систему человека, еще не заразившегося этой болезнью.

Таким образом, по характеру наведения болезни национализм может быть назван растянутым во времени гипнозом, а по симптомам - формой психоза, как правило, коллективного, поскольку каждый сеанс гипнотического воздействия, благодаря использованию современных средств коммуникации, охватывает обычно целое множество субъектов.

Что же касается собственно симптомов психического расстройства лиц, больных национализмом, то наиболее устойчивым среди них является мания национального величия, сводящаяся к приданию собственной нации неких свойств, благоприятно выделяющих ее от всех других, или более того, возвышающих над этими другими. При этом подразумевается, что уникальные свойства нации даже не благоприобретены ею, а чудесным образом дарованы ей свыше, генетически заложены и переданы по наследству от далеких прапредков.

Мания величия, или, как говаривали древние римляне, мания грандиоза, содержательно апеллирует, как правило, к небольшому числу стандартных вариантов уникальности нации, национального изыска.

Один из таких вариантов, пожалуй, чаще других применяемых в целях ублажения национального честолюбия, - это мифологизация исторических корней нации, самого акрта ее появления на Земле. Надо сказать, что этот вариант мания грандиоза имеет довольно длительную историю, и, к примеру, ею грешили уже сами древние римляне, активно эксплуатировавшие миф, согласно которому их праотцем является легендарный троянец Эней, бежавший на берега Тибра после взятия Трои греками. Близкими потомками Энея - братьями Рэмом и Ромулом, вскормленными волчицею, и был создан, если верить легенде, город Рим. Тем самым, изобретя этот миф, римляне в какой-то мере «облагородили» свою генеалогию, и одновременно продлили свою историю в глубь веков еще почти на полтысячелетия.

Кстати, миф этот оказался весьма заманчивым и жизнестойким, эксплуатируясь кое-где и сейчас. (Вот и англичане тоже считают, что первым на Альбионе высадился грек - пифагоровы «штаны», видать, для многих соблазнительны.) Однако нельзя не сказать и того, что по своей архаичности он не самый уникальный и, к примеру, в этом качестве он существенно уступает сказанию о библейском Ное, божественным образом спасшемся во время всемирного потопа и высадившемся на горе Арарат. Спустившись затем с этой горы в долину, Ной, но версии, с полным серьезом обсуждаемой ныне историками Армении, и дал начало армянскому народу. Между прочим, настолько серьезно, по инициативе этих историков недавно, в 1991 году, инкогнито была организована довольно рискованная вылазка альпинистов Армении на эту самую гору Арарат. И хотя следов праведного Ноя альпинисты так и не обнаружили, зато следы своего собственного пребывания на горе они соответствующим образом увековечили. И тем самым создали предпосылки для доказательства ветхозаветной легенды о Ное в будущем, через несколько десятилетий или веков, ибо, кто знает, не воспримут ли их следы (которые, надо полагать, навечно сохранятся в условиях вечной мерзлоты) грядущие поколения альпинистов за Ноевы деяния. Резонно задаться вопросом: чего же добиваются историки Армении путем зачисления Ноя в праотцы собственного народа? А того же, что и римляне - мании грандиозы, но только куда с большим размахом. Во-первых, здесь присутствует само божье провидение, ведь Ной, как-никак, персонаж из Библии, из Ветхого Завета (до чего римляне, будучи язычниками, додуматься, естественно, не могли). Во-вторых, по современным воззрениям легенде о всемирном потопе почти семь тысячелетий, а от такой старины и впрямь умолкнешь в почтении. Такая вот легенда. Но мифологизация и обожествление исторических корней нации - это только один симптом того, что национализм уже действительно принял болезненные формы, формы коллективного психоза, ведущего нацию к сползанию ее в этукую касту людей с преобладанием кастового же образа мыслей и действий.

Другим распространенным симптомом является придание нации особых, необыкновенных, и не просто положительных, но и возвеличивающих их носителей уникальных черт, ставящих представителей этой нации на недостижимую для инородцев высоту. Здесь уже имеется в виду не история, а настоящее, хотя истоки этого настоящего и уводятся, как правило, в далекое прошлое.

Как бы конкретно ни выглядели эти черты, такой симптом националистического психоза целесообразно именовать национальным нарциссизмом.

Что же касается самой конкретики, то есть сути тех черт, которые якобы необыкновенным образом выделяют данную нацию от всех других, то здесь возможны самые различные варианты. К примеру, меня лично один уже безнадежно больной национализмом человек (кстати, тоже из закавказцев, но не армянин) как-то уверял, что отличительной чертой его соплеменников является врожденный аристократизм, и что едва ли не каждый второй из них имеет княжеское происхождение. Естественно, мне оставалось только догадываться, чем же они княжили, поскольку этак не то что поместьями, но и захудалыми хижинами не запастись. Добавлю, что у самого тогдашнего моего визави в манерах было столько же аристократического, сколько у старослужащего фельдфебеля из трофейной роты. Но к тому времени его уже настолько оболванили, что даже собственное хамство, позволяемое им по отношению к случайно оказавшимся за нашим ресторанным столом дамам, он воспринимал за верх утонченности. Собственно, подобное самообольщение, которое уже ничем не пробить, - заурядное явление, встречающееся у всех отравленных национализмом обывателей. Однако, сколь это ни прискорбно звучит, подобное порой происходит и с людьми, которых Господь и не лишил ума, и которых вроде бы нельзя отнести к обывателям. Пожалуй, наиболее разительным тому примером является случай с выдающимся немецким математиком Людвигом Бибербахом, утверждавшим, что пространственное воображение развито именно у немцев и неприсуще евреям. Сей нацист, перепутавший традиции отдельных математических школ с национальной принадлежностью, был, как ни странно, первоклассным ученым. Этот пример я привел для того, чтобы показать, что заболеванию психозом национализма, как и любой другой формой психоза, ум может и не служить препятствием. Возвращаясь теперь к «Карабаху», скажу, что рецидив национального нарциссизма встречался у жителей тогдашнего областного центра Степанакерта сплошь и рядом. Не изжит он, конечно, и сейчас, чему в немалой степени способствует и пропаганда национального чванства, организуемая средствами массовой информации Армении. И среди наиболее частых мотивов таким почти постоянным, рефреном звучал и звучит мотив необыкновенной талантливости армян, намного по этому критерию превосходящих все другие народы. А в качестве доказательства идеологи армянского национализма изобрели ряд штампов, среди коих весьма популярно подыгрывающее честолюбию обывателя утверждение, что именно благодаря своему таланту армяне столь преуспели в шахматах. Вот и ереванское радио в одной из январских передач за 1992 год, захлебываясь, утверждало, что превосходные успехи некой Эмилии Даниелян свидетельствуют, что вслед за мужчинами Петросяном и Каспаровым, юношей Акопяном появились талантливые армянские шахматистки - женщины. Странно было все это слышать, ведь и впрямь замечательный шахматист Тигран Петросян, как известно, являлся воспитанником грузинской шахматной школы, а Каспаров, Акопян и та же Эмилия Даниелян выросли в Баку. А вот Ереван не дал и не мог дать таких шахматистов, ибо иным, далеким от шахмат, забивались умы тамошней молодежи. Вообще, надо сказать, что, имея возможность в течение 1991 года начитаться газет Армении и тогдашней НКАО, наслушаться и насмотреться их радио и телепередач, пообщаться кое с кем из идеологов армянского национализма, я пришел к мнению, что, по видимому, есть и некая специальная служба, которая только для того и существует, чтобы коллекционировать имена и биографии сколько-нибудь выдающихся личностей армянской национальности с целью последующего использования этих «олимпийцев» в деле совращения своих соплеменников грехом кичливости и гордыни.

В частности, как еще одно свидетельство необыкновенной талантливости нации, в Армении весьма часто вспоминают о том, что этот в общем-то небольшой по численности народ дал вооруженным силам недавнего СССР сразу трех маршалов: Худякова, Баграмяна и Бабаджаняна. Но вот закавыка: ни один из этих троих не был родом из Армении, и, более того, двое последних являлись уроженцами Азербайджана. А о маршалах из Армении я что-то не слышал. И уж коль скоро речь зашла о людях военной профессии, вспоминается такой факт. Однажды газета «Советский Карабах» в номере (кажется, сентябрьском) за 1991 год опубликовала довольно пространственный материал об Иоахиме Мюрате - наполеоновском маршале, участнике всех военных компаний Наполеона Бонапарта, в коих он командовал кавалерией. Такое внимание к некогда блистательному герцогу Первой империи и королю Неаполитанскому, внимание провинциальной закавказской газеты к деятелю далекой Франции времен наполеоновских войн, поначалу вызвало у меня немалое удивление. Однако это удивление вскоре развеялось, как только я дошел до того места статьи, в которой сообщалось, что дедом Мюрата был армянин, да к тому же, как с гордостью отмечала газета, родом из Карабаха. И уж совсем все стало на свое место, когда я ясно почувствовал, что опубликован-то был материал как бы в назидание тамошней молодежи: вот, мол, каковы эти храбры-рецы-карабахцы. А когда я дошел до конца статьи, то мне уже и не показался странным тот факт,

что столь туманно и размыто были описаны в газете последние акты жизни храброго кавалериста Мюрата, склонного к авантюризму. А они, эти последние акты, для карабахцев могли бы быть весьма поучительными: пытаясь отвоевать себе у итальянцев Неаполь, Мюрат был разбит и казнен. Ну, скажите, разве это не поучительно на фоне Карабаха? Но вот этот-то печальный финал Мюрата и не нашел в газете освещения. А жаль! И чтобы совсем уж покончить с Мюратом, расскажу о разговоре, случившемся у меня в Степанакерте с одним старшеклассником по поводу статьи в «Советском Карабахе». Этот старшеклассник, находясь под воздействием газетного панегирика, столь восторженно отзывался при мне о храбрости и доблести «карабахца» Мюрата, что я позволил себе осторожно напомнить ему о бесславном бегстве маршала из России, бегстве, по сути, в одиночку, поскольку многие его кирасиры, драгуны, уланы и гусары так и остались лежать под снежным покровом российских равнин.

- А от кого он бежал? - в ответ спросил меня этот юноша.

- Вообще-то от Кутузова, - ответил я.

- Вот именно от Кутузова, воспитанника Суворова, - воскликнул он.

- Ну и что, что от ученика Суворова? - переспросил я, не понимая, куда он клонит.

- А то, - с еще большим вдохновением ответил мне этот юноша, - что Суворов стал Суворовым благодаря своей бабушке. Вот так!

Совершенно сбитый с толку подобным пояснением тайны феномена великого полководца, я стал копошиться в собственной памяти, пытаясь вспомнить, а не имела ли эта бабушка какое-либо отношение к ратному делу. Но поскольку из прекрасного пола среди благородного сословия россиян, связанных с армией, я - кроме кавалерист-девицы Дуровой - так и не припомнил, то, пристыженный своим неведением, упавшим голосом спросил его, кем же *была* бабушка Суворова.

- Армянкой, - ответил он мне торжественно, словно одного этого, если даже она и впрямь была армянка, уже было достаточно для того, чтобы Суворов стал генералиссимусом, а его ученик Кутузов разбил Наполеона, а заодно командуящего его кавалерией Мюрата.

Вот такая, на грани здравого смысла, экзальтация как преддверие заболевания националистическим психозом уже засасывала ум и душу этого молодого человека.

Мифологизация истории, обожествление корней, а также возвышение способностей нации, придание ей особых, облагораживающих черт, положительно отличающих ее от всех прочих народов, - это два характерных симптома того, что национализм уже принял свою крайнюю, болезненную форму.

Но есть еще один - третий симптом, пожалуй, самый отвратительный, а для окружающих народов еще и самый опасный по своим последствиям. Собственно, по формальным признакам он может рассматриваться и как разновидность второго симптома, поскольку тоже состоит в придании нации особых, отличающих ее от других свойств и однако это не просто отличие, к примеру, по способностям, по наклонностям к музыкальному или математическому творчеству, а отличие по физиологическому, биологическому признаку, причем такому, что позволяет носителя этого признака считать существом более высокого (или, если угодно, высшей расы). Это настолько меняет существо дела, что такую разновидность второго симптома следует рассматривать как отдельный, самостоятельный симптом.

Вообще-то говоря, когда речь идет о разделении людей (или даже целых наций), например, по росту и прочим физическим признакам, но без выведения из этого факта сколько-нибудь далеко идущих последствий, то страшного в этом ничего нет. Но если это разделение является основанием для расистских утверждений о превосходстве одних наций над другими, то тогда конец всему, ибо это уже даже и не национализм, а чистейшей воды расизм. Ибо он как раз и начинается с выявления, со скрупулезного поиска и подсчитывания физических, физиологических и биологических различий «своей» нации от других. Вспомним в связи с этим, что именно такого рода подходы к оценке интеллектуальных способностей человека и практиковались в фашистской Германии. Но кто бы мог предположить, что нечто подобное может иметь место и среди народов, некогда входящих в единый Союз? И, тем не менее, пресловутая перестройка явила миру и это. Право, странно было слушать некие разглагольствования о генофонде и крови с уст руководителя коммунистов Армении, но кажется это он дал начало спекуляциям в этой республике на подобную тему. А потом - псевдо-антропологические изыски приняла в Армении характер эпидемии. Но, пожалуй, более всего меня поразила заметка в газете «Эпоха». Оказывается, гематологи Армении провели крупномасштабное исследование, охватившее едва ли не весь земной шар, суть которого состояла в том, что во множестве стран, где живут армяне, были взяты пробы крови у армян и лиц коренной для этой страны национальности. Например, во Франции - у армянина и француза, в Греции - у армянина и грека и далее в подобном роде. Затем эти пробы на микробиологическом уровне были проанализированы и результаты анализа сопоставлены. И вот что показал анализ. Во-

первых, где бы ни жили армяне, структура и состав крови у них неизменны, во-вторых, такие состав и структура у людей никакой другой национальности более не встречаются. Вот так. У меня лично здесь возникают следующие два вопроса. Во-первых, неужто у гематологов Армении нет более иных забот, чем проведение такого рода исследований. Во-вторых, какова же цель этих исследований, что хотели они доказать? Ответ напрашивается сам собой, если сопоставить заметку в «Эпохе» с другими публикациями в периодических изданиях Армении. Оказывается, армяне, имея арийское происхождение, сумели сохранить, пронеся через века, девственную чистоту генов и крови своих предков. Великое достояние нации, не правда ли? А между тем все это чушь и блеф. Относительно арийского происхождения в другой публикации сообщалось, что факт этот признавали и фашисты, с распростертыми объятиями встречавшие плененных армян. Не знаю, как фашисты, а вот я уверен в другом: каково бы ни было происхождение проармян, у нынешних представителей этого народа за века произошло такое смешение крови и генов, что всякого рода разговоры об их чистоте - сущий бред. В этом плане я больше верю тем армянским специалистам, которые уверяют, что первые армяне были блондинами, но в результате смешения с другими народами стали шатенами и брюнетами. И это неудивительно, если вспомнить, какие завоеватели проходили через места обитания армян. Между прочим, за примером далеко, как говорят, ходить не надо. Однажды в Ереване я встретил на улице Сильву Капутикян и подумал: если надеть на нее халат, на голову - тюрбетейку, на ноги - остроносые чуваки, то сразу же покажется, что эта женщина только что приехала из Средней Азии. А Зорий Балаян? Глядя на него, сразу же возникает убежденность, что его далеким предком был какой-то воин орды Тимурленга, огнем и мечом прошедшего по всему Закавказью и близлежащим землям. Кстати, не потому ли его так тянет на Байкал? Но это я в шутку, поскольку всяческому бреду о зове генов и крови не верил никогда. Да и как можно в подобное верить, зная о великих переселениях народов, о нескончаемых войнах, о периодических климатических изменениях на Земле, об образе жизни (кочевом поначалу у всех) наших далеких предков. И если где-нибудь на островах Микронезии или в джунглях амазонских джунглей еще можно говорить о природной консервации аборигенов, и оставшихся на уровне архаичных форм организации жизни, то уж никак не о Ближнем и Среднем Востоке, где зародилось и погибло столько цивилизаций. И все эти разговоры о чистоте крови и генов - лишь свидетельство, что националистический психоз приобрел уже свои самые крайние формы. И отвратительные тоже, ведь именно это и имело место на волне «карабахской» авантюры НКАО и в Армении. Искусные совратители человеческих душ сделали все, чтобы националистический психоз принял здесь масштабы массовой эпидемии, принесшей столько несчастий людям, в том числе и тем, кто не по своей воле алая вовлеченным в кровавые события.

И последнее. Можно ли вылечить человека, сознание которого уже отравлено национализмом, как бороться с этим психозом?

Как уже отмечалось, наведение этой болезни на человека имеет гипнотический характер. Но ведь из состояния гипноза он выводится точно так же, как и вводится: через систему команд, на информационном уровне. Только таким путем и возможно излечение от националистического психоза. Иными словами, если болезнь не приобрела необратимых форм, то излечиваться от нее можно точно так же, как происходило заболевание ею: индукционно, путем воздействия соответствующим образом подобной информации на вторую сигнальную систему человека. Целью же лечения должно быть полное освобождение человека, его сознания от мыслей об уникальной особенностях и превосходстве собственной нации над другими. Кстати, для достижения быстрого эффекта целесообразно в информацию, воздействующую на вторую сигнальную систему, включать сведения, от которых у человека может возникнуть чувство стыда за своих соплеменников, содеявших недобрые дела. И не нужно бояться, что вместо мании величия у человека возникнет комплекс национальной неполноценности. У тех, кто уже болен национализмом, такого рода информация будет все более уравновешиваться ранее внушенными мыслями о чрезвычайной добротности своей нации, что поможет их освобождению от чувства националистического обольщения. А те, кто национализмом не болен - лишь станет еще более скромнее, что принесет ему только пользу.

Далее, чтобы процесс лечения не был слишком затянут, необходима надлежащая интенсивность, по крайней мере такая же, с какой осуществлялось националистическое совращение. Но самое главное, следует полностью изолировать, излечиваемых от тех, кто уже необратимо болен психозом национализма и является постоянным носителем этой болезни.

Только так, при интенсивном лечении и в чистой Среде возможно восстановление нормальной психики тех, кто жаждет излечения.

Свидетельством же того, что оно уже наступило, является полное высвобождение сознания человека от мании национального величия. От мания грандиоза.

ПО ПОВОДУ И СУЩЕСТВУ...

Настраиваешься на радиоголоса, смотришь телепередачи, листаешь прессу, и узнаешь вдруг такое, от чего рука помимо твоей воли тянется к перу.

И это «такое» - вообще-то самое разное по своей сути, но настолько волнующее, что не можешь удержаться и не сказать по его поводу и существу ну хотя бы чуть-чуть, написать хотя бы пару-другую страниц.

А он, МЯТЕЖНЫЙ...

Всякий раз, вспоминая Виктора Петровича Поляничко, мне приходят на ум лермонтовские строки:

А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой.

Но эта мятежность натуры Виктора Петровича не имела ничего общего ни с юношеской импульсивной блажью, ибо был он не зеленым юнцом, а многое переживавшим и пережившим мужем, и ни с томлением пресыщенного жизнью аристократа, бросающегося в бездну неизвестного в поисках острых ощущений, поскольку не был он и баловнем судьбы, а всего лишь не знающим усталости тружеником.

Нет, иное заставляло его метаться, не давая успокоения его душе: он всеми ее фибрами чувствовал, а умом государственного деятеля - еще и прекрасно понимал, какая опасность надвигается на его страну. И все уходило у него даже не на второй, а на десятый план, когда дело касалось ее благополучия, ее величия и целостности. Так, в заботах и тревоге за державу: сначала - СССР, а потом за последнее, что у него еще оставалось, - Россию, он боролся и погиб.

А между тем Виктор Петрович не был ни аскетом, ни чистоплюем, ни сухарем, и, как истый эпикуреец, понимал толк в радостях и удовольствиях жизни куда лучше иных вчерашних стряпчих, что на развалинах общего дома, на крови и страданиях миллионов его обитателей, словно мародеры, шагнули из безвестных дебрях, еще вчера копавших тихой сапой, в шумливых и властолюбивых нуворишей. Но Виктор Петрович и не желал себе такой участи, ибо был человеком долга, и долг свой он выполнил до конца, не поступаясь совестью.

О Викторе Петровиче я услышал сразу же, едва ступил на карабахскую землю. Да это и не удивительно, ибо имя его там было на устах у всех. Со страхом и ненавистью оно проносилось всей националистической мразью, с надеждой и уважением - истинными интернационалистами. Боевики из сепаратистских организаций день и ночь гонялись за ним, словно борзые вынюхивая его следы. Но, несмотря на ранения, непоправимой беды с ним там не случилось, и казалось, что это само Провидение хранило его. Но, конечно же, не в благосклонности Всевышнего секрет его «везучести», а в надежности охраны и в том, что среди его окружения не нашлось предателя. (В этой связи выскажу мнение, что террористы, устроившие засаду и расстрелявшие Виктора Петровича, наверняка имели в его окружении своего человека, сообщившего им о времени и маршруте его передвижения. У постперестроечной демократии свои нравы.)

Но не только в постоянной угрозе со стороны боевиков состояла сложность его работы в области. Он и в этих условиях сделал бы куда больше, не препятствуя ему всемогущая тогда (только ли тогда?) горбачевская камарилья. В частности, когда по указанию Виктора Петровича войсковыми нарядами генерала Сафонова, были задержаны для высылки из Степанакерта Старовойтова и Балаян, не имевшие никакого отношения к НКАО, приказом начальства из Москвы генерал принужден был освободить их, что позволило им продолжить свои подстрекательские действия.

Далее, ссылаясь на закон о печати, Поляничко не позволили прикрыть газету «Советский Карабах», хотя ее оголтелая националистическая пропаганда была очевидна каждому (что ведь тоже противоречило все тому же закону о печати).

Такие факты подбадривали национал-сепаратистов и весьма угнетающе действовали на здоровые силы среди населения.

И тем не менее Виктор Петрович не сдавался и продолжал честно выполнять свой долг. Однако все больше давала знать другая сложность, а именно: необоснованная и ни чем неоправданная критика в его адрес со стороны определенных сил из самого Азербайджана. Это был для него в ту пору весьма чувствительный удар по сути, удар в спину. И надо сказать, что критика эта была не только не завуалированной, но даже не заочной, а прямо в лицо. К нему в Степанакерт, в

возглавляемый им Оргкомитет по НКАО приезжали представители этих самых сил, и прилюдно, совершенно не разбираясь в ситуации, упрекали чуть ли в нежелании решить проблему. И моральная боль была для него весьма чувствительной. Парадоксально, но за одни и те же деяния его поносили с двух сторон.

А между тем по существу всего только за один год он успел многое. Все в этом мире познается в сравнении, и если оценивать деятельность возглавляемого им Оргкомитета в сопоставлении с содеянным там Комитетом особого управления (КОУ) Вольского, то значимость трудов Виктора Петровича будет видна еще более зримо.

И действительно, за весь 1989 год, неограниченно правя областью, Комитет Вольского не только ничего не сделал для восстановления здесь юрисдикции Азербайджана, но наоборот, лишь углубил отчужденность НКАО от остальной части республики. Так, именно тогда большая часть объектов экономики была переподчинена министерствам и ведомствам Армении, а материально-техническое обеспечение предприятий области - пономенклатурно перераспределено по новым, непосредственно союзного подчинения поставщикам, что позволило промышленности тогдашней НКАО обходиться без традиционных поставок из Азербайджана.

Именно в тот год под ширмой «культурного обмена» область наводнили эмиссары из националистических организаций Армении. Чего стоит, в частности, группа из сорока так называемых «артистов», разъезжавших по школам Стенапакерта и внушавших детям: запомните, вы живете не в Азербайджане, а в Армении.

И в придачу детям раздавали изображения Вазгена I.

Именно в пору руководства Вольским область оказалась наводненной оружием, причем стрелковое имелось едва ли не в каждом доме.

Это при нем из сел совместного проживания армян и азербайджанцев - этих островков мира в море ненависти - были окончательно выселены все азербайджанцы. Не хватит ли примеров?

Вот такой принял область Виктор Петрович - и многое успел. Вот некоторые факты. Не одна сотня непрощенных гостей была выселена им из области, реквизировано огромное число стволов оружия, подчинен Ходжалам областной аэропорт, что позволило контролировать воздушные перевозки, столь же жесткий контроль был установлен за автомобильными и железнодорожными перевозками, засечено и прикрито подпольное радиовещание и многое другое. Это им было сменено руководство областных силовых и юридических органов, взята под контроль войсковых нарядов сеть дорог и усилено патрулирование мостов.

А теперь сравните деяния Вольского с делами Поляничко и его коллег. И поневоле подумаешь: как же порой несправедлива бывает судьба, как не по делам она порой воздает.

Поляничко убит, а по Вольскому национал-сепаратисты и по сию пору льют слезы.

Кстати, вот такая деталь. Вольский, как известно, направлен был в НКАО прямо из аппарата ЦК КПСС распоряжением самого Горбачева. А вскоре после отъезда из области он встал во главе российских предпринимателей. И вот интересно, где он успел так поднатореть в предпринимательстве, что аж оказался мэтром этого дела. Не хочется думать, что в кабинетах и коридорах ЦК КПСС.

...Активна и плодотворна была деятельность Виктора Петровича в Карабахе, но зажатый тройным кольцом противостояния местных экстремистов, предателей из Союзного центра и недругов из республики, он не смог потушить карабахский пожар. Однако в том не вина его, а беда, боролся же он во имя этой цели не щадя живота своего.

...Как-то, незадолго до всей развязки, Виктор Петрович предложил мне написать сценарий полнометражного художественного фильма о «Карабахе»! Я был волен в выборе сюжета и фактуры. Сценарий я написал, и в телефонном разговоре, уже последнем, прочел ему текст и описание мизансцены одного короткого эпизода.

-Этот фильм мы снимем, обязательно снимем. Дай только срок, - крикнул он мне в трубку. Увы, это не я, а судьба не дала вам сроку, Виктор Петрович. Да и сценарий кочует где-то в чужих руках. Словом, ни в чем не судьба.

Вот, пожалуй, и все. И мне остается лишь сказать: да упокоится мятежная душа этого ревнителя долга!

ДЕЛА «ОСОБО ВАЖНЫЕ»...

Читая статью Ю. Щекочихина «Страх», опубликованную в «Литературной газете» (от 10 июня 1992 г.), невозможно не поражаться тем масштабам, каковых достигла коррупция во властных структурах Москвы (хотя и прекрасно понимаю, что сверхзадача статьи в другом: доказать, что в данном случае рыба пахнет не с головы).

Впечатляют не только масштабы коррупции, но и тот безмерный страх, который сковывает сердца людей при одном лишь упоминании иных имен из тех самых структур.

И тем более естественной в связи со всем этим кажется мне такая вот мысль: А ГДЕ ГДЛЯН-ТО С ИВАНОВЫМ, чего они-то молчат? А и впрямь: вот бы где развернуться этим «пламенным борцам» с казнокрадством и взяточничеством, вот бы где им приложить свой опыт профессионалов-следователей по делам особо важным, тем более, и ездить-то никуда не надо - вот они, мафиози, рядом, под рукой. Да и бояться-то им, в конце концов, нечего, ибо чуть что - и махай себе в Ереван, выполняй свой парламентский долг».

Но молчат эти двое, не слышно их что-то. Уж не дисквалифицировались ли они, не растеряли ли на демократических харчах свой опыт и знания. Размышляя обо всем этом, вспомнил я один недавний эпизод.

...Степанакерт 1990 года. Сижу в гостях и смотрю телевизор. Кроме меня в комнате - еще пять человек, и все, за исключением хозяина дома, - местные интеллигентствующие национал-сепаратисты.

А на экране витийствует Гдлян, в который раз разоблачающий погрязшую во взяточничестве партийную знать. И вдруг на мгновение телевизионная камера останавливается свой взгляд на Александре Яковлеве.

- Еще один партийный босс, - бросаю я фразу, не предполагая, чем это для меня кончится.
- Ты что, свихнулся, что ли? - кричит на меня один.
- Не смей, Яковлев истинный демократ, - орет другой.
- Будь все как Яковлев, и не было бы у нас забот, - подхватывает третий.
- Яковлев - наш человек, умру за него, - сжав кулаки, вопит на меня четвертый.

Не ожидая подобной реакции и обескураженный дикими окриками этих людей, виновато замолкаю, абсолютно не разумея причины их возмущения и гнева. Наконец завершается телепередача, и мы, довершив ужин, выходим на улицу. И вот тут-то хозяин дома, мой старый знакомый, объясняет мне суть моей оплошности.

- Дело в том, - говорит он, - что Яковлев, будучи в Ереване, высказал понимание целей «карабахского движения» и даже обещал свою поддержку. Оттого-то этот член Политбюро и столь мил моим гостям. Кстати, по этой же причине Гдлян, будь даже Яковлев трижды виновным, никогда не скажет по его адресу ни одного слова. И вообще, тут, брат, тонкая игра, и в этой игре у Гдльяна и Иванова - свои роли. Ну, скажи, мало ли в России правдолюбцев, а ведь в парламент Армении избрали только их. Глубинные предпосылки этого избрания те же, что и Старовойтовой, - Карабах...

И вот только тогда, после этих объяснений хозяина дома, я и понял, чего это вдруг так ополчились на меня его гости.

Это было на третьем году «Карабаха», в Степанакерте, но воспоминание о том эпизоде могло мне уже сейчас уяснить и причину того, почему Гдлян так неинтересны проделки московской мэрии по части коррупции. Да как же они могут быть ему интересны, ежели эта самая мэрия нынче на дружеской ноге с ереванской. Сам Гавриил Харитонович ездил в Ереван выказать ей свое почтение. Словом, дружат демократы, ну и ладно. Тут все ясно.

Одно только мне который уж год неясно: почему, ну почему Яковлев в ту свою поездку, на заре «Карабаха», не остудил горячие ереванские головы, почему не одернул их, не осерчал, не хлопнул, наконец, дверью. А наоборот, высказал свое понимание. Ведь это значит, что в большой крови «Карабаха» есть и его вина. И вина немалая. Но зато демократ...

Не знаю, как кто, а я то давнее поведение члена Политбюро Яковлева иначе, как преступным, назвать не могу. Ни его поведение, и ни его шефа.

Не потушив в те годы еще только тлеющий огонь «Карабаха», они, тем самым, дали ему разгореться в страшный, так много уже поглотивший пожар.

Спросить бы у них: чего ради, господа демократы? Но молчат, как молчит и один из апостолов перестройки Яковлев.

ВЕСЕЛЫЙ ЭФИР «РАДИО АРМЕНИИ»

Анекдоты... Говорят, им от роду столько же лет, сколько и людскому обществу. И уже точно установлено, что они были в огромной чести у молодежи патрицианских семей Древнего Рима. Но, пожалуй, ни в какие времена и нигде в мире их не создавалось в таком множестве, как еще недавно в недавнем же СССР.

В этих забавных, до предела сжатых откровениях своеобразного (как правило, городского) фольклора почти эзоповским языком обыгрывались едва ли не все стороны нашей жизни. И гуляли по городам и весям огромной страны «чапаевские», «северные» и прочим образом обозначенные анекдоты, потешая народ.

Кстати, среди сих прочих немалой популярностью пользовались и так называемые «анекдоты армянского радио», под внешней оболочкой большей части которых скрывался несомненный политический подтекст.

Понять подобную окрашенность анекдотов былых лет нетрудно. Но нынче, когда гласность и плюрализм суждений вроде бы дали возможность открытого текста любым суждениям и мыслям, я полагал, что политические анекдоты из «чапаевской» и всякой другой серии должны кануть в Лету. Увы, я ошибался, ибо, по крайней мере, в случае с «анекдотами армянского радио» сегодня обстоит все как раз наоборот. Наоборот, в том смысле, что именно этот жанр «литературного творчества» сейчас оказался наиболее предпочтительным в передачах «Радио Армении» на политическую тематику.

Нужны факты? Извольте, могу привести. Ну чем, скажите, не анекдот следующее сообщение «Радио Армении» от 11 декабря 1991 года: «Армения присоединилась к международному пакту ООН от 1948 года о недопущении генеральных меньшинств на всей своей территории». Так и захотелось воскликнуть: молодцы, братцы, изобретательности вашей и впрямь позавидуешь! А действительно, какому же еще пакту из числа гуманитарных быть здесь принятым, как не этому? Хотя, впрочем, о каких таких национальных меньшинствах можно говорить применительно к Армении, ставшей после изгнания вчистую всех азербайджанцев едва ли не абсолютно моноэтнической? И где еще, в какой другой республике бывшего СССР можно встретить такое, когда люди не коренной национальности, все разом, составляли бы только три процента общей численности населения? Нигде. Так что, господа парламентарии Армении, принимая сие решение, как говорится, ничем не рисковали, а анекдот, между тем, выдали. Кстати, уж коль скоро речь зашла о парламенте Армении, не могу удержаться и не рассказать еще об одном пикантном случае, происшедшем на том же заседании, когда принимался и упомянутый выше пакт. К слову, об этом случае рассказало все то же вездесущее армянское радио.

Оказывается, некий шутник в пылу охватившей его лихорадки вольнодумия предложил парламенту, что называется, с места в карьер, заодно с тем пактом принять и Билль о правах человека. Что тут произошло, какой поднялся шум! Трезвомыслящие парламентарии объяснили незадачливому «вольтерянцу», что в Армении хоть и нет национальных меньшинств, но кое-кто, невзирая на интенсивную эмиграцию, пока что остался. А вдруг они бросятся требовать соблюдения своих прав? Этак ведь, чего доброго, придется всерьез становиться демократическим государством. Но ведь демократическим - это означает сегодня непременно еще и миролюбивым. Тогда как же ситуация с Карабахом? Ужас какой-то!

Словом, «вольтерянца» зашикали, Билль о правах не стали даже и рассматривать, и благополучно занялись «мировыми проблемами». А жаль. Ведь была, была у парламентариев Армении возможность за один только день выдать сразу два анекдота.

Впрочем, жалеть особенно не надо, поскольку сериал анекдотов армянского радио и без того пополняется день ото дня.

Вот еще один образчик, слышанный мною в передаче все того же радио. В тот раз оно изрекло следующее: в политической палитре Армении есть и партия социалистической ориентации - это партия «Дашнакцутюн». Право же, услышав такое, я чуть было не поперхнулся чаем, попиваемым в ту минуту. Это же надо: партия, которая уставом, программой и всей своей деятельностью проповедует (внедряя в умы армян различных общин) идеологию пещерного национализма, национального чванства и национального мазохизма, партия, в значительной мере усилиями которой во внешней политике Армении утвердились реваншистские и агрессивные устремления, партия, во имя химер державности принимавшая столь активное участие в разработке тех сатанинских планов и дьявольских интриг, вследствие коих сегодня оказались отданными на заклятие тысячи и тысячи армян и азербайджанцев Карабаха (словно недостаточно тех сотен тысяч несчастных азербайджанцев из Армении и армян из Азербайджана), - такая вот партия, и вдруг... социа-

листическая ориентация. Ну, не анекдот ли? Еще какой. С элементами мистификации, с явной профанацией сути давно устоявшихся понятий. Однако, слегка поразмыслив, я пришел к выводу, что хоть все это и так, тем не менее считать сей анекдот откровением армянского радио нельзя. Ибо с бородою он, с бородою в полвека длиной. Помните, и партия Адольфа Гитлера тоже придерживалась социалистической ориентации. Правда, не просто социалистической, а национал-социалистической. И хоть это многое меняет, но ведь социалистической тоже не опровергает. По крайней мере в названии. В этом-то и весь секрет анекдота: армянское радио, желая, видимо, скрыть ретроградство и плагиат дашнаков, определило их политическую ориентацию просто как (то есть без «национал») социалистическую. Но уши-то, уши остались торчать, и никакой словесной эквилибристикой их не скрыть.

Кстати, не благодаря ли этой общности ориентации карабахская авантюра была названа армянским словом «миацум», являющимся калькой с немецкого «аншлюс». Удивительно, как много схожего. Вот и еще: нацисты оправдывали аншлюс тем, что, мол, австрийцы говорят на немецком, - тот же довод приводят и дашнаки. А вдобавок, та же общность методов, та же жестокость, то же растрепывание душ, тот же цинизм.

Есть, правда, и отличия: нацисты, стоя у руля управления великой державы, действовали в открытую и к чьей-либо помощи, и уж тем более международного социалистического движения, не прибегали. Другое дело дашнаки: у них нет былого могущества нацистов, да и времена не те. Отсюда и их «демократическое» словоблудие, и их членство в Социнтерне, и их иезуитская изворотливость, и их двойной образ жизни. И это при столь разительном сходстве целей: там - «Тысячелетний Рейх», здесь - «Великая Армения»...

А тем, кто стряпает на армянском радио, хочется сказать: подвела вас, господа, ваша память, вот и оказался ваш анекдот с бородою, которую не скрыть, как не скрыть и национал-ориентацию партии дашнаков.

И наконец, об анекдоте, услышанном накануне нового года. «В Степанакерте, - сообщило армянское радио, - подведены итоги плебисцита, проведенного в республике Арцах с соблюдением всех демократических норм». Вот уж юмористы! Что ни слово, то анекдот. Целая гроздь анекдотов. Анекдот - и сама эта республика Арцах, анекдот - и сам этот плебисцит, анекдот - и сами эти, с позволения сказать, нормы. Что касается эрзац-республики, то тут все ясно: не прошло с миацумом, то бишь с аншлюсом, прибегли вот к такому средству. Как говорится, не мытьем, так катаньем. А сорвется и тут, то, по слухам, у режиссеров карабахской драмы заготовлен еще вариант: объявить бывшую область заповедной, охранной зоной международного гангстеризма. А что? Во всяком случае в этом прожекте больше резона, чем во всех остальных предыдущих. Ведь земля эта уже давно стала заповедником беззакония, терроризма и откровенного разбоя, ведь это здесь жизнь человеческая стоит дешевле, чем тот металл, из которого отливаются пуля, ведь здесь слились воедино интересы воинствующих националистов и прожженных уголовников.

А кто-то твердит о демократическом характере волеизъявления людей. И это здесь, в Карабахе?

Побойтесь Бога, господа. Однажды я уже был свидетелем подобного фарса, когда в области, объявленной Арменией своей частью, проводились выборы в парламент этой республики. Претовратительнейшее было зрелище, и тем циничнее казались мне лжесвидетельства тех, с позволения сказать, правозащитников, что трубили в иерихонские трубы об их «демократическом» характере. Только и оставалось воскликнуть: о времена, о нравы!

Что же касается собственно армянского радио, то надо отдать должное умению его дикторов и дикторш рассказывать самые невероятные анекдоты самым невероятным серьезным тоном. И тем вводить в соблазн иных наивных людей. К примеру, один мой старинный приятель, прослышав из передач армянского радио о прошедшем плебисците и приняв весь анекдот за чистую монету, создал макет герба новоиспеченной республики: шабаш ведьм на фоне гор, а по окружности изречение, заимствованное у Гойи: «Сон разума рождает чудовищ». И теперь вот ждет объявления конкурса, весьма надеясь стать его победителем. Что ж, лучше и не придумашь.

Вот и все. Ну, а тем, кому трех приведенных анекдотов оказалось недостаточно, я предлагаю поступить так, как это от случая к случаю делаю сам: настраиваться на волну «Радио Армении».

От 17 до 18 часов московского времени на частоте 6056 килогерц.

Веселенького вам эфира, господа!

ЧТО СТЯПАЕТСЯ НА «КАРАБАХСКОЙ КУХНЕ»

Прошло несколько лет, а из памяти не исчезает Степанакерт с его нравами, с его миром перевернутых понятий и представлений. И его обыватель - агрессивный, отравленный ядом национализма. Всегда довольный собой. Опасная это болезнь - национальный нарциссизм. Она разъедает душу человека, делает его рабом иллюзий, слугой химер. Обывателем, чванливым и полным гордыни. Недаром христианство считает гордыню самым страшным пороком.

Известно, что наука стала системой знаний после того, как сделала математику, математические расчеты средством познания природы. То, что доказано с помощью математики, - доказано основательно, и, как правило, проверку временем выдерживает.

В общественных науках, в исследовании специальных проблем математика внедряется с трудом, и в этом одна из причин их неотработанности.

А жаль, ибо используй и здесь математику во всей ее мощи, глядишь, от многих заблуждений избавились бы люди, многое бы лучше поняли.

Вот тому пример.

Вблизи от дома, где я квартировал, разбит уютный сквер. Это - одно из тех мест, где любят собираться обыватели Степанакерта. Кто-то проводит здесь время в игре в нарды, в шашки или в шахматы, а кто-то, собравшись в круг, ведет беседы. Как правило, беседы праздные, хотя бывает, что и не совсем.

Однажды, теплым весенним днем, пошел я со своим знакомым в этот сквер. Идем с ним по аллее, весна, легко дышится. И проходя мимо одной группы людей, знакомый мой останавливается: тут у него оказались приятели.

Люди сидели на двух поставленных «лицом» друг к другу скамьях, и о чем-то вели разговор. Свободных мест хватало и мой знакомый присел. Пришлось и мне. Так о чем же был разговор? А вот о чем. У одного из этой группы человека лет пятидесяти, сидевшего в центре, в руках была какая-то книга, раскрытая на странице, изображающей карту Армении и сопредельных с ней стран. Часть территории Турции на ней была окрашена в цвета Армении, и, показывая на эту часть, человек тот с пафосом восклицал: «Вот эта территория принадлежала исторической Армении, и поэтому она должна перейти к Армении. Если помните, - продолжал он, - о том же говорили и армянские депутаты на одном из заседаний Верховного Совета страны. Вот такие дела», - заключил он эту часть своего спича.

Один из сидящих вокруг этого человека людей покачал головой, не знаю уж, что этим выражая, другой бросил реплику, остальные заглядывали в карту.

Наклонившись через своего знакомого и еще одного, сидящего справа от него, мужчину, заглянул в карту и я.

И в этот момент мой знакомый обратился ко мне с вопросом:

- Ну, что скажешь, кандидат?

- Шахматист, что ли? - справился обо мне тот, что держал в руках книгу с картой, продолжая свою, так сказать, просветительскую беседу.

- Да нет, - ответил мой знакомый, - кандидат наук.

- Интересно, - отозвался «лектор», - мы тут почти все - люди с высшим образованием, но вот кандидата среди нас нет. Так что и впрямь любопытно, что обо всем этом думает кандидат наук.

Многие тут же обратили взоры на меня - и отмолчаться было нельзя. Да и самому не хотелось молчать. Но и отвечать надо было так, чтобы не вызвать у них излишнюю злость. К тому же было неудобно подводить знакомого. Минуту подумав и напустив на себя умный вид, я сказал:

- Тут надо все обмозговать и взвесить, выработать оптимальную стратегию, так сказать. И тактику тоже.

- Правильно, - одобрительно отозвался «лектор», - сразу видно - ученый человек. А что вас конкретно интересует?

- А то, - говорю я ему, - что делать будем с турками, живущими на той территории?

- Нашел о чем думать, - отвечает он мне, - пусть катятся куда хотят.

- Это-то я понимаю, что пусть катятся, но ведь не хотим же мы, чтобы они сто лет катились? - спрашиваю я.

- Нет, конечно, - отвечает он, - все надо будет делать быстро. Быстро и цивилизованно. По-европейски, мы ведь народ культурный.

- Ну, а раз народ культурный, и делать будем все по-европейски, - говорю я, - то следует подсчитать, сколько вагонов потребуется или автобусов, словом, транспортных средств. Без этого

в приемлемые сроки не очистить от них территорию. Значит, надо определить, сколько сейчас их там живет.

- Молодец, - вновь похвалил меня «лектор», - практически подходишь к вопросу, по-научному. Так и надо, а - только как ты подсчитаешь, сколько их там живет?

- А вот как. Для начала давайте посмотрим, какая часть территории Турции окрашена в цвета Армении, - отвечаю я.

Рассмотрев повнимательнее карту, решаем, что не меньше одной трети.

- Итак, - говорю я им, - эта часть - одна треть, следовательно, вся оставшаяся - две трети.

Примем, - продолжаю далее, - «армянскую» за единицу, тогда другая будет равна, очевидно, двум. Запишем. И вынув из кармана ручку, на верхней чистой полосе газеты записываю две цифры: 1 и 2.

- Теперь поговорим о плотности населения, - разьясняю им далее, - конечно, северо-восточная часть Турции – это не Анатолия и уж тем более не побережье Босфора. Так что, примем, что в этой «армянской» части плотность в среднем в два раза меньше, чем во всей остальной. Но тут возникает разногласия: одни соглашаются, другие предлагают считать ее меньшей в три раза. Консенсус достигается на значении два с половиной.

- Хорошо, - опять беру я слово, - примем плотность населения в «армянской» части за единицу, и тогда для остальной части Турции получим значение два с половиной. Запишем и эти числа.

И опять на все той же полосе газеты записываю эти два числа: 1 и 2,5.

- Так сколько же всего таких частей уже по населению составляет Турция, а? - задаюсь я вопросом, и быстро подсчитываю:

$$1 \times 1 + 2 \times 2,5 = 1 + 5 = 6.$$

- А теперь, - говорю я им далее, - вспомним, что население Турции, составляет около шестидесяти миллионов человек и значит, на ту ее часть, что на карте окрашена цветами Армении, приходится... - и, произведя деление:

$$60 : 6 = 10,$$

зачитываю итоговое число: десять миллионов!

- Далее, - не выдав себя ничем, продолжаю я в том же тоне, - прикинем, сколько человек вмещает один вагон. Если это купейный...

А у самого, верите ли, ручка дрожит в руке. Неужели, думаю я про себя, этот «лектор» и ему подобные подонки готовы превратить в беженцев, в страдальцев десять миллионов людей, и на их несчастьях построить «новую Армению»? Тут, понимаешь, всего шестьсот тысяч беженцев, и в огромной стране – СССР трудно каждому из них устроиться, а эти изверги готовы и десять миллионов людей бросить в жертву своих «великодержавных» амбиций. Да тут не то, что Турция, тут весь Средний Восток в компании с Ближним обратятся в хаос. И разве новые беды воскрешат тех, кто пал жертвой былых авантюр? Нет, несчастья лишь умножатся, трагедия лишь углубится. А ведь на том заседании Верховного Совета страны вроде бы ученые мужи выступали... Но обо всем этом я думал молча, про себя, а сам через минуту раздумий продолжаю:

- Итак, если вагон купейный, то в него...

Но продолжить мне не пришлось. Это число - десять миллионов беженцев - уже само по себе весьма удручающе и отрезвляюще подействовало на людей.

«Лектор» сидел, поглаживая в раздумье бороду; увяли, потускнели лица других.

-Пойду-ка поищу, нет ли где в продаже картошки, жена просила, - поднявшись со скамейки, сказал один из мужчин и удалился.

- Пора и мне, дочери обещал с внучкой погулять, -с этими словами ушел и второй. Третий вытащил из-под себя нарды и, разложив их, начал партию с сидящим напротив него мужчиной.

Пятый пересел на соседнюю скамейку и стал наблюдать за игрой в шахматы. А через минуту ушли и мы. И когда шли по аллее, мой знакомый, хоть и не очень зло, но все же не удержался и стал помаленьку ворчать на меня. Опять, мол, я испортил людям обедню. Но ведь как можно было дать ей состояться, защищался я, коли людей собирались потчевать на ней ядовитыми блюдами.

А математика... Что ж, математика и помогла мне доказать, что блюда эти и впрямь ядовиты. Как и все, что четвертый уж год готовится на «карабахской кухне».

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ИЗЪЯСНЯЮТСЯ ПРОВОКАТОРЫ?

Нынешний председатель парламента Армении господин Левон Тер-Петросян тему «Карабах» в своих выступлениях, пожалуй, уже заездил - этот любимый конек эксплуатируется безжалостно. Понять эту его «слабость» можно: не случись карабахской трагедии, не быть и ему главой целой республики. Хотя вряд ли ему и позавидуешь, ибо редко кто (не считая, конечно, его сотоварищей из комитета «Карабах») взял бы на душу грех идти к Олимпу власти его дорогой: через трупы безвинных жертв, через сотни тысяч разбитых судеб и растравленных душ. Кровавой дорогой...

Однако пишу я эти строки вовсе не из желания разбередить душу воспоминаниями о том, сколько зла принесла людям нечистоплотная деятельность комитета «Карабах»,

За перо взяться меня побудили провинциальные беспардонность и высокомерие, которые позволяет себе в высказываниях по адресу руководства Азербайджана Л. Тер-Петросян. Вот и недавно, на устроенной после встречи с М. С. Горбачевым пресс-конференции в постпредстве Армении в Москве он вновь позволил себе выступить с некими предостережениями в адрес Президента Азербайджана. Ну что тут скажешь? Тер-Петросян, по-видимому, никак не может отречься от манеры общения, принятой среди членов комитета «Карабах», полагая, что она сойдет и на уровне межгосударственных отношений. А что касается той самой спеси, то, по всему, это уже его стиль, а стиль, согласно известному афоризму, и есть человек.

Высокомерие - неперемный атрибут всех его выступлений и заявлений. Приведу примеры. Когда правительство Азербайджана, желая отгородить свою территорию от массивов диверсий со стороны армянских боевиков, закрыло дорогу Горис - Лачин, в Москву на имя М. С. Горбачева за подписью Тер-Петросяна пошла телеграмма-требование. «Немедленно откройте дорогу, ибо в противном случае мы сделаем это своими собственными силами».

Каково? «Мальбрук в поход собрался!» Или вот еще. Едва сев в кресло Председателя Верховного Совета Армении Тер-Петросян выступил с пространным заявлением, в котором уже в самом начале изрек следующее: «Противостояние Армении с Азербайджаном сегодня потеряло свою актуальность». Помнится, когда я прочел эти строки, поначалу облегченно вздохнул: ну, наконец-то в Армении поняли всю бесперспективность своих претензий на Карабах.

Но читаю дальше и все больше изумляюсь: оказывается, упомянутое противостояние потеряло свою актуальность по той причине, что Нагорный Карабах принадлежит Армении, и тут, мол, не о чем дискутировать.

Или вот совсем уж свежий пример. Двенадцатого мая сего года в Ереване состоялся многотысячный митинг. И как думаете, кем он был организован? Комитетом «Карабах»? А я-то, по наивности, полагал, что после стольких позорных фиаско, наслышавшись проклятий в свой адрес, комитет сей, лопнув со стыда, приказал долго жить. Ан нет, «жив курилка»!

Особенно примечательным на том митинге было выступление сего государственного мужа. Ничтоже сумняшеся, он заявил буквально следующее: «Центр, желая воспрепятствовать стремлению Армении к выходу из СССР, прибегнул к услугам Азербайджана, демонстрирующего свою агрессивность по отношению к Армении». Поразительно! Оказывается, это не Армения вмешивается в дела Азербайджана, а наоборот! Я понимаю: бывает ложь во спасение, но чтобы так вот!..

Уж коль скоро сегодня именно Тер-Петросян является главой Армении, неплохо бы знать правила политической «игры», коих придерживается этот господин. Вот что он сам сказал по этому поводу в одном из своих выступлений: «Наша политика должна строиться на учете ошибок оппонентов». Ничего не скажешь, предельно откровенно.

А что касается ошибок, то стоит ли трудиться искать их у других? Ведь вся политика аннексионизма в карабахском кризисе - сплошная цепь ошибок. Взгляните на плоды ваших усилий: неужто не ужасаетесь, неужто не вздрагиваете хотя бы во сне? Ведь столько несчастных вокруг... Ну да ладно, сантиментами вас не проймешь.

Между прочим, не могу не сказать и об ошибках Тер-Петросяна из разряда курьезных, тех, что даже адвокатов карабахской авантюры ставят в весьма, мягко выражаясь, щекотливое положение. К примеру, небезызвестную Боннер. Каким образом? - спросите вы. А вот каким. Выступая недавно перед активистами движения «Демократическая Россия», она призывала их, да и вообще всех россиян, поддержать Армению в ее поползновениях на НКАО.

-Ведь речь, - патетически заметила она, - идет не о ком-либо, а об Армении, являющейся давним и неизменным другом и союзником России.

Ну как тут не сказать, что левая нога порой не знает, куда торит дорогу правая. Ведь это именно господин Тер-Петросян в одном из своих интервью заявил буквально следующее: «Семьдесят лет нам твердили, что Армении не прожить без России. Теперь мы освобождаемся от этого комплекса».

Вот так! Ну а куда уйти от того, что именно в Армении специальным законом (!) запрещено принимать детей из армянских семей в школы с русским языком обучения. И это на фоне все увеличивающегося в Армении числа школ с иностранными языками обучения. Разве Елена Боннер обо всем этом не ведала, не знала о набирающей там обороты русофобии? И ведала, и знала. Но лгала, и на эту ее ложь, если судить уже по первым передачам нового Российского телевидения, кое-кто и клюнул. А жаль, ибо вокруг карабахских событий дамами и господами из той же среды, что и Елена Боннер, столько наворочено лжи, что не каждый сразу и разберется, а не разобравшись, и не в такую чушь еще поверит.

Лицемерная патетика Боннер кое для кого оказалась заразительной, и вот уже Балаян, Погосян и прочие из самой НКАО обратились с открытым письмом и воплем в парламент России и к его Председателю: «Помогите христианскому и питающему к России любовь населению области, которое, дескать, изводит азербайджанцы».

В отличие от этой братии не буду говорить за всех жителей НКАО, а скажу о них самих: не под их ли давлением в области, вслед за Арменией, в одночасье были прикрыты школы и детские сады, в которых функционировал русский язык. Да и потом, не поздновато ли эти фарисеи вспомнили о христианских заповедях. Словом, опять все те же ложь, цинизм и злой умысел. Им хотя бы сейчас не шкурничать, не трястись над собственным благополучием, да не могут.

Кстати, о языке. Уж слишком старается кое-кто, а в особенности Старовойтова, представить Л. Тер-Петросяна полиглотом, владеющим десятью языками. Будь это так, то уж наверняка бы он смог овладеть и тем относительно не сложным языком, каким принято изъясняться с суверенной и тем более соседствующей республикой.

Но именно этого-то языка сей полиглот и не знает, ибо иначе не объяснить факт проведения 17 мая под его же председательством так называемой Чрезвычайной сессии парламента Армении по все тому же карабахскому вопросу, не входящему в ее компетенцию. Мало того, по предложению Тер-Петросяна эта сессия приняла решение обратиться к генеральному секретарю ООН. Видимо, и Тер-Петросян, я его коллеги по комитету «Карабах» готовы на все, лишь бы не распилиться в ущербности собственной политики. А вдруг придется отвечать за ее правовые последствия своими же обездоленными соплеменниками. И покуда руководство Армении не совсем еще разучилось русскому языку, воспользуюсь и я им, и посоветую кое-кому только одно: пора и честь знать, господа провокаторы.

ЛОГИКА АГРЕССИИ, ИЛИ ЧЕМ ЗАВЕРШАЮТСЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

24 апреля сего года в Армении будут поминать очередную годовщину трагических событий, происшедших в Турции в 1915 году. Во всех монастырях и церквях Армении пройдут специальные богослужения, хоры пропоют в них скорбные заупокойные мессы.

Будут речи, будут публикации, будут радио и телепередачи, и по опыту предыдущих лет нетрудно предугадать, что во всех них мысли о двадцать четвертом апреля не раз и не два будут перемежаться с различными суждениями о «Карабахе».

Так будет не только в самой Армении, но и в иных масштабах в армянских общинах за рубежом, в некоторых поселениях на территории бывшего СССР. И уж тем более так будет в Карабахе. Сужу по опыту прошлых лет, когда были и шествия с возложением венков, уроки скорби во всех школах, на которых с леденящими кровью подробностями детям рассказывалось и о событиях 1915 года, и о не столь давних, связанных с «Карабахом».

В области особенно будут усердствовать в смаковании былей и небылиц любители нажать политический капитал на чужой крови из числа местных национал-сепаратистов, что, конечно же, обострит здесь ситуацию.

Словом, будет многое. Но будет ли во всем этом правда? Вся правда безо лжи, без умолчаний, без камуфляжа? И вот когда думаешь, а в чем она, правда «Карабаха», то оказывается, что многое здесь можно понять, если взглянуть на это с позиций завершившегося кризиса в Персидском заливе.

Так взглянем же. Однако прежде чем это сделать, позволю себе отступление. Среди методов научного познания достойное место принадлежит методу аналогового моделирования. Суть этого метода проста и легко формулируема: если два явления (процесса, события) в своей основе,

в чем-то определяющее очень важным, аналогичны, то результаты исследования одного из них во многом распространим и на другое. А коль скоро так, используем же и мы аналоговое моделирование и, апеллируя к кризису в Персидском заливе, исследуем с его позиций и «карабахские» события. С этой целью первоначально зададим пары аналог-событий.

Вот первая пара:

- притязания Армении на НКАО (А - событие).

- притязания Ирака на Кувейт (А' - событие). Покажем теперь, что в основе своей, по ряду важных факторов, А и А' события действительно образуют аналог события. Вот доказательства.

Армения объясняет свои притязания на НКАО тем, что земли этой области в какие-то времена уже принадлежали ей. Не буду говорить, насколько этот довод серьезен, если и сама-то Армения почти полтора тысячелетия была лишена независимости, приобретя ее только после Октябрьской революции. Тем не менее, приведу его во внимание. Но и Ирак тоже объяснял свои притязания на Кувейт тем, что Кувейт еще до первой мировой войны был частью Ирака, и это действительно так.

Армения приводит и такой довод, что большинство населения области - армяне, и она, таким образом, желает объединиться со своими единокровными братьями. Довод насчет этнических армян и единокровных братьев тоже не безупречен, если вспомнить все перипетии судьбы кавказских албан, и здесь корректно говорить о единстве по языку. Однако так или иначе приведу во внимание и этот довод, но ведь и Саддам Хусейн говорил об объединении единокровных народов Ирака и Кувейта, а они и впрямь единокровные и единойзычные - арабы.

Наконец, еще один самый по нынешним временам эксплуатируемый довод, ввиду своего, так сказать, демократического облачения. А речь вот о чем. В Армении часто говорят, что, мол, за вхождение НКАО в состав Армении ратует большая часть народа области, что такова, видите ли, воля этого народа, и что само это волеизъявление успело даже найти свое подтверждение на тех самых выборах в парламент Армении, которые подпольно и по-воровски были проведены в НКАО. Словом, расступись - грядет демократия.

Что же, при всей его ущербности, мы и по этому фактору тоже проведем сопоставление ситуаций в Карабахе и в Кувейте.

Но предварительно никак не могу отказать себе в удовольствии хотя бы чуть-чуть и самому поездить на том любимом коньке иных господ из Армении и их челяди из НКАО, полагававших, что это не просто конек, а тот самый горбунок, который перепрыгнет через все преграды и позволит им аннексировать область.

Я - о демократии, вернее, о ее эрзаце, не сходящем с кое-чьих уст.

Вспомним: когда умер последний президент Веймарской республики генерал Гинденбург, 78 (!) процентов немцев отдали на выборах свои голоса Гитлеру, избрав его и президентом, и рейхсканцлером. А ведь те выборы 1934 года были вполне демократичными. Так скажите, кем же были те 78 процентов, открывших в своей стране дорогу нацизму. Народом? Нет! Тогда это была безликая многомиллионная толпа, одурманенная воинствующим национализмом. И если это могло случиться с немцами, то столь ли уж трудно было господам из комитета «Карабах» совратить тем же воинствующим национализмом карабахского обывателя?

Во-вторых, можно ли те выборы, что прошли в НКАО, назвать демократичными, как это любят делать все те же господа? Нет, конечно, и я видел, как они проходили, когда по домам шли со списками, и попробуй не подпишись. До такого, кажется, еще нигде не додумались, а между тем избранные подобным образом депутаты от НКАО не считают постыдным заседать в парламенте Армении и даже получать за это соответствующую мзду. Неисповедимы пути «демократии»!

А как обстояло, спрашивается, дело в Кувейте? Увы, эмир Кувейта не проводил опросов в своей вотчине. А Саддам? Вовсе не желая его восхвалять, тем не менее, не могу не сказать и о том, что он не воспользовался даже такой вот выигрышной картой модной нынче демократической масти, которую ему послало, казалось бы, само провидение. Ведь Ирак - какая-никакая, а все же республика, тогда как Кувейт - эмират, и Саддам вполне мог бы поспекулировать на тему о том, что он, мол, жаждет освободить своих единокровных братьев от средневековой деспотии. Но он не стал этого делать, как и не стал создавать у себя в Ираке комитета «Карабах», о, пардон, комитета «Кувейт», не стал засылать в Кувейт своих лазутчиков для совращения тамошнего населения, не стал рассказывать им байки о временах Али-Бабы и сорока разбойников, ибо и без всего этого знал, что большая часть населения Кувейта будет за него: ведь на 60 процентов население его составляют арабы-палестинцы, а об их отношении к Саддаму теперь знаем и мы. Нет, что там ни говорите, а все-таки он не чета Зорию Балаюну и прочим господам из комитета «Карабах», и хоть затея его тоже из разряда авантюры по локальному переделу мира, тоже принесла несчастье сотням

тысяч людей, он бросился в эту авантюру, что называется, очертя голову. Безо всяких там сальто и кульбитов на «демократическом» турнике. Бросился с открытым забралом, пытаюсь отстоять Кувейт не от неготового к войне соседа, а от 28 государств во главе с США! И не поддержанный даже теми, на кого надеялся и кого числил союзниками. Что ж, и такое бывает в жизни. Итак, доводы, приводимые и Арменией для обоснования своих притязаний на НКАО, и Ираком - для тех же целей относительно Кувейта - абсолютно идентичны. А это и означает, что с точки зрения правомочности, законности, обоснованности они и образуют пару аналог-событий.

А посему, в соответствии с принципами аналогового моделирования, результаты любого анализа одного события вполне применимы и к другому. В том числе, конечно, анализа, проводимого на основе метода экспертных оценок. Но скажите, есть ли в мире, коль скоро речь идет об отношениях между двумя странами, экспертная группа более высокого уровня, чем Совет Безопасности ООН, и уж тем более группа из пяти постоянных членов этого Совета (США, Англия, Франция, СССР и Китай)?

А оценка и Совета Безопасности и «группы пяти» была однозначной и недвусмысленной: во взаимоотношениях между странами непреложным является принцип неприкосновенности послевоенных границ, принятый ООН уже на этапе создания этой организации, подтвержденный затем и хельсинкскими соглашениями. И поскольку Ирак нарушил этот принцип, то он должен быть сочтен за агрессора, а все его доводы объявлены несостоятельными. Тогда должны быть отвергнуты и претензии Армении относительно НКАО, поскольку доводы ее абсолютно идентичны доводам Ирака относительно Кувейта. Ирак, как известно, заартачился, и тогда его заставил силой оружия подчиниться законам, регулирующим отношения между государствами, мировой правопорядок. Но при этом пролилось много крови, крови безвинных людей. Чего же ждет Армения?

Или тамошнее руководство думает, что в Карабахе еще недостаточно пролилось крови? А если не так, то почему не умолкают на этой земле выстрелы?